2503 2356

ОЧЕРКИ

ТВЕРСКАГО РАСКОЛА И СЕКТАНТСТВА.

СОСТАВИЛЪ
МАГИСТРЪ БОГОСЛОВІЯ
Дмитрій Скворцовъ.

МОСКВА.
Тип.-Литографія Д. А. Бончъ-Бруевича, Мясницкая, Козловскій пер., домъ Пряшникова.
1895.

Пров. 1959

ВХ
601

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, 15 мая 1895 года.

Цензоръ Протоіерей *Іоаннъ Петропавловскій.*

Центральная
Библиотека
Общественных Наук
Академии Наук СССР
965
59

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМУ

САВВѢ,

Архіепископу Тверскому и Кашинскому,

Доктору Церковной Исторіи,

ПОСВЯЩАЕТЪ СВОЙ ТРУДЪ

АВТОРЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . 5 — 7

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Возникновеніе и первоначальная исторія раскола въ Тверской области.

а) **Начало раскола въ Тверской области.**—Старецъ іеромонахъ Іовъ—первый сѣятель раскола въ Тверскихъ предѣлахъ.—Его прошлое.—Поселеніе Іова въ Раковомъ монастырѣ, Зубц. у.; переселеніе его въ Никольскій монастырь.—Бѣгство Іова на Донъ.—Основаніе имъ монастырей Льговскаго и Покровскаго на р. Чири.—Два расколоучителя—выходцы изъ Ракова монастыря Іоасафъ и Нифонтъ, какъ ученики и помощники Іова въ дѣлѣ распространенія раскола.—Значеніе Іова въ расколѣ вообще. . . . . 11 — 18

б) **Обнаруженіе раскольническаго фанатизма въ Ниловой Столбенской пустыни въ нач. 60-хъ годовъ XVII в.**—Инокъ Корнилій, какъ главный руководитель ниловскихъ раскольниковъ.—Кровавое столкновеніе ниловскихъ иноковъ въ церкви подъ руководствомъ Корнилія съ посланными отъ церковной власти съ новоисправленными книгами.—Расколъ въ Ниловой пустыни послѣ бѣгства Корнилія и условія, благопріятствовавшія ему . . . . . 19 — 21

в) **Обнаруженіе раскольническаго фанатизма въ Новоторжскомъ уѣздѣ въ 80-хъ годахъ XVII вѣка.**—Самосожженіе въ приходѣ с. Ѳедова.—Попъ Петръ Ѳедовскій, какъ расколоучитель.—Длинное слѣдствіе о немъ и о раскольникахъ Новоторжскаго у. . . . . 22 — 25

г) **Расколъ въ разныхъ мѣстностяхъ Тверской епархіи въ нач. XVIII ст.**—Сравнительная скудость свѣдѣній о расколѣ во внутреннихъ областяхъ Россіи съ 1684 г. по 1714 и причина этого.—Кашинскіе старицы-раскольницы.—Бродяга, старецъ *Уранъ*—раскольническій учитель въ гор. Ржевѣ и Осташковѣ.—Старица *Ѳеодулія*.—Расколъ въ самомъ г. Твери въ 20-хъ годахъ XVIII ст.—Доносъ объ немъ въ Синодъ митр. Тверскаго Сильвестра.—Поблажка тверскимъ раскольникамъ со стороны духовенства и особенно свѣтскихъ властей.—Особенно сильное развитіе раскола въ Ржевѣ подъ покровительствомъ мѣстныхъ властей и

Стран.

подъ укрывательствомъ со стороны приходскихъ священниковъ.—Укрывательство раскольниковъ бургомистрами кашинскимъ, новоторжскимъ и тверскимъ въ 1726 и 1727 гг.—Злоупотребленія „офицеровъ“ Норова и Коптѣлова, командированныхъ правительствомъ для сыску раскольниковъ въ предѣлахъ Новгородской и Тверской губерній.—Дѣло о Мих. Сердюковѣ . . . . . 25 — 36

д) **Два эпизода изъ исторіи ржевскаго раскола во вторую половину XVIII вѣка** . . . . . 36 — 39

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Безпоповщинскій расколъ и сектантство въ Корчевскомъ уѣздѣ съ центромъ его с. Кимрою.

С. Кимра — наиболѣе видный центръ безпоповщинскаго раскола въ Корчев. у.—Кимрскіе филипповцы.—Вліяніе Кимры на филипповскій расколъ въ Москвѣ во второй пол. XVIII в.—Характеристика кимрскихъ и окрестныхъ раскольниковъ начала XIX в. — Появленіе въ Корчевскомъ у. секты странниковъ въ концѣ XVIII в. или нач. XIX.—Усиленіе странничества въ 30-хъ и 40-хъ гг.—Крестьяне Степанъ Кононовъ и Ермогенъ Кузминъ, какъ главные наставники и организаторы странничества.—Пристанодержательства въ приходѣ с. Стоянца. — Сильное обнаруженіе странничества въ концѣ 80-хъ и нач. 90-хъ гг. въ дер. Завидовѣ, Нездѣновѣ, Максимцовѣ и др.—Дѣло о дѣтоубійствѣ въ дер. Завидовѣ подъ вліяніемъ ученія странниковъ.—Попытка руководителей корчевскихъ странниковъ подогрѣть фанатизмъ въ сектѣ.—Развитіе на почвѣ безпоповщины сектъ раціоналистическаго и мистическаго характера: секта Христовыхъ учениковъ и Любушкино согласіе.—Своеобразное проявленіе сектантства въ Тверской губерніи . . . . . 43 — 52

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Бѣглопоповщина въ г. Ржевѣ въ первую половину настоящаго столѣтія.

Г. Ржевъ—центръ бѣглопоповщинскаго раскола въ Тверской епархіи. — Краткій обзоръ состоянія бѣглопоповщины въ первой половинѣ настоящаго столѣтія и положеніе въ ней г. Ржева. — Общая характеристика ржевской бѣглопоповщины. — Бѣглый попъ Алексѣй.—Бѣглые попы Василій, Лука и Иванъ.—Дѣло объ нихъ. — Поимка ихъ въ гор. Ржевѣ въ 1819 году.—Бѣгство изъ-подъ караула Луки и Ивана и возвращеніе ихъ въ Ржевъ.—Вторичная неудачная попытка поймать ихъ.—Бѣглый попъ Ефимъ Ѳедоровъ съ Рогожскаго кладбища (1820 г.) и Ѳеодоръ Алексѣевъ изъ г. Владиміра (1821 г.). — Причины отсутствія дѣлъ о ржевскихъ бѣглыхъ попахъ съ 1822 по 1832 годъ. — Бѣглый попъ Михаилъ Дубенскій изъ г. Бѣлева, 1834—1835 г.—Дѣло объ немъ.—

Стран.

Бѣглый попъ Ѳедоръ Вас. Соловьевъ изъ Калужской епархіи (1832 — 1835 г.). — Длинное и интересное дѣло объ немъ по поводу мнимаго обращенія его къ православной церкви. — Его скитанія.—Бѣглый изъ Москов. Срѣтенскаго монастыря іеромонахъ, — по растриженіи,—мѣщанинъ Ефимъ Ивановъ (1838—1840 г.).—Дѣло объ немъ. — Попъ Василій Симоновъ Хромой (1836 — 1856 г.). — Его популярность въ Ржевѣ и окрестностяхъ. — Соборный протоіерей г. Ржева о. Матѳей Константиновскій и его ревностная дѣятельность противъ раскола. — Попытки его обратить въ православіе попа Василія. — Ослабленіе въ Ржевѣ бѣглопоповщины въ 50-хъ годахъ. — Бѣглопоповщина уступаетъ мѣсто австрійскому священству . . . . . 55—89

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Къ исторіи внутренней полемики раскола XVIII в. въ Тверской епархіи.

Общій очеркъ внутренней раскольнической полемики во второй полов. XVIII в. въ Тверской епархіи. — Иванъ Пешехоновъ, какъ наиболѣе видный писатель въ расколѣ того времени.—Его произведенія.— Рукопись Тверскаго музея (№ 4575) —„Разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ и церкви Христовой“, — какъ предметъ очерка. — Краткое содержаніе и характеръ этого сочиненія.—Доказательства, что авторомъ этого сочиненія былъ Иванъ Пешехоновъ.—Наиболѣе важныя для характеристики раскола мѣста изъ него. . . . . 93—103

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

Скопцы въ Тверской губерніи.

(По судебному процессу о скопцахъ Вышневолоцкаго уѣзда, бывшему въ г. Твери въ 1888 году 15—21 ноября) . . . . . 107—116

Предисловіе.

Въ 1891 году въ составленной нами брошюрѣ „Замѣчательныя рукописи архіепископа Ѳеофилакта Лопатинскаго въ Тверской Семинарской библіотекѣ“ мы писали слѣдующее. „Болѣе полная разработка исторіи мѣстнаго раскола, конечно, весьма желательна. Въ разныхъ консисторскихъ архивахъ, семинарскихъ библіотекахъ, при библіотекахъ болѣе древнихъ церквей доселѣ еще кроется множество документовъ, которые, будучи вынесены на свѣтъ Божій, сами съ своей стороны, несомнѣнно, освѣтили бы много еще темнаго и загадочнаго въ нашемъ расколѣ: они послужили бы важнымъ матеріаломъ для будущей полной исторіи раскола. Преимущественно, конечно, желательно, чтобы это сдѣлано было по отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ расколъ издавна свилъ себѣ крѣпкое гнѣздо. Тверская епархія не можетъ числиться среди главныхъ центровъ и пунктовъ раскола, каковыми были, напр., Нижегородская, Московская, Черниговская, Саратовская епархіи, но и въ ней нѣкоторое время и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завязывались весьма важные узлы раскола, которые даютъ о себѣ знать доселѣ—и не рѣдко. Поэтому разработка исторіи и Тверскаго раскола была бы также очень желательна. Мысль о написаніи очерковъ Тверскаго раскола явилась у насъ довольно давно и для осуществленія ея мы собрали уже нѣсколько матеріаловъ и доселѣ продолжаемъ собирать ихъ... Но еще одному Богу извѣстно, когда наше дѣло придетъ къ желательному концу“ [1]).

Предлагаемые на сей разъ вниманію читателей пять очерковъ Тверскаго раскола и сектантства и представляютъ собою нѣкоторое осуществленіе давно задуманныхъ нами намѣреній.

---

1) Замѣчат. рукописи архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго въ Тверской Семинарской библіотекѣ, Тверь, 1891, стр. 1—2.

Мы начали писать только очерки, а не исторію Тверскаго раскола по той простой причинѣ, что написать исторію Тверскаго раскола въ собственномъ и ученомъ смыслѣ этого слова при тѣхъ данныхъ, какими мы располагали, да и всякій другой на нашемъ мѣстѣ могъ бы располагать, не возможно. Однако же мы въ своихъ очеркахъ постарались обрисовать Тверской расколъ въ наиболѣе важныхъ его проявленіяхъ и наиболѣе замѣтныхъ центрахъ, такъ чтобы читающій наши очерки могъ составить болѣе или менѣе правильное о немъ понятіе. Поэтому первый нашъ очеркъ посвященъ возникновенію и первоначальному развитію раскола въ Тверской области, такъ какъ при изслѣдованіи всякаго историческаго явленія на первой очереди должно быть рѣшеніе вопроса: когда и при какихъ условіяхъ оно возникло и развилось. А такъ какъ, далѣе, современная дѣйствительность показываетъ намъ, что расколъ въ Тверской епархіи наиболѣе прочно и въ обоихъ главныхъ своихъ направленіяхъ (безпоповщинскомъ и поповщинскомъ) укоренился въ двухъ пунктахъ—въ с. Кимрѣ и г. Ржевѣ, то на этихъ пунктахъ мы и остановили свое вниманіе въ слѣдующихъ двухъ очеркахъ, изъ которыхъ первый озаглавили: „Безпоповщинскій расколъ и сектантство въ Корчевскомъ уѣздѣ съ центромъ его с. Кимрою»; а второй „Бѣглопоповщина въ г. Ржевѣ въ первую половину настоящаго столѣтія“. Затѣмъ, одна рукопись Тверскаго Музея подъ заглавіемъ: „Разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ и церкви Христовой“ подала намъ поводъ войти въ нѣкоторое изслѣдованіе внутренней раскольнической полемики въ Тверской области во второй половинѣ XVIII ст., что́ и составляетъ предметъ четвертаго очерка. Наконецъ, мы никакъ не можемъ пройти молчаніемъ о существованіи въ Тверской губерніи такой крайне вредной секты, какова скопческая, въ виду особенно того обстоятельства, что о скопцахъ Тверской губ., Вышневолоцкаго у., въ 1888 году разбиралось крупное дѣло въ Тверскомъ окружномъ судѣ. Поэтому нашъ пятый очеркъ посвященъ обозрѣнію скопчества въ Тверской епархіи; впрочемъ, должно сказать, что о скопцахъ тверскихъ мы почти исключительно сообщаемъ только то, что стало намъ извѣстнымъ изъ упомянутаго сейчасъ дѣла, потому что въ печатной литературѣ объ этомъ предметѣ можно найти только развѣ нѣсколько строкъ [1]).

---

[1]) Кромѣ этихъ очерковъ, предлагаемыхъ благосклонному вниманію читателей, нами составлены ранѣе слѣдующія статьи (напечатанныя и отдѣльными изданіями), которыя также содержатъ свѣдѣнія о расколѣ и особенно сектантствѣ въ Тверской епархіи: 1) Пашковцы въ Тверской епархіи. Съ присовокупленіемъ краткаго очерка

При составленіи своихъ очерковъ мы пользовались, помимо печатныхъ первоисточниковъ и источниковъ, многими рукописными (преимущественно изъ Архива Тверской Духов. Консисторіи), а отчасти и своими собственными наблюденіями надъ расколомъ и сектантствомъ въ Тверской губерніи.

возникновенія, исторіи и ученія секты пашковцевъ. Тверь, 1893. 2) Замѣчательныя рукописи архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго въ Тверской Семинарской библіотекѣ. Тверь, 1891. 3) Отчетъ о миссіонерскихъ поѣздкахъ преподавателя Дмитрія Скворцова въ г. Ржевъ и с. Кимру (этотъ отчетъ изданъ въ одной брошюрѣ съ рѣчью, произнесенною 4 дек. 1894 года въ общемъ собраніи Братства св. Князя Михаила Ярославича, подъ заглавіемъ: «Идея православія, какъ созидательная сила русскаго государства и современныя церковныя братства, какъ охранители этой идеи»).

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Возникновеніе и первоначальная исторія раскола въ Тверской области.

Очеркъ первый.

Возникновеніе и первоначальная исторія раскола въ Тверской области.

Если справедливо пріурочивать начало возникновенія и обнаруженія русскаго раскола къ концу патріаршества Іосифа и началу патріаршества Никона, то мы должны будемъ сказать, что и въ Тверской области слѣды зарожденія раскола относятся къ тому же времени.—Въ то время какъ въ Москвѣ, подъ вліяніемъ разнообразныхъ обстоятельствъ, только-что началось новое направленіе въ церковной жизни, пошли новыя вѣянія, вызывавшія со стороны ревнителей старины сильную оппозицію, въ разныхъ мѣстахъ Руси точно также нашлись люди, начавшіе чутко прислушиваться и зорко присматриваться къ этимъ новымъ порядкамъ, предчувствуя отъ нихъ „что-то недоброе“. Въ это самое время въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ XVII ст. въ нынѣшнемъ Зубцовскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, проживалъ одинъ старецъ, іеромонахъ Іовъ, котораго мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать первымъ сѣятелемъ раскольническихъ сѣмянъ въ Тверской области. Откуда же взялся этотъ старецъ? Судьба его довольно замѣчательна и преисполнена разнообразныхъ жизненныхъ превратностей. Происходя изъ Польши, отъ родителей шляхтичей, этотъ Іовъ имѣлъ случай познакомиться съ Филаретомъ Никитичемъ въ то время, когда послѣдній былъ въ Польскомъ плѣну. Вѣроятно, скромный юноша — шляхтичъ весьма понравился п. Филарету, потому что онъ по освобожденіи изъ плѣну, отъѣзжая въ Москву, взялъ съ собою и Іова, а потомъ сдѣлалъ его своимъ келейникомъ. Спустя нѣсколько времени патр. Филаретъ постригаетъ этого шляхтича въ иноки „смиренныя его ради поступи“. „И бысть сей Іовъ искусенъ инокъ, проходя иноческое дѣло, живя во всякихъ добродѣтелѣхъ и послушаніи изряднѣ“, замѣчаетъ раскольническій писатель Иванъ Алексѣевъ, авторъ „Исто-

ріи о бѣгствующемъ священствѣ“ [1]). За такія добродѣтели и „изрядное послушаніе“ патріархъ, наконецъ, удостоиваетъ Іова священнаго сана. Неизвѣстно, долго-ли Іовъ въ званіи іеромонаха пробылъ при патр. Филаретѣ и вообще въ Москвѣ, а извѣстно только-что, что онъ, почувствовавъ особенное расположеніе къ уединенной жизни, сталъ просить у своего покровителя—патріарха благословенія на такой подвигъ, что̀ и получилъ: патріархъ, по словамъ Алексѣева, благословилъ его, „да *идѣже* можетъ, соберетъ себѣ духовная чада и научитъ иноческой философіи“. Тогда-то Іовъ и направился въ Тверскую область, по дорогѣ къ Новгороду, и поселился въ небольшой пустыни Раковой-Покровской, Зубцовскаго уѣзда, въ 21 верстѣ къ юго-востоку отъ Зубцова, при рѣчкѣ Быванцѣ. Поселеніе здѣсь такого старца, какъ Іовъ, имѣло для Раковой пустыни огромное значеніе: ему она была обязана своимъ возвышеніемъ и, вѣроятно, благодаря ему же изъ пустыни Раковой образовался монастырь подъ управленіемъ игумена [2]). Дѣло въ томъ, что когда сдѣлалось извѣстнымъ о поселеніи здѣсь Іова и объ его „богоугодномъ житіи“, тогда „мнози начаша къ нему собиратися на жительство“. „И сицевыя ради вины, замѣчаетъ И. Алексѣевъ, нужда бяша ему составити монастырь, иже и донынѣ той нарицается монастырь *Раковъ*“ [3]). Не малое вліяніе на возвышеніе Раковой обители имѣло и то обстоятельство, что Іовъ съумѣлъ войти въ расположеніе тогдаш-

---

[1]) *И. Алексѣевъ*. Исторія о бѣгствующемъ священствѣ (Брат. Слово, 1889, I, стр. 431).

[2]) Первымъ игуменомъ былъ самъ Іовъ. У *Строева* (Списки іерарховъ) годомъ игуменства Іова указанъ 1651 (стр. 477).

[3]) Брат. Слово, стр. 432 за 1889 г., ч. 1-я, въ „Ист. о бѣгств. священствѣ“. Здѣсь требуются нѣкоторыя разъясненія, вызываемыя неточными свѣдѣніями какъ Ивана Алексѣева, такъ и другихъ. По непосредственному смыслу приведенныхъ нами въ текстѣ словъ И. Алексѣева, выходитъ, что Іовъ былъ не только лицемъ, содѣйствовавшимъ процвѣтанію Раковой пустыни, но и основателемъ ея. Со словъ Алексѣева, г. Дружининъ въ своемъ изслѣдованіи „Расколъ на Дону“ точно также говоритъ, что благодаря тому, что къ Іову сталъ толпами стекаться народъ, „самъ собою выросъ монастырь, *наименованный* въ 1651 г. *Раковымъ*“ (стр. 70). По этимъ словамъ выходитъ, что какъ будто Ракова пустынь получила начало отъ Іова, тогда какъ на самомъ дѣлѣ извѣстно, что она существовала еще въ 1547 году, когда владѣла совмѣстно съ Успенскимъ Иваницкимъ монастыремъ (*Звѣринскій*. Матер. для историко-топограф. изслѣдованія о правосл. монастыряхъ, т. II, стр. 291, № 1111). Поэтому, примиряя эти свѣдѣнія съ извѣстіемъ И. Алексѣева, мы и склонны думать, что со времени Іова Ракова пустынь только получила особенное процвѣтаніе, благодаря чему изъ простой пустыни сдѣлалась монастыремъ съ игуменскимъ управленіемъ.—Затѣмъ, нѣсколько словъ о мѣстонахожденіи этой пустыни. По словамъ Алексѣева, она находилась въ Тверскомъ уѣздѣ къ Новуграду, при градѣ Старицѣ“; старецъ Нафанаилъ въ распросныхъ рѣчахъ по дѣлу о донскихъ раскольникахъ и мятежникахъ помѣщаетъ этотъ монастырь въ Ржевскій уѣздъ (Доп. къ Акт. ист., т. XII, № 17, стр. 235), а архіеп. Ѳеофилактъ говоритъ, что „ересь Іевлевщина, игумена Раковскаго, что въ Тфери“ (Обл. раск. неправды, въ Объявленіи, л. 1 об.). Можетъ быть, по прежнему какому-либо раздѣленію, Ракова пустынь принадлежала и къ Тверскому уѣзду, но въ настоящее время она находится въ Зубцовскомъ уѣздѣ.

няго архіепископа Тверскаго Іоны (1642—1654 г.). Кромѣ этого, Іовъ употреблялъ и другія средства для возвеличенія своего монастыря. Архіеп. Ѳеофилактъ упоминаетъ, что онъ при церкви Раковской „наклалъ всякихъ припасовъ“, т. е. старался обезпечить монастырь. Самъ Іовъ, съ соизволенія, конечно тверскаго архіепископа, произведенъ былъ въ игумены. Достаточно упрочивъ положеніе Ракова монастыря, Іовъ рѣшился покинуть его съ цѣлію образованія новой обители, а можетъ быть и по любви къ „безмолвному житію“. „Того ради, говоритъ Алексѣевъ, въ новосодѣланномъ монастырѣ устрои братству начальника, самъ отъиде оттуду“, но поселился онъ все-таки не вдалекѣ, въ томъ-же (тогдашнемъ Тверскомъ) уѣздѣ „на утишіи“. Но и на новомъ мѣстѣ почитатели Іова нашли его и стали къ нему стекаться и около него селиться, „требующе его разума на путь спасенія наставлятися“. Когда такихъ насельниковъ набралось много, Іовъ вынужденъ былъ основать новый монастырь, который былъ названъ Никольскимъ [1]). Въ этомъ-то монастырѣ Іова и застали новые церковные порядки, съ которыми онъ никакъ не могъ согласиться и противъ которыхъ онъ является ревностнымъ протестантомъ. Пока еще не было открыто преслѣдованій противъ церковныхъ противниковъ и пока была возможность болѣе или менѣе спокойно проживать въ монастырѣ, возбуждая въ своей братіи духъ противленія и ненависти къ церковнымъ преобразованіямъ патр. Никона, Іовъ, вѣроятно, и проживалъ въ своемъ вновь устроенномъ монастырѣ. Несомнѣнно, въ это время многія души вѣрующихъ были отторгнуты Іовомъ отъ православной церкви и заражены духомъ раскола. Что дѣйствительно было такъ,—это видно изъ того, что церковная власть обратила вниманіе на Іовлевъ монастырь. Въ виду этого, когда, по опредѣленію собора 1667 года, раскольниковъ стали преслѣдовать и предавать не только церковному суду, но и „градскимъ казненіямъ“, Іову было уже не безопасно оставаться въ Тверской епархіи, которая такъ близка къ Москвѣ, откуда исходили строгіе законы о раскольникахъ. Онъ принужденъ былъ скрываться бѣгствомъ.—Хотя дальнѣйшая дѣятельность Іова ближайшимъ образомъ касалась мѣстностей

---

[1]) Николаевская-Красногорская или Никола на Красныхъ горахъ, мужская пустынь, нынѣ село *Никольская Пустынь*, Зубцовскаго уѣз., въ 40 верст. къ юго-востоку отъ Зубцова, близъ границы Волоколамскаго уѣз.—у Крупинскаго болота. Существовала въ XVI ст.; изъ грамоты кн. Влад. Андреевича 1547 г. видно, что монастырь владѣлъ землями вообще съ Успенскимъ Иваницкимъ монастыремъ. По штатамъ 1764 года оставлена на своемъ содержаніи и вскорѣ упразднена, при чемъ церковь приписана къ рядомъ стоящему селу Красному Холму, а зданія проданы; но въ 1789 г. церковь сгорѣла отъ пламени (Звѣринскій, I, № 306, стр. 186). У *Ратшина* объ этой пустыни находятся слѣдующія краткія свѣдѣнія: „Николаевская-Красногорская пуст. въ Старицкомъ уѣздѣ, на урочищѣ, извѣстномъ издревле подъ названіемъ *Красныхъ* Горъ. Нѣтъ свѣдѣнія, когда была основана сія обитель, а упразднена она въ 1764 году“ (Полное собраніе историч. свѣдѣній о монастыряхъ и т. д., стр. 518).

отдаленныхъ отъ Тверской епархіи, но въ виду съ одной стороны того, что Іовъ все-таки не порывалъ связи съ своими тверскими послѣдователями, а съ другой стороны того, что зная личность перваго сѣятеля или основателя раскола въ Тверской области,—естественно интересоваться всею его судьбою и дѣятельностію, хотя бы послѣдняя и не касалась тверскихъ предѣловъ, мы съ возможною полнотою изложимъ,—гдѣ и какъ дѣйствовалъ онъ на пользу раскола и чѣмъ онъ кончилъ.

Одною изъ наиболѣе торныхъ дорогъ для всякаго рода бѣглецовъ была старинная сиротская дорога въ Поле, на Донъ [1]). Туда-то и направился нашъ старецъ Іовъ, когда „дойде и до сего (тверскаго Никольскаго) монастыря Іовлева нужда приневоленія къ новымъ догматомъ.“ [2]). Но прежде чѣмъ добраться до Дона, онъ нѣкоторое время проживалъ въ Слободской Украйнѣ (нынѣшней Курской губ.), близъ г. Рыльска. Проживая въ этомъ мѣстечкѣ, Іовъ, подобно какъ и въ Тверской губерніи, успѣлъ собрать около себя немалое число братіи, вслѣдствіе чего устроенъ былъ имъ монастырь *Льговскій* [3]). Это было въ 1669 году. Архіеп. Ѳеофилактъ разсказываетъ, что Іовъ въ своемъ Льговскомъ монастырѣ имѣлъ „два пса бѣсноватыхъ“, которые „во время службы такъ крѣпко завывали, что не возможно никоими мѣрами другъ друга голосовъ слышати“, — и это онъ причиташе за какое-то „дѣло Божіе“ [4]). Для насъ не совсѣмъ понятно,—объ чемъ говоритъ здѣсь преосв. Ѳеофилактъ. Вѣроятно, Іовъ для привлеченія къ себѣ послѣдователей и для усиленія значенія своего монастыря употреблялъ какіе-нибь. странныя выдумки и фокусы. Но главное дѣло, которое Іовъ успѣлъ сдѣлать, проживая во Льговѣ, было то, что по его ходатайству былъ поставленъ Тверскимъ архіепископомъ въ іеромонахи келейникъ его Іоасафъ, пріобрѣтшій въ исторіи раскола значительную извѣстность. Этотъ Іоасафъ, въ качествѣ служки Іова, пришелъ съ нимъ изъ Москвы въ Тверскую область, а отсюда вмѣстѣ съ нимъ же направился во Льговъ. Желая видѣть Іоасафа въ званіи іеромонаха, Іовъ воспользовался своимъ прежнимъ близкимъ знакомствомъ и даже дружбою съ тверскимъ архіереемъ, къ которому онъ и послалъ Іоасафа, „прося да посвятитъ его по старымъ книгамъ“. Просьба Іова была уважена: „посвяти Іоасафа тверской архіерей, *по чину древнему*, о немъ же просп Іовъ“. Послѣ этого Іоасафъ возвратился къ

---

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Россіи, т. XI, М. 1870 г., стр. 349.

[2]) Ист. о бѣгств. свящ., *Алексѣева* (въ Брат. Сл. 1889, I, стр. 432).

[3]) Нынѣ г. Льговъ. О Льговскомъ монастырѣ мало что извѣстно. Архіеп. Ѳеофилактъ называетъ этотъ монастырь *Ильговымъ* на р. Семи. Такъ какъ объ немъ въ историч памятникахъ не упоминается до 1678 года, то должно признать, что монастырь этотъ не только былъ извѣстнымъ образомъ устроенъ, но и основанъ старцемъ Іовомъ. У *Строева* Іовъ, какъ первый строитель Льговскаго монастыря, упоминается подъ 1671 г. (Сп. іер., 644).

[4]) Обл. раск. неправды, архіеп. Ѳеофилакта, въ „Объявленіи“ толковъ, л. 2.

Іову [1]). Этого Іоасафа архіеп. Ѳеофилактъ называетъ также выходцемъ отъ Раковой пустыни. Несомнѣнно, поэтому, что, Іоасафъ былъ преданнымъ ученикомъ Іова, которому и помогалъ въ дѣлѣ утвержденія братіи въ „древле-церковныхъ догматѣхъ“. Дальнѣйшая судьба Іоасафа такова. Около 1679 года онъ оставляетъ Льговъ и направляется къ заграничнымъ вѣтковскимъ раскольникамъ и поселился въ пяти верстахъ отъ слободы Былевъ. Вѣтковцы относились къ Іоасафу недовѣрчиво, потому что онъ былъ рукоположенъ новымъ архіереемъ и называли его въ насмѣшку не Іоасафомъ, а Асапомъ. Но это было только до поры до времени, пока у вѣтковцевъ не было еще недостатка въ іереяхъ несомнѣнно „древляго рукоположенія“. Но когда эти іереи повымерли, они (вѣтковцы) того-же самого „Асапа“, надъ которымъ раньше смѣялись, стали приглашать къ себѣ. Іоасафъ согласился на это. Главнымъ дѣломъ Іоасафа на Вѣткѣ было устройство церкви, которую въ послѣдствіи расширилъ, украсилъ и освятилъ знаменитый раскольническій черный попъ Ѳеодосій, бѣжавшій изъ Рыльскаго Никольскаго монастыря. Чрезъ пять лѣтъ по переселеніи на Вѣтку Іоасафъ умеръ, достигнувъ глубокой старости [2]).

---

[1]) Объ этихъ событіяхъ мы передаемъ со словъ Ивана Алексѣева (Брат. Сл. 1889, I, стр. 439—40). О тверскомъ архіереѣ, съ которымъ Іовъ „имяше веліе дружество“, Алексѣевъ замѣчаетъ, между прочимъ: „кой архіерей, аще и имяше крещеніе и рукоположеніе староцерковнаго преданія, однако же по новымъ книгамъ служеніе совершая“... „но яко же не весьма новое въ нихъ бяше укоренено, посвяти Іоасафа по чину древнему“ (стр. 439—440). Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, былъ архіепископомъ тверскимъ Іоасафъ 1-й (1657—1676 г.), который былъ рукоположенъ уже патр. Никономъ, а потому врядъ-ли справедливо замѣчаніе Алексѣева, что онъ имѣлъ „рукоположеніе староцерковнаго преданія“. Развѣ только въ объясненіе этого выраженія допустить, что и Никонъ совершалъ хиротонію Іоасафа по старому чину рукоположенія, потому что этотъ чинъ еще не былъ къ тому времени (1657 г.) исправленъ. — Въ другомъ мѣстѣ И. Алексѣевъ относительно упомянутаго тверскаго архіерея дѣлаетъ такое любопытное замѣчаніе: „яко и самъ той архіерей, аще нуждею къ новодогматствованію и привлеченъ, *обаче древняя лобызаше*, что свидѣтельствуетъ и новгородскій Сава: аще (рече) и новымъ касаюся, но весьма въ сомнѣніи“ (Брат. Сл. 1889, I, стр. 514—515). Другой безпоповецъ, авторъ „Щита вѣры“, доказывая, что рукоположеніе Іоасафа должно признать истиннымъ, о тверскомъ архіереѣ, поставившемъ его, между прочимъ, говоритъ, что „онъ имяше на себѣ крещеніе и *рукоположеніе* древнее, и еще не бѣ укрѣпленъ въ ереси, но точію книги новопечатныя прія“,—и далѣе: „яко и самъ той архіерей, аще и нуждею къ пріятію новопечатныхъ книгъ привлеченъ, обаче древнія лобызаше, что свидѣтельствоваше и новгородскому Макарію, яко аще (рече) и новымъ касаюся, но вѣсьма въ сомнѣніи“ (Брат. Сл. 1891, т. I, стр. 6). Новгор. митр. Макарій, который считается раскольниками, оставшимся вѣрнымъ „староцерковному преданію“, былъ митрополитомъ съ 1652 по 1662 годъ и потому указаніе автора „Щита вѣры“ на личность митр. Новгородскаго, которому тверскій архіерей говорилъ о своей расположенности къ старымъ книгамъ, гораздо вѣрнѣе. Митр. Новгородскаго *Саввы* въ то время вовсе не было.—Андрей Іоанновъ говоритъ, что Іоасафъ былъ поставленъ *новымъ* архіереемъ (т. е. „не староцерковнаго рукоположенія) и только по старому чиновнику: „хотя и по старинѣ былъ поставленъ, но отъ *новаго* архіерея, того ради судимъ былъ недостойнымъ пріятія отъ христіанъ“ (Полн. ист. изв. о стар. изд. 1794 г., стр. 35).

[2]) Чтобы уже не возвращаться къ этому раскольнику Іоасафу, выходцу

Когда правительственныя мѣропріятія противъ раскола коснулись и той мѣстности, въ которой Іовъ поселился, убѣжавъ изъ Тверской области, тогда онъ поспѣшилъ скрыться дальше—туда, куда и раньше намѣренъ былъ бѣжать. Около 1672 года онъ вмѣстѣ съ десятью старцами и нѣсколькими бѣльцами поселился на р. Чирѣ, въ 50 верстахъ отъ впаденія ея въ Донъ. И здѣсь Іовъ успѣлъ основать монастырь и построить церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы. Въ 1677 году въ пустыни было около 20 черницовъ и болѣе 30 бѣльцовъ, при чемъ иноки и инокини, дѣвки и ребята жили вмѣстѣ. Впрочемъ, вскорѣ для инокинь, и бѣлицъ Іовъ основалъ въ двухъ верстахъ отъ мужской обители женскую [1]). Объ этомъ, несомнѣнно, періодѣ жизни и дѣятельности Іова говоритъ преосвящ. Ософилактъ, когда разсказываетъ, что Іовъ, съѣхавши на Донъ, началъ учить тамъ „донскихъ казаковъ, которая жена не понравится своему мужу, вывести въ казачій кругъ,—кому-де, атаманы—молодцы, надобна жена моя, тотъ ее и возьми; и тако брали жены безъ вѣнчанія, аще и до десяти и до двадцати единъ отъ другаго“ [2]). По словамъ того же Ѳеофилакта, Іовъ и въ Чирской своей обители прибѣгалъ къ искусственнымъ средствамъ и выдумкамъ для усиленія впечатлѣнія на своихъ послѣдователей. Такъ, въ главѣ или куполѣ устроенной имъ церкви Іовъ завелъ какую-то странную музыку, которая производила такой „шумъ и гукъ“, что заглушала пѣніе и чтеніе церковное. Эти звуки Іовъ называлъ пѣніемъ ангельскимъ, говоря: „ангели-де Божіи поютъ гласнѣйше насъ“.—Достигнувъ глубокой старости, Іовъ въ этой Чирской обители и сложилъ свои кости, не успѣвъ, впрочемъ, освятить выстроенной имъ церкви. Онъ умеръ болѣе, чѣмъ ста лѣтъ [3]).

изъ Ракова монастыря, приведемъ здѣсь двѣ противоположныя характеристики его,—съ одной стороны Ивана Алексѣева, очень расположеннаго къ первымъ раскольническимъ попамъ, а съ другой—архіеп. Тверскаго Ѳеофилакта. *Иванъ Алексѣевъ*: „Похваляютъ его (нѣцыи) нравы, яко бяше тихъ, благоувѣтенъ, разсужденія изряднаго, возраста мѣрнаго, благолѣпною сѣдиною украшенъ, всѣхъ отъ образа могій благочинію научити, ревнитель сый и подражатель во всемъ первымъ отцемъ умершимъ, токмо единъ порокъ въ ставленіи прія, старопоповскаго же ради преданія много преселеній имѣ, и много странствуя, потомъ прейде отъ здѣшнихъ“ (Брат. Сл. 1889, I, стр. 442). *Архіеп. Ѳеофилактъ*: „отъ Раковой пустыни попъ черной Котковской монастырь построилъ, и гдѣ положилъ свое утверждая ученіе ложное нетлѣніемъ тѣлесъ, смотря умершихъ, раскапывая гробы: видите, народъ Божій, отеческая тѣлеса, и донынѣ есть много тамо нетлѣнныхъ; а по разнымъ мѣстамъ умершихъ раскольниковъ велѣлъ присылать землю, и отпѣвалъ погребеніе надъ тою землею, и держалъ наложницы у себя три черницы Варсонофію, Вѣру и Надежду, и ему сказаваша многія видѣнія и мечты, и жилъ время немало и безъ исповѣди изверже душу свою лукавую“ (Облич. раск. неправды, въ Объявленіи, л. 3).

[1]) *Дружининъ*. Расколъ на Дону, изслѣд., стр. 71—72.

[2]) Обличеніе раскольнической неправды, архіеп. *Ѳеофилактъ*, въ Объявленіи, л. 2.

[3]) Архіеп. Ѳеофилактъ прибавляетъ, что Іовъ „съ Дону съѣхалъ на Кубань со многимъ народомъ, и тамъ издше, ему же татары и чрево разрѣзаша: понеже во гробѣ множество обрѣтше денегъ, а черницовъ, черницъ, и людей завезоша въ плѣнъ“ (въ Объявленіи, л. 2). Но все то, что здѣсь сказано объ Іовѣ, слу-

Кромѣ Іоасафа, съ личностію Іова тѣсно связывается еще выходецъ изъ Ракова монастыря, уставщикъ Нифонтъ, дѣятельный продолжатель дѣла Іова. Уходя изъ Ракова монастыря, вѣроятно, вслѣдъ за Іовомъ, въ Льговскій монастырь, Нифонтъ унесъ съ собою частицы св. запасныхъ даровъ, которые онъ растворилъ въ большой квашнѣ и напекъ изъ нея множество просфоръ съ осмиконечнымъ крестомъ, и частицами отъ этихъ просфоръ причащалъ своихъ послѣдователей. Случаевъ подобнаго кощунственнаго отношенія расколоучителей къ св. Дарамъ въ исторіи раскола извѣстно не мало. Въ монастыряхъ, основанныхъ Іовомъ, Нифонтъ и при жизни его занималъ одно изъ выдающихся положеній; такъ, въ Льговскомъ монастырѣ, по показанію на допросѣ одного чернца-раскольника Никодима, Нифонтъ былъ „начальнымъ отцемъ“. Вмѣстѣ съ Іовомъ и его послѣдователями, въ количествѣ 130 человѣкъ, онъ потомъ удалился на Чиръ [1]). О дальнѣйшей судьбѣ его намъ неизвѣстно.

Итакъ, Ракова пустынь въ самомъ началѣ образованія раскола выставила трехъ весьма замѣтныхъ расколоучителей, распространявшихъ расколъ въ разныхъ мѣстахъ: *Іова*, ревностнаго организатора и основателя нѣсколькихъ монастырей „по древлецерковному преданію“, всю долгую жизнь свою посвятившаго противленію „нововводнымъ догматомъ“, *Іоасафа*, извѣстнаго особенно устроеніемъ знаменитой церкви для наиболѣе въ то время замѣтнаго центра поповщины—Вѣтки, и *Нифонта*, дѣятельнаго сотрудника Іова. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти три расколовождя, прежде чѣмъ удалиться изъ Раковой пустыни, успѣли здѣсь и въ окрестностяхъ насадить расколъ и оставить по себѣ преемниковъ, способныхъ продолжать ихъ дѣло. Надобно пола-

---

чилось не съ нимъ, а съ другимъ расколоучителемъ, бывшимъ игуменомъ Бесѣдовскаго Тихвинскаго монастыря Досиѳеемъ. Досиѳей былъ преемникомъ Іова по настоятельству въ Чирской обители и освятилъ, между прочимъ, церковь, устроенную Іовомъ. Когда ему вслѣдствіе большой огласки нельзя было оставаться въ этой обители онъ удалился за Астрахань къ Хвалынскому морю и поселился близъ рѣки Кумы. Здѣсь онъ и умеръ около 1692 г., горько оплаканный своими послѣдователями. Когда же поселившіеся съ Досиѳеемъ на Кумѣ раскольники, вынужденные обстоятельствами, переселялись на Кубань, то взяли съ собою и Досиѳеево тѣло, при чемъ для большей скрытности подсыпали подъ тѣло много серебра. И вотъ, продолжимъ словами Ив. Алексѣева, „идущимъ имъ путемъ, нападше на нихъ татарове, обозъ ихъ разбиша, а при тѣлѣ томъ обрѣтше сребро, взяша, и тѣло оно на части разсѣкоша и по полю на съѣденіе звѣремъ и птицамъ разметаша, кои части послѣди донскіе казаки, собравше и къ своимъ мѣстамъ приложьше, погребоша“ (Брат. Сл. 1889, I, стр. 435).

[1]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. II, ч. 2, № 1152, стр. 474. Здѣсь чернецъ Никодимъ показываетъ, что онъ былъ постриженъ въ Льговскомъ монастырѣ. „постриженъ-де онъ въ монашество въ пустынѣ, что на Лговѣ между Рыльска и Курска, и жилъ въ той пустынѣ лѣтъ съ шесть, а въ той же пустыни служили литурги на седми просфорахъ, а на оныхъ-де просфорахъ знаменіе крестъ съ подножіемъ и адамовою главою, и изъ той де, пустыни съ строителемъ, іеромонахомъ Іовомъ, да съ начальнымъ отцемъ, монахомъ Нифонтомъ и съ прочими монахами, всего *сто тридиать* человѣкъ, вышли они и пришедъ на Донъ въ лѣсъ, построили церковь во имя Покрова Богородицы“ (стр. 474).

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
АН УК СССР

гать, что они, особенно Іовъ, и послѣ не порывали связи съ Раковою пустынею и въ извѣстной мѣрѣ заботились объ утвержденіи въ ней „древляго благочестія. Поэтому-то Ракова пустынь получила печальную извѣстность перваго, весьма крѣпкаго гнѣзда раскола въ Тверской области.

Безотносительно къ Тверской области, о старцѣ Іовѣ вообще нужно сказать, что онъ занималъ весьма выдающееся мѣсто въ плеядѣ расколоучителей перваго времени: имя его и дѣятельность связываются съ именами и дѣятельностію такихъ видныхъ распространителей раскола, какъ игуменъ Тихвинскаго Бесѣдовскаго монастыря Досиоей, инокъ Кириллъ и даже протопопъ Аввакумъ [1]). Чирскій же монастырь, основанный Іовомъ, пріобрѣлъ скоро въ глазахъ раскольниковъ такое священное значеніе, что одно постриженіе въ немъ считалось достаточнымъ для того, чтобы загладить всѣ свои грѣхи, какъ это видно изъ „Слова о нѣкоемъ мужи, именемъ Тимоѳеи“, гдѣ разсказывается о прощеніи грѣшника—убійцы именно за то, что онъ вступилъ въ число братій Іовлева монастыря [2]). О самомъ Іовѣ составитель упомянутаго слова (отрокъ Іоаннъ) разсказываетъ, что въ „чудномъ видѣніи“ онъ узрѣлъ его „украшеннымъ и священнолѣпнѣйшимъ мужемъ, въ священной одеждѣ, съ осмиугольнымъ вѣнцемъ на главѣ“ [3]). Вообще, это—типъ дѣятельнаго расколоучителя, умѣвшаго всегда и вездѣ организовать около себя раскольническую общину и своимъ авторитетомъ крѣпко державшаго послѣдователей въ преданности „древнему благочестію“ [4]).

---

[1]) Мат. для исторіи рус. раскола, т. VIII, стр. 105.

[2]) Здѣсь, между прочимъ, разсказывается, что когда относительно души мужа Тимоѳея возникъ между ангелами и діаволами споръ, и когда діаволы въ подтвержденіе того, что душа Тимоѳея должна принадлежать имъ, указывали на то, что онъ „зло творилъ мало не до смерти, четырехъ человѣкъ уби и смерти предаде“,—тогда ангелы сказали: „паша (душа), понеже исповѣдался и пострижеся въ иноческій образъ, наречено имя ему Тарасій“ (Расколъ на Дону, *Дружинина*, 241).

[3]) *Дружининъ*. Расколъ на Дону, стр. 239.

[4]) Въ виду сказаннаго мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться съ благопріятной для Іова характеристикой его, какую находимъ въ изслѣдованіи г. Дружинина „Ростовъ на Дону“. По словамъ г. Дружинина, Іовъ будто бы представлялъ изъ себя типъ древняго отшельника, стремившагося провести остатокъ дней своихъ спокойно, въ вѣрѣ отцовъ. Онъ не пропагандировалъ своихъ убѣжденій; поэтому, боясь принужденій къ перемѣнѣ обрядовъ, онъ удалялся изъ одного монастыря въ другой, ища мирнаго пустыннаго житія“ (стр. 72). Но ни откуда не видно, что Іовъ удалялся изъ монастыря въ монастырь только для того, чтобы найти себѣ „мирное пустынное житіе“; напротивъ то обстоятельство, что вездѣ около Іова группировалось раскольническое общество, а особенно то, что уходя изъ одного монастыря въ другой, онъ бралъ съ собою и послѣдователей въ весьма значительномъ количествѣ, до 130 чел., свидѣтельствуетъ совершенно о противномъ. Не любовь къ тихой пустынной жизни руководила Іовомъ при этихъ переходахъ, а желаніе сѣять расколъ съ одной стороны и опасеніе преслѣдованій со стороны правительства—съ другой. Мы знаемъ, что въ монастыряхъ Іова постригали приходящихъ, самъ Іовъ совершалъ для раскольниковъ требы, причащая ихъ, употреблялъ разные „фокусы“ для привлеченія раскольниковъ. Все это—такіе его поступки, которые показываютъ, что

Въ то самое время, какъ Іовъ, проживая въ Раковомъ и Никольскомъ монастыряхъ, водворялъ здѣсь „древлее благочестіе“, въ одной изъ самыхъ видныхъ до настоящаго времени тверскихъ обителей обнаружилось сильное движеніе въ пользу раскола. Такою обителію была Нилова-Столобенская пустынь, въ которой долгое время не соглашались принять новоисправленныхъ книгъ. Въ то время (еще до собора 1666 года) проживалъ здѣсь одинъ изъ основателей замѣчательнаго раскольническаго Выговскаго монастыря, инокъ Корнилій [1]). Много этотъ инокъ странствовалъ на своемъ вѣку, прежде чѣмъ попалъ въ Нилову пустынь, которая ему понравилась своею вѣрностію староцерковнымъ порядкамъ. Къ тому же приключилась ему тяжелая болѣзнь, задержавшая его на долгое время въ обители. Проживая здѣсь и отправляя пономарскую должность, Корнилій не пропускалъ ни одного случая пустить въ ходъ все свое краснорѣчіе для того, чтобы убѣдить старцевъ крѣпко держаться старины, указывая, между прочимъ, на то, что измѣна старинѣ ведетъ къ неизбѣжной погибели въ будущей жизни и къ многимъ бѣдствіямъ въ настоящей. Въ доказательство этого Корнилій любилъ указывать на примѣръ архим. Гурія Хрипунова и Григорія Неронова — измѣнниковъ староцерковнаго преданія. „При смерти, разсказывалъ Корнилій, Гурій кричалъ и плакалъ горько, яко ужасатися и прочимъ отъ него, вопіяше: увы мнѣ, прельстихся и погибохъ всячески! Скажите другу моему отцу Корнилію, да помолитъ о мнѣ Бога“. „Блюдитеся, прибавлялъ при этомъ Корнилій, дабы не пострадать такожде, якоже Гурій да Григорій Нероновъ, маловременное житіе возлюбше, въ новолюбной прелести прельщены быша и погибоша [2]). Конечно, всѣ подобныя увѣщанія Корнилія производили свое впечатлѣніе на ниловскихъ иноковъ, и безъ того расположенныхъ къ старинѣ. Насколько силенъ былъ у нихъ духъ противленія церковнымъ преобразованіямъ—это съ особенною ясностію обнаружилось тогда, когда до Ниловой пустыни дошли новоисправленныя книги. Тутъ произошло нѣчто такое, что даже и въ раскольническомъ мірѣ случается не часто. Когда церковной власти сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Ниловой пустыни служба совершалась по старопечатнымъ книгамъ, то посланы были туда изъ Москвы „досмотрщики“, которые велѣли священнику служить отнынѣ по новымъ служебникамъ. Но иноки рѣшили не допустить этого и мужественно встать за древнее благочестіе. Съ этою цѣлію обратились они къ тому Корнилію съ такой просьбою: „егда священникъ начнетъ служить

онъ вовсе не былъ только отшельникомъ, стремившимся спокойно провести остатокъ дней своихъ. Да и раскольники никогда бы такъ не возвеличили его и не прославили, если бы онъ не пользовался репутаціею борца и поборника за древлее благочестіе.

[1]) Иванъ Филипповъ говоритъ о Корниліи, что онъ былъ „староскитскій Ниловы пустыни древле обещникъ“ (Ист. Выгов. пустыни, стр. 85).

[2]) Житіе инока Корнилія, по изд. *Кожанчикова*, стр. 19.

по новому, и ты, Корниліе, понеже въ алтарѣ имѣеши быти (Корнилій проходилъ пономарскую службу) возбрани священнику по новому служити". Дѣйствительно, когда священникъ началъ совершать проскомидію „по новому" на 5 просфорахъ съ новою печатію, то Корнилій сказалъ ему: „престани бѣситися"; на это священникъ замѣтилъ: „ты, пономарь, знай свое дѣло и не указывай намъ и не мѣшай". Но Корнилій не унимался: три раза онъ пытался остановить „новую" службу священника,—и когда однако это не удалось ему, онъ вышелъ изъ себя и, продолжимъ словами „Житія инока Корнилія", „яко Финеесъ по истинѣ, удари кадиломъ, со угліемъ разженнымъ, священника онаго по главѣ тако тяжко, яко и кадилу разбитися", а голову священника расшибъ до крови. Тогда вступились за священника посланные отъ церковныхъ властей, которые, схвативши Корнилія за волосы, вытащили изъ алтаря и хотѣли удалить изъ церкви; но и у Корнилія нашлись защитники: иноки, вооружившись чѣмъ — попало, кто подсвѣчникомъ, кто закладкою, а иные клюками, напали на посланныхъ, но однако посланные одолѣли иноковъ. Драка была жестокая: „дотолѣ между собою біяхуся, яко и помосту церковному кровію, обагритися", замѣчаетъ составитель житія инока Корнилія [1]). Послѣ этого Корнилій успѣлъ скрыться изъ Нилговой.

[1]) Жит. ин. Корнилія по изд. *Кожанчикова*, стр. 20—21; Опис. соч., напис. въ пользу раскола, ч. 1-я, стр. 174—175, Ист. рус. раскола, преосв. *Макарія*, стр. 174, прим. 316.—Въ виду важности роли, сыгранной Корниліемъ въ Нилговой пустыни, и, конечно, немалаго его значенія для раскола вообще и Тверскаго въ частности, мы сообщимъ здѣсь нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о немъ. Онъ родился въ Тотьмѣ отъ земледѣльца; будучи 15 лѣтъ, онъ лишился родителей и рѣшился постричься въ иноки; по совѣту извѣстнаго расколоучителя Капитона, постригся въ Вологодскомъ Корнилиевскомъ монастырѣ, гдѣ несъ обязанности по кухнѣ и „портомойнѣ", а затѣмъ занялъ должность пономаря. Оставивъ съ благословенія игумена Корниліевъ монастырь, онъ побывалъ въ Московскихъ монастыряхъ — Новоспасскомъ, Чудовѣ и Симоновѣ, гдѣ также отправлялъ пономарскую службу. Послѣ этого при п. Филаретѣ занималъ должность эконома или ключаря, а при п. Іоасафѣ I и въ послѣдствіи при новгородскомъ митрополитѣ Аѳеоніи—хлѣбопека; при патріархѣ-же Іосифѣ былъ надзирателемъ надъ узниками изъ лицъ духовнаго званія. Первымъ толчкомъ, двинувшимъ его на поприще пропаганды раскола, было слѣдующее обстоятельство. Одинъ Соловецкій инокъ Пименъ, будучи въ Новгородѣ при м. Никонѣ, замѣтилъ Корнилію. „вѣдаешь ты, что Корнилій, Никонъ митрополитъ—антихристъ". Хотя сначала Корнилій сильно удивился этому, но потомъ, когда сталъ внимательнѣе наблюдать за Никономъ, то убѣдился, что дѣйствительно Никонъ во многихъ случаяхъ поступаетъ „не по православному", людей благословляетъ по новому и т. п. и что онъ дѣйствительно еретикъ. Потомъ случай свелъ Корнилія съ извѣстнымъ расколоучителемъ игуменомъ Досиѳеемъ. Когда исправленіе богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ приведено было къ концу и когда стали преслѣдовать церковныхъ противниковъ и мятежниковъ, тогда Досиѳей и Корнилій сбѣжали на Донъ, но прожили тамъ только около 3-хъ лѣтъ. Послѣ этого они возвратились; Досиѳей сталъ распространять расколъ въ Олонецкихъ предѣлахъ, а Корнилій поселился въ Нилговой пустыни; впрочемъ, Досиѳей отправился снова на Донъ, былъ тамъ настоятелемъ основанной Іовомъ Чирской пустыни, много странствовалъ и въ концѣ-концовъ сложилъ свои кости на Кубани (см. выше). Корнилій же послѣ бѣгства изъ Нилговой пустыни усердно дѣйствовалъ на пользу раскола въ Поморскомъ краю и былъ здѣсь однимъ изъ видныхъ основателей извѣстнаго Выгорѣцкаго монастыря. Умеръ онъ въ 1695 году, имѣя около 120 лѣтъ отъ роду. У раскольниковъ онъ почитается святымъ и существуетъ молебное ему пѣніе.

пустыни вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Пахоміемъ (писателемъ его житія) для того, чтобы вступить на поприще ревностнаго пропагандиста раскола въ Поморскомъ краю.

Но конечно, въ Ниловой пустыни и послѣ ухода изъ нея Корнилія продолжали оставаться ревнители старины. Поддержку себѣ они находили особенно въ тѣхъ инокахъ, которые были недовольны нѣкоторыми стѣсненіями монастырской жизни; эта часть иноковъ представляла изъ себя наиболѣе благопріятную почву для развитія раскольническаго духа противленія. Мы знаемъ, что однимъ изъ дѣятельныхъ настоятелей Ниловой пустыни, бывшимъ архіепископомъ Тобольскимъ, Нектаріемъ, между прочимъ, было сдѣлано распоряженіе, чтобы братія строго соблюдала общежительный уставъ, не имѣла никакой собственности и воздерживалась отъ употребленія вина, а тѣхъ, которые не будутъ исполнять этого предписанія, онъ заповѣдалъ изгонять изъ монастыря. Можетъ быть, при жизни Нектарія это частію и исполнялось братіей, но только успѣлъ Нектарій умереть (1667 г.), какъ среди братіи возникаетъ сильный ропотъ и высказываются открыто неудовольствія на такіе порядки, такъ что преемникъ Нектарія, игуменъ Германъ (1667—1672 г.) принужденъ былъ въ 1668.году доносить объ этомъ митрополиту новгородскому Питириму въ такой формѣ: „многіе старцы, не хотя жить въ монастырѣ, но хотя пить хмѣльное питье, а иные и для пожитковъ своихъ, изъ тое Ниловы пустыни выбѣгаютъ и платье и *правильныя* книги съ собою сносятъ“ [1]). Заводить смуту и расколъ среди подобныхъ старцевъ ревнителямъ старины было, конечно, весьма удобно. Извѣстно, что старцы эти главнымъ образомъ и находили себѣ удовлетвореніе у раскольниковъ, гдѣ, по замѣчанію проф. Щапова, „въ скитахъ и монастыряхъ пьянство вмѣстѣ съ развратомъ было весьма обыкновенно“ [2]). Упадокъ правовъ и невѣжество, царившія въ многихъ монастыряхъ XVII вѣка, давали большой просторъ развитію въ нихъ раскольническихъ бредней. Печальную извѣстность въ этомъ отношеніи получилъ Калязинскій монастырь: распущенность иноковъ этого монастыря послужила даже матеріаломъ для народныхъ пѣсней и не совсѣмъ приличныхъ присловій; вспомнимъ, напр., такую поговорку народную: „у нашего Макарьи по три деньги Натальи, а грошь дай любую выбирай“. Сохранился отъ второй половины XVII вѣка любопытный памятникъ, характеризующій съ этой стороны Калязинъ монастырь; это—„челобитная монастыря“, представляющая собою злую сатиру „на тѣ отступленія обитателей монастыря отъ монашеской нормы, которыя авторъ, можетъ быть, и самъ инокъ того же монастыря, видѣлъ въ современной ему дѣйствительности“ [3]).

---

[1]) Историч. опис. Ниловъ Столоб. пустыни, *В. Успенскаго*, стр. 154.
[2]) *Щаповъ*. Русскій расколъ старообрядствъ, стр. 212.
[3]) Рус. Арх. 1873 г., стр. 1772. Вотъ, напр., нѣкоторыя мѣста изъ этой

Держась хронологическаго порядка въ изложеніи событій изъ исторіи Тверского раскола, мы теперь должны будемъ сказать о значительныхъ проявленіяхъ раскольническаго фанатизма въ Новоторжскомъ уѣздѣ въ 80-хъ годахъ XVII вѣка. Извѣстно, что около этого времени, подъ вліяніемъ крайне-строгихъ мѣръ противъ раскола, начавшихся съ 1684 года, раскольническій фанатизмъ дошелъ до своего maximum'a. Тогда раскольники шли на костры и цѣлыми толпами сожигали себя и разными другими способами уничтожали, лишь бы только не поддаться „прелести еретической“ и не попасть въ руки клевретовъ и приставниковъ антихристовыхъ“. Это ужасное явленіе многочисленныхъ и массовыхъ самосожженій представляетъ собою печальную особенность исторической жизни русскаго народа, не имѣвшую мѣста среди другихъ европейскихъ народовъ. Не миновала этого и Тверская область.

Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ въ селѣ Ѳедовѣ, Новоторжскаго у., проживалъ „подъ видомъ православнаго священника“ попъ-раскольникъ Петръ. Негодуя противъ церковныхъ преобразованій и разныхъ „новшествъ“, Петръ продолжалъ отправлять въ своемъ приходѣ службу по старопечатнымъ книгамъ. Благодаря этому, какъ въ его приходѣ, такъ и въ окрестностяхъ расколъ находилъ себѣ пищу и поддержку. Мало того: онъ, вѣроятно, не безъ вліянія того-же попа Петра, сказался здѣсь въ изувѣрной формѣ самосожженія. 10 марта 1682 года въ Николаевскомъ приходѣ (Новот. у.) въ деревняхъ Блюдихѣ, Будовѣ и Борового, погостѣ Прутнѣ сожглось нѣсколько человѣкъ: въ Блюдихѣ сожглись бобыли семи дворовъ съ женами и дѣтьми, въ Будовѣ сожегся крестьянинъ „Карпушка Васильевъ съ женою и дѣтьми, десять человѣкъ“, и кромѣ того „сынъ и двѣ дочери дѣвки“ другого крестьянина и въ Боровогой сожглись крестьяне „Мартюшка Ивановъ“ и его племянникъ „Тимошка Ивановъ“ съ женами и дѣтьми. Всѣ они „сгорѣли сами сожегшися въ избахъ своихъ, да въ дву овинахъ“. Такъ доносилъ объ этомъ новгородскому митрополиту Кириллу строитель Троицкаго Новоторжскаго монастыря Рафаилъ [1]). Вѣроятно, не безъ связи съ описаннымъ

оригинальной челобитной. Иноки-крылошане, жалуясь на то, что архимандритъ заставляетъ ихъ по рану ходить въ церковь и томитъ ихъ тамъ, пишутъ: „а мы, богомольцы твои, кругъ ведра безъ портокъ, въ однихъ свиткахъ въ кельяхъ сидимъ, не поспѣть намъ ночью въ девять ковшей келейнаго правила исправить и взваръ съ пивомъ въ ведра испорозпить, чтобы сверху до дна сдуть пѣнку,— и мы все это покидаемъ, да вонъ изъ келей выбѣгаемъ“. Въ другомъ мѣстѣ: „а если бы намъ, богомольцамъ твоимъ, власти не мѣшали, и мы бы не пожалѣли, и колокола бы отвязали, да въ Кашинъ сослали и на вино-бъ промѣняли: и такъ они много намъ зла учинили, всѣхъ насъ переглушили“. И еще: „.... по нашему уставу съ утра бы рано до дни часа за три въ чеснаковникъ звонить, а за блюдомъ надъ старыми остатки часы говорить, а „блаженны“ въ ведрахъ надъ вчерашнимъ пивомъ поемъ на шесть ковшей, „слава и нынѣ“ говоримъ, а къ свѣту на печь и спать ляжемъ“. (Рус. Арх. 1873, № 9, стр. 1777—1779).

[1]) *Сапожниковъ*. Самосожженіе въ рус. расколахъ стр. 20. Троицкій

событіемъ о попѣ Петрѣ начинаются самыя усердныя разслѣдованія. Четыре раза строитель Рафаилъ посылалъ въ село Ѳедово за этимъ попомъ и каждый разъ безуспѣшно: „онъ де попъ чинитца ослушенъ“. Мало того, въ четвертую посылку крестьяне села Ѳедова (несомнѣнно, раскольники), собравшись въ количествѣ 30 человѣкъ, хотѣли даже убить пристава, присланнаго за попомъ, а попа скрыли. И еще разъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1682 года Рафаилъ сдѣлалъ попытку черезъ уѣзднаго десятскаго уговорить „попа Петра и дьячка съ причетники, чтобъ они возвратились на истинный путь“; но и на этотъ разъ трудъ его былъ напрасенъ. Тогда Рафаилъ поѣхалъ самъ въ село Ѳедово „свидѣтельствовать попа“. Здѣсь онъ нашелъ упорный расколъ и закоренѣлыхъ раскольниковъ. Когда строитель самъ служилъ въ Преображеньевъ день литургію, то явились къ ней только около 30 человѣкъ, да и тѣ скоро вышли изъ церкви. Почти никто не хотѣлъ даже вкушать тѣхъ просфоръ, надъ которыми Рафаилъ служилъ обѣдню: „съ большимъ принужденіемъ потребилъ просфору только дьячекъ“, а изъ мірскихъ лицъ „потребили просфоры только приказной человѣкъ съ тремя человѣки“. Когда все это происходило, попъ Петръ гдѣ-то скрывался. Точно также, не желая принимать просфоръ, скрылись въ лѣсу двѣ дьячковы дочери—дѣвки, пономарева дочь—дѣвка, „да посестрія (какого-то) игумена Іосифа съ дочерью—дѣвкою-же“. О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ—самосожженіяхъ, разслѣдованіяхъ о попѣ Петрѣ, сопротивленіяхъ со стороны крестьянъ и т. д. Рафаилъ донесъ митрополиту новгородскому Кириллу. На это Кириллъ предписалъ Рафаилу, „чтобъ онъ того Ѳедовскаго попа Петра отъ божественные службы отказалъ и о томъ учинилъ заказъ, а дьячка съ 2 дочерьми и пономареву дочь да посестрію игумена Іосифа съ дочерью-дѣвкою взялъ и распросилъ... и до указу отдалъ подъ началъ, а попа Петра сыскалъ и отдалъ новгородскому приставу“ [1]), а для сыску ослушниковъ митрополитъ писалъ къ новоторжскому воеводѣ Ѳеодору Щочкѣ, чтобъ тотъ далъ для этого приставовъ и стрѣльцовъ. Воевода отрядилъ пять человѣкъ стрѣльцовъ, съ которыми строитель Рафаилъ вмѣстѣ съ поповскимъ старостой Климентовскимъ попомъ Иваномъ и съ десятскимъ Мироносицкимъ попомъ Петромъ и со сторонними многими лицами отправился въ село Ѳедово. Но попъ Петръ и на этотъ разъ успѣлъ куда-то укрыться, а дьячекъ крѣпко заперся въ своемъ дворѣ и не пустилъ къ себѣ Рафаила. Въ виду этого строитель вынужденъ былъ митрополичій указъ о попѣ Петрѣ,—о его запрещеніи—вычитать крестьянамъ и ихъ приказ-

---

монастырь въ 1764 году упраздненъ и обращенъ въ приходскую кладбищенскую церковь. Строитель Рафаилъ въ „Историко-статистич. описаніи города Торжка“, іером. *Иларіодора* не упоминается. У *Строева* (Сп. іерарховъ, стр. 473). *Рафаилъ Глазовъ* упом. подъ 1680—1683 г.

[1]) *Сапожниковъ*. Самосожженіе въ рус. расколахъ, стр. 21.

ному человѣку. Но крестьяне такимъ указомъ крайне возмутились и напали на строителя и на людей его и стали всѣхъ ихъ бить и били „до полумертвія“, потомъ въ попову избу, гдѣ прибывшіе остановились, стали бросать въ окна камни и выбили всѣ окна. Поэтому Рафаилъ, приставъ, стрѣльцы и всѣ пріѣхавшіе съ ними въ Ѳедово люди поспѣшили убѣжать. О всѣхъ этихъ событіяхъ Рафаилъ 18 декабря 1682 года также донесъ митр. Кириллу. Митр. Кириллъ, съ своей стороны донося о всѣхъ вышеописанныхъ случаяхъ раскольническаго фанатизма въ Новоторжскомъ уѣздѣ патр. Іоакиму, просилъ его на этотъ счетъ распоряженій: „и о томъ всякій господинъ и государь, отецъ нашъ, святѣйшій Іоакимъ патріархъ Московскій и всея Русіи, что укажешь“ [1]). Вслѣдствіе этого, по царскому указу отъ 29 апрѣля 1683 года, поѣхалъ въ Ѳедово для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ новоторжскій воевода Михаилъ Челищевъ. Разслѣдованія воеводы подтвердили справедливость доноса строителя Рафаила: крестьяне „подъ пытками“ показали тоже самое. Донося объ этомъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, воевода писалъ, что онъ съ раскольниками-крестьянами села Ѳедова расправился и „за ихъ воровство наказаніе чинилъ, билъ ихъ батогами нещадно, и кнутомъ, и по селу водилъ“, а попа Петра, сына дьячковова Ивана Автамонова, пономаря Савку Васильева „въ кандалахъ“ послалъ въ Москву [2]). Но за крестьянъ, за ихъ будто неправильное притѣсненіе вступились владѣльцы села Ѳедова, князья Долгорукіе. Они написали царю челобитную, въ которой изъясняли, что „крестьянишки ихъ дали поневолѣ сказки, убоясь надъ собою такова воеводскова пріѣзда и многолюдства, и пытки, и смерти на себя“, что „пытаны они напрасно и безвинно сидятъ въ тюрьмѣ“. Все, по представленію дѣла князьями Долгорукими, выдумалъ на нихъ строитель Рафаилъ, потому что не получалъ отъ нихъ взятокъ; точно также и попъ, и дьячекъ, и пономарь скрывались отъ Рафаила по той же причинѣ: не имѣя возможности дать Рафаилу „большихъ взятокъ“, они опасались пытки „въ желѣзахъ и въ цепи“. По этой челобитной кн. Долгорукихъ, все дѣло о попѣ Петрѣ и Ѳедовскихъ раскольникахъ было вытребовано въ Москву; а крестьянъ велѣно было освободить изъ тюрьмы. Но новый розыскъ однако далеко не вполнѣ подтвердилъ правоту крестьянъ и попа Петра. Поэтому розыску оказалось, что крестьяне „строителя Рафаила и пристава на поповѣ дворѣ били, и въ окна и въ попову избу полѣньемъ бросали, и изъ двора попа сбили лошадей строителевыхъ; у воротъ около его строителя и дьячка, и служебника, и пристава, и старосты ходили съ лопатами, съ возными вилами, всѣ крестьяне, человѣкъ съ 50, съ дубьемъ на нихъ ходили, и

---

[1]) Д. *Сапожниковъ*. Самосожженіе въ рус. расколѣ, стр. 21.
[2]) Д. *Сапожниковъ*. Самосожженіе въ рус. расколѣ, стр. 23.

на него, строителя, кричали и бить хотѣли". Кромѣ того, выяснилось, что попъ Петръ не только въ селѣ Ѳедовѣ, но и въ сосѣднихъ помѣстьяхъ „чинилъ расколъ", что онъ отправлялъ всю службу по старопечатнымъ книгамъ и пользовался въ округѣ своей большимъ вліяніемъ; выяснилось также, что когда Рафаилъ сталъ въ Ѳедовѣ самъ служить обѣдню, то одни изъ раскольниковъ съ шумомъ и гамомъ вышли изъ церкви, а другіе, причастившіеся, выплюнули тѣло и кровь Господню [1]).

Итакъ, въ обозрѣніи Тверскаго раскола мы дошли до 80-хъ годовъ XVII в. Существуютъ оч. немаловажныя обстоятельства, объясняющія намъ, почему съ этого времени и до 1714 года сохранилось въ историческихъ памятникахъ весьма мало свѣдѣній какъ вообще о расколѣ во внутреннихъ областяхъ Россіи, такъ въ частности и о расколѣ Тверскомъ. Дѣло въ томъ, что съ 80-хъ годовъ начался самый тяжелый періодъ для раскола: расколъ, фанатично обнаружившійся въ такихъ крупныхъ, какъ антигосударственныхъ, такъ и противоцерковныхъ мятежахъ, какъ Соловецкое возмущеніе и Стрѣлецкій бунтъ, обратилъ на себя самое строгое вниманіе гражданскихъ и церковныхъ властей. Изданы были извѣстныя 12 статей Софьи Алексѣевны, по которымъ всѣ раскольники поголовно преслѣдовались, разыскивались и предавались разнообразнымъ казнямъ: сожженію въ срубахъ, отсѣченію головъ, рукъ, вырываніе ноздрей, вырѣзываніе языковъ и въ лучшемъ случаѣ битью кнутомъ и плетьми. Преслѣдуемы были и предаваемы казни или штрафу не только сами раскольники, но и вообще всѣ лица, такъ или иначе прикосновенныя къ расколу, напр. дававшія въ своихъ избахъ пріютъ раскольникамъ и бѣглецамъ. „Расколъ рѣшительно былъ запрещенъ въ Россіи, говоритъ по этому поводу преосв. Макарій, и никто ни въ городахъ, ни въ селеніяхъ, несмѣлъ открыто держаться его. Потому раскольники или таили свою вѣру, или убѣгали въ пустыню и лѣса, гдѣ заводили для себя пріюты. Но и тамъ ихъ отыскивали, жилища ихъ разворяли, а самихъ приводили къ духовнымъ властямъ для убѣжденій, и въ случаѣ нераскаянности предавали градскому суду и смерти" [2]). Понятно, поэтому, что тогда началось страшное бѣгство раскольниковъ или на самыя окрайны Россіи, или же за границу. Остававшіеся-же во внутреннихъ областяхъ раскольники, притаились и крылись, и только фанатики шли открыто въ огонь и на плаху. Поэтому-то, помимо окраинъ,— каковы Поморье, Донъ, Стародубье, Вятка и т. п., во внутренней Россіи тогда мало было обнаруженій раскола.—Изъ этого періода намъ пока сдѣлалось извѣстнымъ одно болѣе замѣтное обнаруженіе раскола въ Тверской области. Извѣстный расколо-учитель

---

1) Д. *Сапожниковъ*. Самосожженіе въ рус. расколѣ, стр. 25.
2) Ист. раскола, митр. *Макарія*, стр. 333.

Андрей Денисовъ, изъ своихъ поморскихъ странъ сѣя расколъ, успѣлъ неизвѣстно какимъ путемъ распространить свое вліяніе на Кашинскій Дѣвичій монастырь. Это было около 1708 года. Три старицы этого монастыря Пелагія, Меланія и Ирина „вмѣстѣ съ прочими старицами", по подговору Андрея Денисова, съѣхали за Онѣгу и поселились здѣсь въ лѣсахъ,—въ кельяхъ подлѣ рѣки Андомы, а „оныхъ келій построено тамъ со сто". Проживъ здѣсь 13 лѣтъ, онѣ пожелали принять православіе, для чего 25 мая 1721 года, явившись въ приказъ церковныхъ дѣлъ, заявили, что „они отъ раскольнической прелести отрицаются и желаютъ быть въ соединеніи со святою восточною церковію".[1])

Послѣ указа императора Петра о записи всѣхъ раскольниковъ въ двойной окладъ, послѣдовавшаго въ 1714 году, начались повсюду дѣятельные розыски раскольниковъ. Изъ этихъ розысковъ, между прочимъ, и обнаружилось, что въ разныхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи раскольники весьма усилились. Бродяжничество разныхъ раскольническихъ старцевъ и старицъ, особенно имѣвшихъ какое либо внѣшнее преимущество, имѣетъ въ дѣлѣ распространенія раскола огромное значеніе. Между тѣмъ около того именно времени проживалъ въ г. Ржевѣ и пользовался у ржевскихъ купцовъ большимъ вліяніемъ бродяга-старецъ *Урванъ*. Прошлое этого старца особенно должно было возвышать его авторитетъ въ глазахъ раскольниковъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ ученикомъ (и надо полагать, любимымъ) вышеупомянутаго нами расколо-учителя игумена Досиѳея, признаннаго раскольниками за святаго. Убѣжавши съ своей родины (Костромск. губ., Галичскаго у., дер. Прутки), Урванъ направился въ знаменитую Чирскую обитель и здѣсь постригся въ монахи отъ Досиѳея, съ которымъ и жилъ цѣлыхъ 10 лѣтъ, пользуясь его поученіями и назиданіями. Когда Досиѳей удалился изъ Чира, тогда Урванъ направился на сѣверъ и поселился въ лѣсу въ Волоколамскомъ уѣздѣ,—одинъ. Но когда охотники князя Шаховскаго случайно наткнулись на келью Урвана, то выгнали его отсюда. Послѣ этого Урванъ отправился въ Вяземскій уѣздъ; только что онъ устроился, и здѣсь его постигла подобная же невзгода. Послѣ недолгихъ скитаній Урванъ попалъ въ Приказъ церковныхъ дѣлъ и сосланъ былъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, но черезъ 10 недѣль отсюда сбѣжалъ и скрывался въ разныхъ мѣстахъ, и, между прочимъ, въ г. Осташковѣ, въ домѣ купеческаго человѣка Григорія Васильева Зѣтилова, бывшаго у него прежде въ кельѣ съ милостынею, и въ г. Ржевѣ дворцовой. Значеніе Урвана должно

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. I, стр. 80. Къ этому же приблизительно времени относится появленіе въ селѣ *Вышневолоцкаго* яму расколо-учителя *Калинника*, который за расколъ свой посаженъ въ тюрьму новгородскую, гдѣ и умеръ. Въ „Виноградѣ россійскомъ", онъ причисленъ къ страдальцамъ. (Описсоч. въ пользу раскола, ч. I, стр. 152).

было весьма усиливаться отъ того, что онъ имѣлъ при себѣ разныя святыни, оставшіяся ему отъ Досиѳея. Такъ у него были: 1) „дорникъ“, оставленный Досиѳеемъ, 2) „таинство“ (отъ Досиѳея-же), которое положено было въ „бѣлильницѣ“ и которымъ, онъ самъ причащался и, вѣроятно, причащалъ другихъ, 3) въ двухъ мѣшечкахъ сухари: въ одномъ всенощной хлѣбъ, въ бумажкѣ, раздробленная просфора; въ другомъ три сухарика въ бумажкѣ, растворенныя на благословенной водѣ, сухарики употреблялись Урваномъ послѣ причастія[1]). Пребываніе такого старца въ Осташковѣ и Ржевѣ дворцовой, несомнѣнно, поддерживало и усиливало расколъ въ этихъ мѣстностяхъ,

Въ тоже почти самое время, когда производились разслѣдованія о старцѣ Урванѣ, имѣвшемъ связи съ знаменитыми расколо-учителями, обнаружена была въ Москвѣ старица *Ѳеодулія*, знавшая много о ржевскихъ раскольникахъ,—и потому, надо полагать, имѣвшая съ ними сношенія, а вѣроятнѣе всего раньше жившая у нихъ. Эта старица въ раскольническомъ мірѣ также была „не послѣднею спицею“ — уже по одному тому, что имѣла большое вліяніе на раскольническихъ духовникокъ, *Леонтія* (оч. замѣтная личность въ расколѣ) и *Кипріана*, съ которымъ она жила блудно. По указанію этой Ѳеодуліи, бросившей расколъ, въ Ржевѣ, подобно какъ и въ другихъ мѣстахъ, были обнаружены многіе раскольники и, между прочимъ, сысканъ и пойманъ былъ въ С.-Петербургѣ какой-то раскольническій *патріархъ*, каторжный бѣглецъ, *Авраамій*.

Въ самомъ городѣ Твери вновь назначенный туда въ 1720 году (3 марта) митрополитъ Сильвестръ скоро замѣтилъ не только индеферентность тверитянъ къ православной церкви, но и прямое нежеланіе ихъ принимать таинства и соблюдать обряды прав. церкви, соединенное съ явнымъ противленіемъ царскимъ указамъ относительно этого. Мы знаемъ, что 17 февраля 1718 года былъ изданъ указъ о непремѣнномъ посѣщеніи лицами „всякаго чина“ церкви Божіей въ воскресенье и праздничные дни „къ вечерни, и заутренѣ, а наипаче ко св. литургіи“, ежегодной исповѣди, о заведеніи исповѣдныхъ книгъ и о правежѣ съ небывшихъ у исповѣди денежнаго штрафа съ разночинцевъ и посадскихъ за первый годъ—по рублю, а съ поселянъ—по 10 денегъ, за второй—по гривнѣ, за третій—по 5 алтынъ. Митрополитъ Сильвестръ, обязанный наблюдать за исполненіемъ сего указа, замѣтилъ что,

---

[1]) Опис. док. о д. Св. Синода, т. I, стр. 397—8. Послѣдующая судьба этого старца такова. Когда онъ пойманный былъ въ Приказѣ церковн. дѣлъ увѣщаемъ, то долго упорствовалъ въ расколѣ, но наконецъ рѣшился отречься отъ него. Св. Синодъ распорядился съ нимъ такимъ образомъ (30 октября 1721 г.): „быть ему, старцу Урвану, до указу лучшаго ради исправленія и всегдашняго въ несумнительномъ св. церкви покоренія содержанія въ Троицкомъ Александро-Невскомъ монастырѣ и смотрѣть надъ нимъ, старцемъ, прилежно, чтобы онъ показанную присягу держалъ“.

„тверичи, презря“ этотъ указъ и свое обязательство исполнять его, „изъ города бѣгствомъ тайно, во время великаго поста, *отъѣзжали невѣдомо куда*, и не постилися, и не исповѣдывалися и св. Таинъ не причащалися, и въ воскресные дни и въ господскіе праздники и въ царскіе ангелы въ соборную и приходскія церкви *рѣдко* приходятъ, а кто изъ нихъ и придетъ, и тѣ по чину къ евангелію и праздничному образу *мало* ходятъ *и благословенія бѣгаютъ и удаляются*, и тѣмъ явную святѣй церкви *чинятъ противность* и ему, своему архіерею *непослушаніе*“ [1]). Донося объ этомъ Св. Синоду 27 января 1722 года, преосв. Сильвестръ въ то-же время представлялъ ему, чтобы „ко изысканію и слѣдованію для вспоможенія и лучшаго къ помянутой должности противниковъ исправленія, опредѣлить и въ Тверь, подобно какъ въ Новѣ-городѣ, изъ офицеровъ, или изъ кого надлежитъ“, потому что онъ находилъ труднымъ „властію церковною къ послушанію приклонить ослушниковъ за неимуществомъ силы, въ страхъ дѣйствительныя“. Кромѣ этого, Сильвестръ указалъ на потворство раскольникамъ и укрывательство ихъ со стороны тверскаго духовенства и особенно указывалъ на священника Затверецкаго посада, ц. великомученика Мины-Василія, который въ исповѣдныхъ книгахъ небывшихъ у исповѣди писалъ бывшими [2]). Этотъ донось м. Сильвестра достаточно ясно показываетъ, что тогда расколъ въ Твери значительно поднялъ голову: бѣгство тверскихъ отщепенцевъ „невѣдомо куда“ (по замѣчанію Сильвестра) въ великомъ именно посту намъ представляется довольно просто объяснимымъ. Они убѣгали для принятія исповѣди туда, гдѣ были ихъ наставники, или-же бѣглые попы, какъ напр., въ Ржевъ, Осташковъ, — и даже въ скиты *Брянскихъ* лѣсовъ. Утверждать послѣднее мы имѣемъ право на томъ основаніи, что именно эти скиты содержались на счетъ благотворителей изъ городовъ *Твери, Торжка, Ржева* и др. Да и то нужно еще прибавить, что та старица Ѳеодулія, которая извѣстна была ржевскимъ и другимъ тверскимъ раскольникамъ, была весьма близко знакома съ чернымъ попомъ Брянскихъ скитовъ Леонтіемъ, имѣвшимъ, несомнѣнно, большое вліяніе на тверскихъ благотворителей. О немъ извѣстно, что онъ совершалъ для раскольниковъ всѣ требы, не исключая и причащенія.—Результатомъ вышеописаннаго донесенія

---

[1]) Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода т. II, ч. I-я, № 139, стр. 208—209.

[2]) Опис. док. и д. Св. Синода, т. II, ч. 1-я, стр, 209, № 139. Между прочимъ, въ вѣдомости о небывшихъ у исповѣди изъ Тверскаго архіерейскаго дома показано неисповѣдовшихся въ *1720 году*: тверичъ посадскихъ людей—66 человѣкъ, архіерейскихъ церковныхъ сторожей—28 человѣкъ, гарнизонныхъ солдатъ—59 человѣкъ, ямщиковъ—70, каменщиковъ—1, музыкантовъ—1 и монастырскихъ крестьянъ—10 человѣкъ; всего 235 человѣкъ; въ 1721 году—посадскихъ—81, работниковъ ихъ—32, архіерейскихъ церковныхъ сторожей—12, солдатъ—31, ямщиковъ—71, музыкантовъ—2, Невскаго монастыря бобылей—6 человѣкъ; всего ровно столько-же, сколько въ предъидущемъ году. (Опис д. и д. Св. Синода, т. II, 1, № 141, стр. 219).

м. Сильвестра было, между прочимъ, слѣдующее опредѣленіе Св. Синода отъ 17 декабря 1722 года: „отъ Тверскаго воеводы Лобкова съ товарищами синодальнымъ указомъ требовать, чтобы онъ въ изысканіе оныхъ раскольниковъ и въ надлежащемъ о нихъ слѣдованіи и противниковъ во исправленіи, о всемъ, по требованію его, архіерейскому, вспоможеніе, также и разыски, и наказаніе чинилъ“[1]). Какъ видно, Тверской воевода Лобковъ, если не былъ прямымъ потаковщикомъ тверскихъ раскольниковъ, то во всякомъ случаѣ не былъ и строгимъ исполнителемъ царскихъ указовъ противъ нихъ. Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ то время какъ съ лицъ „синодальной команды“, находившихся въ тверской епархіи, за три года (1720—1722 года) было собрано и отправлено въ Синодъ штрафныхъ денегъ 286 руб., съ лицъ свѣтской команды не было получено ничего, тогда какъ, по разсчету архіерейскаго Приказа, нужно было собрать съ нихъ 712 руб. 35 коп. Три раза въ продолженіи одного 1723 года Приказъ напоминалъ объ этомъ сборѣ воеводѣ Лобкову, камериру и ратушѣ, но ни откуда „ни о чемъ не отвѣтствовали“. На то же самое обстоятельство указываетъ въ своемъ донесеніи Синоду отъ 17 іюня 1723 г. и духовный судья Тверской епархіи, вознесенскій іерей Іуда Ивановъ, именно, что свѣтскіе управители Тверской провинціи не отвѣчали на требованіе духовнаго Приказа[2]).

Такимъ образомъ, нѣкоторая поблажка и укрывательство раскольниковъ какъ отчасти со стороны духовенства, такъ особенно со стороны свѣтскихъ провинціальныхъ властей были сильною помѣхою для правительства имѣть дѣйствительныя и вѣрныя свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ въ той или другой мѣстности и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, о характерѣ раскола.

Но нигдѣ изъ Тверскихъ областей съ такою силою не обнаруживался въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка расколъ, покровительствуемый и скрываемый мѣстнымъ начальствомъ, какъ въ г. Ржевѣ. Мы знаемъ, что г. Ржевъ доселѣ представляетъ наиболѣе видное гнѣздо раскола Тверской епархіи,—и не даромъ: онъ свилъ это гнѣздо весьма рано подъ покровительствомъ людей въ своемъ мѣстѣ сильныхъ. Держась хронологическаго порядка, мы здѣсь разскажемъ пока о двухъ только случаяхъ обнаруженія ржевскаго раскола, бывшихъ въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ. — Въ 1722 году около 22 марта въ Св. Синодѣ возникло дѣло объ одномъ раскольническомъ старцѣ Антоніи (родомъ Московскаго уѣзда, дер. Слободской), взятомъ въ Петербургѣ на Ижорской заставѣ, за неимѣніе никакого вида. Старецъ этотъ, изъявивши желаніе обратиться къ православной церкви (искренно, или нѣтъ—

---

[1]) Опис. док. и д. Св. Синода, т. II, 1, стр. 210.
[2]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. II, 1, стр. 219.

для насъ въ данномъ случаѣ безразлично), разсказалъ о своихъ похожденіяхъ и обнаружилъ существованіе сильнаго раскола во многихъ мѣстахъ, именно: въ лѣсахъ брянскихъ и муромскихъ и въ Казанскомъ уѣздѣ — на Сосновомъ островѣ по рѣкѣ Волгѣ и въ лѣсахъ по р. Лобани. По этому показанію, Св. Синодъ предписалъ произвести въ указанныхъ мѣстахъ сыскъ раскольниковъ. Командированный въ муромскіе лѣса московскимъ вице-губернаторомъ Воейковымъ маіоръ Норовъ, успѣлъ тамъ захватить нѣсколько раскольниковъ, и въ допросѣ ихъ узналъ еще о нѣсколькихъ новыхъ центрахъ раскола, съ которыми муромскій расколъ былъ въ сношеніяхъ,—и, между прочимъ, о расколѣ въ г. *Ржевѣ*. Когда вслѣдствіе этого и здѣсь Норовъ намѣревался произвести сыскъ раскольниковъ, то со стороны мѣстнаго начальства не только не встрѣтилъ содѣйствія, а встрѣтилъ прямо сопротивленіе: начальство ржевское отказалось слушать данныхъ Норову „послушныхъ“ указовъ[1]). Скоро послѣ этого, дѣйствительно, обнаружено было въ г. Ржевѣ нѣсколько лицъ, виновныхъ въ укрывательствѣ раскольниковъ. Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 10 декабря 1722 года ржевскій фискалъ „изъ купечества“ Евтихій Протопоповъ ѣхалъ ночью отъ одного посадскаго человѣка Ивана Иванова Образцова. На дорогѣ ему попалась какая-то пустынница въ монашескомъ раскольническомъ платьѣ. Фискалъ задержалъ ее въ своемъ домѣ и узналъ, что ее зовутъ Акулиной. Тотчасъ-же онъ донесъ объ этой раскольницѣ, съ одной стороны въ ржевскую канцелярію, а съ другой — игумену Воздвиженскаго монастыря Нектарію, вѣдавшему въ то время церковныя дѣла, чтобы онъ эту „пустынницу въ монашескомъ раскольническомъ платьѣ взялъ въ монастырь и допросилъ“. Къ удивленію Протопопова, дѣло приняло совсѣмъ не тотъ оборотъ, какого онъ ожидалъ. Ржевскій коммисаръ Сеславинъ и канцеляристъ Семенъ Ваулинъ, задержавъ Протопопова у себя въ канцеляріи подъ карауломъ, взяли у него изъ дому пойманную „раскольницу, и скрыли ее неизвѣстно куда“, (по словамъ самого Протопопова). Донося объ этомъ Синоду, фискалъ, между прочимъ, обвиняетъ и игумена Нектарія въ томъ, что послѣдній не обратилъ надлежащаго вниманія на его, Протопопова, доношеніе о раскольницѣ, потому что игуменъ, „знатно дружа и наровя виновнымъ, куда надлежитъ не пишетъ, укрывая ихъ, ржевичъ“. Иначе представляетъ это дѣло самъ Нектарій. Онъ доносилъ Синоду, что по полученіи отъ Протопопова извѣстія о раскольницѣ Акулинѣ, онъ посылалъ за нею въ домъ Протопопова, а затѣмъ въ ржевскую канцелярію. Но коммисаръ Сеславинъ посланнымъ отъ него служителямъ сказалъ: „на что-де игуменъ въ сіе дѣло вступается“, а подъячій Ваулинъ прибавилъ: „у насъ-де такой

[1]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. I, № 185, и стр. 185—186.

пустынницы нѣтъ, а хотя бы-де и была, мы-де не отдадимъ, у насъ-де много колодниковъ, да не всѣхъ-де ему отдать; мы-де прежде сего не токмо черницу, и чернеца держали и батожьемъ бивали"; однако же вскорѣ старица была прислана изъ канцеляріи въ монастырь, гдѣ и была допрошена. Въ монастырѣ она находилась подъ карауломъ монастырскаго служителя Михаила Фокина съ 31 декабря 1722 года и до 2 іюня 1723 г., а въ это число изъ-подъ караула бѣжала, — неизвѣстно куда. Въ этомъ представленіи дѣла Нектаріемъ слышится ложная нотка. Во первыхъ, отвѣты Сеславина и Ваулина на запросъ игумена отзываютъ искусственностію и сочинительствомъ: они составлены такъ, что служа въ оправданіе Нектарію, въ то-же время и ржевскихъ чиновниковъ выставляютъ со стороны бдительности относительно раскольниковъ. Очевидно, Нектарію нужно было и себя, такъ сказать, выгородить предъ Синодомъ, да и чиновниковъ не обвинить. Съ другой стороны раскольница Акулина все-таки изъ-подъ караула монастырскаго *убѣжала*, просидѣвъ менѣе, чѣмъ полгода — и убѣжала неизвѣстно куда. Наконецъ, заподозрить справедливость всѣхъ Нектаріевыхъ показаній вообще можно еще и потому, что онъ въ концѣ ихъ не постѣснился заявить, что раскола въ ржевскихъ приходахъ и даже въ ржевскомъ уѣздѣ „нѣтъ и не знаютъ". Если прибавить къ этому то, что Нектарій долго не давалъ отвѣта на запросъ Синода относительно раскольницы Акулины, то еще болѣе становится правдоподобнымъ наше заключеніе, что Нектарій въ этомъ дѣлѣ былъ нечистъ и фальшивилъ. Онъ дѣйствовалъ за одно съ Сеславинымъ и Ваулинымъ, подобно имъ „знатно дружа и наровя виновнымъ" раскольникамъ, и потому отрицалъ въ своемъ объясненіи все, что Протопоповъ доносилъ объ нихъ и о немъ въ Синодъ. Дѣло это затянулось на долго: начатое въ декабрѣ 1722 года оно не пришло ни къ какому исходу даже въ іюлѣ 1725 года, потому что 7 іюля этого года Св. Синодъ, въ виду того, что тверскія провинціальныя власти все еще не выслали въ синодальную канцелярію Сеславина и прикосновенныхъ къ настоящему дѣлу лицъ, не смотря на указы изъ Синода и изъ Камеръ-Коллегіи, положилъ, снявъ со всего дѣла копію, подлинное дѣло передать „къ слѣдованію" въ розыскную раскольническую канцелярію, съ тѣмъ, чтобы канцелярія, по рѣшеніи дѣла, прислала въ Синодъ „обстоятельное доношеніе" [1]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ чѣмъ кончилось это дѣло, но весь ходъ его обнаруживаетъ несомнѣнную виновность Сеславина и Ваулина, а также и Нектарія въ укрывательствѣ ржевскихъ раскольниковъ. Изъ дѣла, кромѣ всего вышеизложеннаго, выяснилось еще, что братъ Семена Ваулина, Захаръ былъ раскольникомъ, а по показанію Акулины, въ добавокъ онъ былъ изъ

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, II, 1, стр. 959.

такихъ ржевскихъ раскольниковъ, „которые заложились за польскаго короля“. Отсюда открывается новое побужденіе, по которому Семенъ Ваулинъ хотѣлъ скрывать ржевскихъ раскольниковъ.

Такъ относились ржевскіе чиновники къ раскольникамъ въ началѣ 20-хъ годовъ XVIII ст. Что же касается ржевскихъ приходскихъ поповъ, то всѣ они усиленно таили раскольниковъ въ своихъ приходахъ. Извѣстный Іосифъ Рѣшиловъ, игуменъ Ракова монастыря, въ концѣ 1726 г., между прочимъ, доносилъ архіепископу Ѳеофилакту: „ржевскіе попы толь сожалительны по раскольникахъ, что ни единъ въ приходѣ своемъ не объявилъ раскольника не токмо по своей должности, но и по посланнымъ къ нимъ въ духовный приказъ промеморіямъ“. [1]). Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ въ то время раскольниковъ въ Ржевѣ было очень много, что, между прочимъ, видно изъ доношенія тому же Рѣшилову упомянутаго выше фискала Евтихія Тимооеева Протопопова; по его донесенію, многіе потаенные раскольники, притворяясь православными, имѣютъ въ домахъ своихъ потаенные скиты, какъ-то: у Ивана Образцова, Клима Орлова, Григорія Зятилова, Никиты Иванова Бушева, Никиты Волоскова, у потаенной раскольницы, жены фискала Павла Долгополова, Евдокіи Яковлевой, которая и дѣтей своихъ раскольнической прелести учитъ [2]). Указавъ на эти скиты, Протопоповъ прибавилъ, что о другихъ онъ имѣетъ донести впредь. По всѣмъ вышеприведеннымъ даннымъ, раскольники въ Ржевѣ были элементомъ населенія весьма замѣтнымъ, но тогдашній ратманъ ржевской ратуши Матвѣй Глушковъ, по требованію Рѣшилова, указалъ общее число ржевскихъ раскольниковъ весьма ограниченнымъ, именно обоего пола—только 163 человѣка: несомнѣнно, ратманъ сообщалъ неправду. Когда Рѣшиловъ требовалъ ржевскихъ раскольниковъ къ „разглагольствію“, то не одинъ не явился къ нему; тогда онъ послалъ въ ратушу письменное „увѣщаніе раскольникамъ къ разглагольствію, но даже не знаетъ, отдано-ли то увѣщаніе раскольникамъ“. Сообщая о всемъ этомъ архіеп. Ѳеофилакту, Рѣшиловъ прибавляетъ: „только по фискальнымъ дѣламъ, благодареніе Богу, плоды къ покаянію имѣются:—обратились къ церкви 106 человѣкъ мужеска и женска пола; остальныя же окаменѣлыя сердца въ упрямствѣ своемъ утвердилися, такъ что и слышать св. писаніе не хотятъ, *за нѣкоторую надежду*“ [3]). Подъ этой нѣкоторой надеждой Рѣшиловъ разумѣетъ, несомнѣнно, покровительство раскольникамъ со стороны городскихъ властей и укрывательство ихъ попами.—

Но не одни ржевскія власти зарекомендовали себя со сто-

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. VI, № 315, стр. 565.

[2]) Мы должны сказать, что большинство изъ указанныхъ фамилій и въ послѣдующей исторіи ржевскаго раскола являются въ главѣ его; а нѣкоторыя и до настоящаго времени извѣстны съ этой стороны.

[3]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. VI, № 315, стр. 565.

роны „выгодной снисходительности“ къ раскольникамъ. Тоже самое сдѣлалось извѣстнымъ въ концѣ 1726 г. и началѣ 1727 года и о властяхъ новоторжскихъ, кашинскихъ и тверскихъ. Такъ, новоторжскій бургомистръ Василій Масленниковъ съ товарищами „своею дерзостію *не только* повинныхъ въ расколѣ и неплатежѣ штрафныхъ денегъ“ не выдавалъ, но „и изъ подъ караула виновныхъ боемъ отнималъ и посланныхъ отъ духовнаго правительства бить повелѣвалъ“. Бургомистры — кашинскій Аѳанасій Струнниковъ и тверской Матвѣй Ареѳьевъ неисповѣдавшихся въ духовный Приказъ для штрафа не присылали и сами тѣхъ штрафныхъ денегъ не собирали [1]).

Итакъ, несомнѣнно, что мѣстныя власти и священники по корыстнымъ разсчетамъ скрывали раскольниковъ. Съ другой стороны существовали немаловажныя обстоятельства, которыя заставляли и самихъ раскольниковъ всячески таиться: это—недобросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу лицъ, командированныхъ правительствомъ для сыска раскольниковъ. Лица эти не рѣдко прибѣгали къ насиліямъ и вымогательствамъ. Съ этой именно стороны извѣстенъ прежде всего тотъ самый маіоръ Норовъ, которому было оказано сопротивленіе въ Ржевѣ. Разъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1721 года этотъ Норовъ вмѣстѣ съ поручикомъ Бѣгичевымъ, вахмистромъ Андреевымъ, съ драгунами и солдатами пришелъ въ дер. Дмитроково [2]) и здѣсь, схвативъ и связавъ крестьянина Кузьму Евтифьева вмѣстѣ съ другими шестью крестьянами, отправилъ всѣхъ ихъ въ вотчину княгини Ирины Петровой Троекуровой, въ деревню Безумово села Краснаго Холма, а ихъ клѣти и имущество обобралъ. А между тѣмъ самъ вмѣстѣ съ драгунами и солдатами поселился въ дер. Дмитроковѣ и въ продолженіи 12 дней грабилъ крестьянъ: съ нихъ побрано было денежныхъ взятокъ 61 рубль, 12 алтынъ 4 деньги,—„да скота и прочихъ при-

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. VI, № 136, стр. 214. Дѣло о новоторжскомъ бургомистрѣ вмѣстѣ и о новгородскомъ началось собственно по возбужденію или доносу поручика Ивана Рожнова, преемника по раскольническимъ дѣламъ въ Новгородской губ. Коптѣлова (съ 30 апр. 1725 г.). По пріѣздѣ въ Новгородъ, принявъ по инструкціи отъ духовныхъ управителей архіерейскаго разряда дѣла своего предмѣстника, Рожновъ все это представилъ на усмотрѣніе Синода, при чемъ просилъ Синодъ учинить резолюціи на 11 пунктовъ, изъ которыхъ 7-й пунктъ гласитъ: „о воспрещеніи бургомистрамъ новгородскому и новоторжскому оказывать небывающимъ у исповѣди „поноровку“ и укрывательство“. Св Синодъ по этому пункту постановилъ. „а что новгородскіе и новоторжескіе бургомистры съ товарищами противною своею дерзостію показанныхъ въ подозрительствѣ и церковной противности касающихся и платежу штрафовъ повинныхъ брать не дали и чинятся противны, а больше что и боемъ изъ подъ караулу винныхъ отнимаютъ и посланныхъ отъ духовнаго правленія бить повелѣваютъ, о томъ надлежащій розыскъ и достодолжный виннымъ штрафъ учинить въ Главномъ Магистратѣ немедленно“ (Опис. док. и дѣлъ Св. Синода, т. VI, № 324, стр. 308—9, 312).

[2]) Такъ называется эта деревня, въ Полномъ собраніи пост. и распоряженій Св. Синода (I, № 269), а въ Опис. док. и дѣлъ Св. Синода она называется Митроково (I, стр. 641).

пасовъ по цѣнѣ на 21 рубль и 4 алтына, да грабежомъ солдаты взяли денегъ 4 рубля 4 алтына 2 деньги"; затѣмъ, съ крестьянъ брали скотомъ, птицею, масломъ, пирогами и виномъ. Общая сумма крестьянскихъ убытковъ вычислена въ 151 рубль, 1 алтынъ и 4 деньги. По поводу этого дѣла Св. Синодъ издалъ указъ, строго запрещавшій раскольническимъ сыщикамъ взятки, нападки и исполненіе разныхъ ихъ прихотей".—Съ подобной же стороны, какъ Норовъ, зарекомендовалъ себя и другой изъ „офицеровъ", назначенный для сыску раскольниковъ въ Новгородскую губернію, поручикъ Иванъ Контѣловъ. Мѣстностями, въ которыхъ въ продолженіи 1723 и 24 годовъ Контѣловъ производилъ розыски раскольниковъ, были *Торжокъ* съ 14 приходами, *Порховъ* и Ямы-Вышневолоцкій, Зимнегородскій и Крестецкій. На этотъ разъ обращаетъ наше особенное вниманіе поведеніе Контѣлова въ Вышнемъ Волочкѣ въ 1723 году. Въ это время въ Вышнемъ Волочкѣ проживалъ одинъ зажиточный купецъ Михаилъ Сердюковъ, имѣвшій нѣсколько разныхъ заводовъ [1]). Хотя Сердюковъ былъ человѣкомъ вполнѣ православнымъ, однако Контѣловъ, съ цѣлью, вѣроятно, поживиться отъ него, прислалъ 18 іюля 1723 года за нимъ солдатъ съ „сыскною." Но Михаилъ Сердюковъ не пошелъ къ Контѣлову, а только по этому поводу 30 іюля написалъ жалобное письмо Синодальному секретарю Герасиму Семенову, въ которомъ доносилъ, что „раскольническихъ дѣлъ поручикъ Иванъ Контѣловъ въ Вышній Волочекъ прибылъ и вышневолоцкихъ жителей многихъ, по дѣламъ-ли ихъ, или напрасно, только жестоко держитъ въ учрежденной въ Ямскомъ дворѣ конторѣ и поступаетъ къ людѣмъ Божіимъ весьма жестоко, и обо мнѣ убогомъ многимъ людямъ объявлялъ страшливыя слова подъ карауломъ держаніемъ" (т.-е. запугивалъ). Къ этому Сердюковъ совершенно справедливо присовокупляетъ просьбу, чтобы преосвященному новгородскому было доложено, что „ежели отъ него (Сердюкова) и отъ домашнихъ его въ чемъ есть недоумѣніемъ какое поползновеніе, чтобъ увѣщевать указано было ученому отъ духовнаго чину духомъ кротостію, а не военному чину военною рукою".— Началось дѣло. При тогдашней строгости къ раскольникамъ и при серьезности, съ какой относились къ этимъ дѣламъ, дѣло о Сердюковѣ потянулось медленно, а Сердюковъ, между тѣмъ, совершенно невинно долженъ былъ выстаивать подъ карауломъ. Мы минуемъ подробности этого дѣла, а изъ допросныхъ пунктовъ Синодальной Канцеляріи обратимъ вниманіе только на три, касающіеся отношеній Сердюкова къ извѣстному нижегородскому діакону Александру, не за долго предъ тѣмъ казненному за расколоучительство: ходили слухи, что Сердюковъ ему сочувствовалъ.

---

[1]) Мих. Ив. Сердюковъ—знаменитый строитель Вышневолоцкой судоходной системы; погребенъ въ с. Городолюблѣ, Вышнев. уѣзда. На могилѣ его поставленъ памятникъ. (Жур. Твер. Учен. Арх. Ком. 29 засѣд. 1890 г. сент. 27, стр. 11)

Вотъ показаніе Сердюкова: „раскольническаго учителя, въ нижегородской епархіи жившаго, дьякона *Александра* онъ не знаетъ; только въ нынѣшнемъ или прошломъ 722 году, хорошо не упомнитъ, видѣлъ онъ проѣзжаго нѣкоего человѣка въ старомъ платьѣ съ краснымъ козыремъ и бородою, который на Вышневолоцкомъ яму покупалъ себѣ хлѣбы, а какъ зовутъ его, откуда идетъ и какого чина, того сказать не знаетъ, только сказалъ, что ѣдетъ въ С.-Петербургъ, и отъ него про оного раскольническаго учителя слышалъ такимъ образомъ: какъ онъ, Сердюковъ, началъ его, увидя въ такомъ платьѣ, спрашивать, для чего онъ такое платье носитъ, и онъ сказалъ ему, что за старую вѣру, а что то-есть старая вѣра? на то онъ, проѣзжій, ему говорилъ, что-де старая вѣра та, о которой пункты отецъ ихъ Александръ преосвященному Питириму подалъ, на которые тотъ отвѣту не могъ дать, и ты-де, бѣдный татаринушка [1]), что знаешь? а сколько тѣхъ пунктовъ числомъ того ему не сказалъ. Пунктовъ этихъ онъ, Сердюковъ, у себя не имѣетъ и въ какой они силѣ написаны, про то не свѣдомъ. Вспоминалъ онъ объ этихъ пунктахъ только съ однимъ человѣкомъ, генералъ-адмираломъ, графомъ Апраксинымъ, когда тотъ въ проѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ былъ въ Вышнемъ Волочкѣ и вотъ какъ это было: адмиралъ Апраксинъ позвалъ его къ себѣ на обѣдъ, а время было великопостное и къ столу была приготовлена рыба; графъ у него спрашивалъ: не раскольникъ-ли онъ и будетъ-ли ѣсть рыбу, потому что-де раскольники рыбы не ѣдятъ, и онъ, Сердюковъ, на то сказалъ, что онъ—не раскольникъ и рыбу ѣстъ и къ тѣмъ словамъ припомнилъ, что отъ проѣзжаго раскольника слышалъ, будто преосвященный Питиримъ на нѣкоторые онаго расколоучителя пункты отвѣта не далъ“. Долго Синодъ разслѣдовалъ о томъ,— не сочувствуетъ-ли дѣйствительно Сердюковъ діакону Александру и нѣтъ-ли у него самыхъ пунктовъ этого діакона, нѣтъ-ли какихъ-нибудь другихъ раскольническихъ книгъ и тетрадей, но по всѣмъ пунктамъ Сердюковъ оказался чистъ [2]). Итакъ, этотъ невинный человѣкъ, благодаря недобросовѣстности и происканъ поручика Коптѣлова, подвергся столь многимъ непріятнымъ допросамъ и высидѣлъ долгое время подъ строгимъ карауломъ. Впрочемъ, всѣмъ вышеизложеннымъ дѣло о Сердюковѣ кончилось еще не совсѣмъ. Въ концѣ 1724 года о Сердюковѣ началась еще переписка съ Синодомъ Новгородскаго архіерейскаго разряда по поводу служащихъ у Сердюкова трехъ раскольниковъ. Отъ Сердюкова потребовали объясненія, почему онъ въ своихъ показа-

---

[1]) По показанію самого Сердюкова, „рожденіемъ онъ былъ мунгальскаго народа, родился при р. Селингѣ; воспитанъ онъ въ вѣрѣ, которая именуется Тенгерны Бурханъ.

[2]) Дѣло о Михаилѣ Сердюковѣ въ Описаніи док. и дѣлъ Св. Синода, т. III, № 449, стр. 446—476.

ніяхъ не упомянулъ объ этихъ трехъ раскольникахъ. Сердюковъ отвѣчалъ, что ему не было повода о нихъ показывать, такъ какъ онъ давалъ отвѣты только на вопросы, ему предложенные, а въ этихъ вопросахъ о служащихъ у него людяхъ упоминаемо не было; но онъ говорилъ о нихъ на исповѣди отцу духовному Петропавловскому протопопу, у котораго спрашивалъ совѣта: какъ быть съ ними,—и получилъ такой совѣтъ, чтобы по возвращеніи въ свое мѣсто, позаботился о ихъ обращеніи къ церкви, что онъ посылкою ихъ въ архіерейскій разрядъ для исправленія въ вѣрѣ и исполнилъ. Обращеніемъ присланныхъ къ церкви чрезъ міропомазаніе дѣло о нихъ и закончилось.

Въ заключеніе нашего перваго очерка о расколѣ въ Тверской епархіи изложимъ два эпизода изъ исторіи ржевскаго раскола, заимствованные нами изъ дѣлъ Архива Тверской дух. Консисторіи. Одинъ изъ нихъ еще разъ подтвердитъ нашу мысль о силѣ и могуществѣ ржевскихъ раскольниковъ, имѣвшихъ на своей сторонѣ всѣхъ мѣстныхъ предержащихъ властей.

Эпизодъ первый. Въ 1746 году по слѣдствію Тверской дух. консисторіи въ г. Ржевѣ оказался священникъ Оковицкой церкви Григорій Ульяновъ, который отъ дѣтства, по наученію отца своего, полагалъ крестное знаменіе „двоеперстнымъ сложеніемъ и при крещеніи младенцевъ вкругъ купели обходилъ и при вѣнчаніи—по раскольнически—по солнцу“. Кромѣ того, по доносу его брата, дьячка той же церкви Ивана Ульянова, священникъ этотъ, угождая прихожанамъ—раскольникамъ, „въ церкви въ Деисусахъ и праздникахъ и у мѣстныхъ образовъ написанныя благословляющія руки переправилъ по раскольнически—двоеперстнымъ сложеніемъ“. Поэтому, священникъ сей, „яко раскольническій учитель и наставникъ, подлежалъ тогда отосланъ быть къ градскому суду—къ розыску“, но преосв. Митрофанъ „за обращеніе его, священника, отъ раскола“ приказалъ отослать его „на покаяніе и въ труды монастырскіе“ въ Троицкій Калязинъ монастырь, гдѣ онъ и былъ до іюня 1748 г. 20 іюня сего года онъ, по его прошенію и по представленію братіи, опредѣленъ въ священники въ с. Кимру, Кашин. у., съ тѣмъ, чтобы впредь къ прежней церкви въ г. Ржевъ не просился. Однако Ульяновъ былъ недоволенъ такимъ назначеніемъ и спустя только полгода, именно 22 февр. 1740 года, подаетъ преосв. Митрофану прошеніе о возвращеніи его на старое мѣсто въ г. Ржевъ. Докладывая объ этомъ преосв Митрофану 7 марта, Тверская дух. консисторія высказала такое свое мнѣніе: „объявленнаго священника не точію къ прежней ево церкви, къ наученнымъ отъ него раскольникамъ опредѣлять не надлежитъ, но и изъ села Кимры отрѣшить и къ другимъ приходскимъ церквамъ не опредѣлять, ибо онъ еще сумнителенъ въ православіи признается и дабы простого и писанія незнающаго

народа къ раскольнической душепагубной прелести не развратилъ". На этомъ докладѣ преосвященный положилъ резолюцію: „объявленнаго священника послать въ Рябовъ монастырь, Кашин. у." Но изъ Рябова монастыря Григорій Ульяновъ въ маѣ того же 1749 г. пишетъ преосвященному прошеніе, въ которомъ, указывая на то, что „по причинѣ держанія его въ монастырскихъ трудѣхъ и въ прочемъ послушаніи" оставшіяся въ г. Ржевѣ въ его домѣ жена и дѣти пришли во всеконечную скудость и убожество, проситъ опредѣлить его опять въ Кимру. Но преосв Митрофанъ положилъ на этомъ прошеніи такую резолюцію, по которой Григорій Ульяновъ долженъ быть опредѣленъ къ какой-нибь. праздной церкви, Кашин. у., кромѣ Кимры, а о пріисканіи такого мѣста послать указъ въ Кашинское духовное правленіе [1]). По указанію, вѣроятно, Кашинскаго дух. правленія, онъ былъ опредѣленъ въ погостъ Никольскій, что на Яму; но и здѣсь оставался весьма недолго. Неизвѣстно—по какой причинѣ, онъ указомъ отъ 19 окт. 1749 года опредѣленъ былъ къ Воскресенской церкви села Отроковичей. Здѣсь Григорій Ульяновъ просвященствовалъ до 1757 года. Но и тутъ ему не нравилось послѣ привольной жизни у ржевскихъ раскольниковъ, — и вотъ онъ подъ предлогомъ старости и какой-то „животной болѣзни" сталъ просить преосвященнаго объ увольненіи его въ Ржевъ — въ домъ свой „на сыновнее пропитаніе". Просьба его была удовлетворена съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы, будучи въ Ржевѣ, онъ какъ при бывшей своей церкви, такъ ни при какой другой священническаго служенія и требъ не отправлялъ. Но Ульяновъ не утерпѣлъ и скоро сталъ совершать требы для раскольниковъ, а потому по приказанію преосвященнаго отъ 16 дек. 1759 г. велѣно было отослать его въ Капшинъ монастырь въ число братіи, какъ „оказавшагося прихожанамъ своимъ къ содержанію раскольническаго суевѣрія потатчикомъ". Въ августѣ мѣсяцѣ 1760 года жена попа Ульянова подаетъ еп. Веніамину самое слезное прошеніе, чтобы престарѣлаго и больного мужа ея освободили изъ Капшина монастыря и опять позволили жить въ Ржевѣ въ своемъ домѣ. Позволеніе было дано съ условіемъ, конечно, не совершать въ Ржевѣ требъ [2]). Условіе однако не было строго выполняемо. Изложенная исторія съ попомъ Ульяновымъ дов. ясно показываетъ,

---

[1]) Вотъ эта резолюція: „хотя онъ (Ульяновъ) по многимъ своимъ противностямъ уже отнюдь никакой милости не достоинъ, однако-жъ еще въ надеждѣ исправленія опредѣлить его куда къ праздной въ Каш. уѣздѣ церкви, кромѣ с. Кимры, для чего о пріисканіи ему такой церкви въ Кашинское духовное правленіе послать указъ, 11 маія 1749 г."

[2]) Вотъ резолюція преосв. Веніамина на этомъ прошеніи. „Уволить показаннаго священника за болѣзнію и дряхлостію къ сыну его въ Ржевъ, токмо наикрѣпчайше онаго обязать подпискою, дабы будучи въ Ржевѣ, какъ священнослуженія, такъ и мірскихъ требъ ни при какой церкви не исправлялъ, по домамъ тамошнихъ жителей не бродилъ, чего наипаче смотрѣть за нимъ тамошнему протопопу, о чемъ къ нему и указъ послать. 13 авг. 1760 г."

какъ расколъ заѣдалъ ржевскихъ священниковъ разными приманками, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ деньгамъ. Въ виду этого мы не пропустили безъ вниманія въ консисторскихъ дѣлахъ этого эпизода [1]).

Другой эпизодъ. Октября 7 дня 1771 года діаконъ Оковицкой церкви Ѳедоръ Харлампіевъ доносилъ преосвященному Тверскому Платону слѣдующее. „Ржевскіе купцы съ начала моего поступленія нападаютъ на меня.... ругаютъ и бьютъ смертно и впредь похваляются убить до смерти за едино только, что я ихъ раскольническому суевѣрію не склоненъ". Затѣмъ въ доносѣ діакона перечисляются случаи такихъ нападокъ. „Въ 1766 году марта противъ 5-го, пишетъ діаконъ, во 2-мъ или 3-мъ часу ночи шелъ я мимо ржевскаго магистратора и въ то время отъ онаго магистратора нагнавъ меня жительствующіе въ Ржевѣ отставной регистраторъ Кириллъ Ивановъ Хромцовскій съ дѣтьми Семеномъ и Степаномъ и прочими своими родственниками—ржевскими купцами, били меня дубьемъ и кистенями и ограбили у меня нѣсколько платья и пр. по цѣнѣ на 13 руб. 70 коп. и пограбивши меня, волокли за власы ко оному магистрату и втащивши въ томъ магистратѣ въ избу паки тирански мучили, и проломивъ голову и оковавъ мои ноги, и на шею надѣли стулъ съ цѣпью и отвели въ тюрьму и потомъ меня били же смертно и оставили едва жива, и на утріе въ ономъ магистратѣ я чаялъ себѣ смертнаго часу, для чего преображенскимъ священникомъ Михаиломъ Семеновымъ исповѣданъ и св. Таинъ сподобленъ, и содержался въ томъ магистратѣ 15 дней, а потомъ просилъ я о защищеніи и боевымъ моимъ ранамъ осмотрѣ,—и описать; *точію ничего не учинили*" [2]). Второй случай нападенія на діакона, о которомъ онъ упоминаетъ въ доносѣ, былъ въ ноябрѣ 1770 года. Тогда Ржевскіе купцы, записные раскольники—Аѳанасій Григорьевъ Берсеневъ, Аѳанасій Ѳедотовъ Долгополовъ и Алексѣй Петровъ съ товарищами схватили въ домѣ купца Василія Немилова—упомянутаго діакона и били его „озорнически яко сущаго злодѣя немилостивно, отъ коихъ ихъ смертныхъ побой едва могъ ко двору своему уйтить". Обо всемъ этомъ діаконъ донесъ было въ Ржевскій словесный судъ. Буяны были сысканы, но *„точію имъ ничего не учинено"*. Наконецъ, третій случай, о которомъ діаконъ разсказываетъ въ своемъ донесеніи преосвященному Платону, состоялъ въ слѣдующемъ. 1 октября, въ свою бытность въ Твери, онъ вышелъ на рынокъ для покупки печенаго хлѣба. Здѣсь случайно увидѣлъ его ржевскій купецъ и словеснаго суда судья Михаилъ Тимоѳеевъ

---

[1]) Въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ („Бѣглопоповщина въ Ржевѣ") мы укажемъ еще болѣе яркіе примѣты того же самаго въ лицѣ разныхъ бѣглыхъ поповъ.

[2]) Дѣло Арх. Тверской дух. Консисторіи „о бою Оковицкія церкви діакона Ѳедора Харлампіева прихожанами-раскольниками"—1771 г. (№ 27).

Комоловъ съ нѣкоторыми другими ржевскими купцами. Всѣ они начали рѣзко выговаривать ему за то, что онъ сдѣлалъ доносъ въ Консисторію о непорядочныхъ поступкахъ священника Оковицкой церкви Ивана Иванова. Не ограничиваясь этимъ, они, далѣе, по словамъ діакона, „стали меня всякими сквернымі словами ругать и поматерны бранить и похвалялись сыскать случай убить до смерти и о таковыхъ ихъ наглыхъ и напрасныхъ на меня нападеніяхъ нынѣ я имѣю немалое опасеніе и до церкви выйти къ смертному себѣ убивству". — Дѣло кончилось тѣмъ, что этого діакона перевели изъ Ржева въ священники въ какое-то село, и будучи священникомъ, онъ все-таки помирился съ раскольниками.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Безпоповщинскій расколъ и сектантство въ Корчевскомъ уѣздѣ съ центромъ его с. Кимрою.

Очеркъ второй.

Безпоповщинскій расколъ и сектантство въ Корчевскомъ уѣздѣ съ центромъ его с. Кимрою.

Приволжское, очень богатое село Кимра (Корчев. уѣз.) съ прилежащими селами и деревнями съ незапамятныхъ временъ было центромъ раскола для той мѣстности [1]). Первоначальнымъ расколомъ Кимры былъ филиповскій, т. е. такой, который отличается наибольшимъ аскетизмомъ и фанатизмомъ. Для характеристики этого толка достаточно сказать, что самосожженіе и вообще самоубійство въ разныхъ видахъ считается у него мученичествомъ завѣру и случаевъ повторенія его извѣстно весьма много. Извѣстно, что въ прежнее время многіе филиповцы носили за голенищемъ ножъ для того, чтобы въ случаѣ нападенія воинскихъ командъ тотчасъ же зарѣзать себя; а о старухахъ филиповцевъ разсказываютъ, что проходя мимо хорошихъ домовъ, онѣ часто приговаривали: „охъ, если бы Господь привелъ мнѣ сгорѣть въ такомъ домикѣ“. Филиповцы остались вѣрными своимъ принципамъ и своему ученію во все время существованія своей секты, — даже тогда, когда другіе раскольники подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ теряли прежній фанатизмъ, входили въ общеніе съ православными, что было особенно при Екатеринѣ II, филиповцы и въ это время остались прежними фанатиками, и за это раскольники называли ихъ „крѣпкими христіанами“, филиповцы же ѳедосѣевцевъ называли избалованными, а поморцевъ погибшими.— Этотъ то фанатичный толкъ свилъ себѣ гнѣздо въ Кимрѣ, несомнѣнно, весьма рано—вскорѣ послѣ своего основанія, потому что во второй половинѣ XVIII вѣка мы видимъ здѣсь уже твердо

[1]) Кромѣ Кимры, какъ на болѣе видные пункты раскола въ той мѣстности, нужно указать на приходы селъ· Бѣла-городка (особенно въ дер. Луканинѣ и Шипухинѣ), Іоанна Предтечи, Бѣлаго, Пухлимскаго, Зятькова, Стоянца, отчасти Капшина, двухъ Хотчъ, а изъ Калязинскаго уѣзда село Талдомъ.

организованную филиповскую общину и на столько сильную и вліятельную, что изъ нея вышли основатели и руководители филиповскаго толка въ Москвѣ,—даже скажемъ болѣе: развитіе и усиленіе секты филиповцевъ въ Москвѣ всецѣло обязано кимрскимъ дѣятелямъ. Основаніе въ Москвѣ очень извѣстной въ расколѣ филиповской часовни, въ 1790 году, связано съ именемъ тверскаго купца Т. П. Долина. Но еще лѣтъ за 15 до этого весьма часто являлись въ Москву кимрскіе пропагандисты — монахи. Когда они пріѣзжали, то обыкновенно собирались общественные собранія для молитвы, религіозныхъ разсужденій и пр. „Для этихъ собраній, говоритъ Вишняковъ, не назначалось одного какого-нибудь опредѣленнаго мѣста, потому что сектантовъ было еще такъ мало, что они всѣ могли помѣститься въ самомъ скромномъ мѣщанскомъ или крестьянскомъ домикѣ; они и помѣщались тамъ, гдѣ останавливались монахи“. Но это продолжалось не долго. Между провинціальными раскольниками по-немногу стала разноситься вѣсть, что въ Москвѣ устроивается филиповская община. Основаніе столичной общины было очень важно для провинціальныхъ филиповцевъ. И вотъ, тогда какъ кимрскіе монахи старались удержать за собою вліяніе въ Москвѣ, чтобы имѣть постоянную пропаганду и собирать пожертвованія, другіе провинціальные филиповцы, не участвовавшіе въ пропагандизмѣ и не замѣшанные лично въ это дѣло, отнеслись къ московскому филиповству совершенно иначе. Смотря на развитіе филиповской общины въ старой столицѣ, какъ на одно изъ средствъ къ поддержанію и объединенію секты, они рѣшились во чтобы то ни стало поднять значеніе московской общины, сдѣлать ее средоточною, самостоятельною. Начать нужно было, разумѣется, прежде всего съ устройства молитвеннаго дома и открытія при немъ богадѣльни или монашескаго общежительства. Въ расколѣ это дѣлается очень легко и быстро. „Является въ общинѣ какой-нибудь богачъ-сектантъ, желающій получить себѣ попечительство надъ общиною (должность очень почтенная), предлагаетъ ей построить молельню, кладетъ основаніе фонду, выбирается распорядителемъ, собираетъ потомъ посильныя пожертвованія сектантовъ и, при общинномъ характерѣ этихъ пожертвованій — деньгами и трудомъ, — зданіе выводится въ самомъ непродолжительномъ времени“ [1]). Все это и сдѣлалъ для московскихъ филиповцевъ тверской купецъ Долинъ. Будучи разъ въ Кимрѣ по торговымъ дѣламъ, онъ узналъ о развившемся въ Москвѣ пропагандизмѣ кимрскихъ монаховъ и рѣшился познакомиться съ дѣломъ на мѣстѣ. Располагая большимъ состояніемъ и увѣрившись, что онъ можетъ играть одну изъ главныхъ ролей въ общинѣ, которая, благодаря заботамъ Кимры, съ каждымъ го-

[1]) *Вишняковъ.* Старообрядческая покровская молельня и Филиповская часовня въ Москвѣ. Спб. 1865.

домъ увеличивалось въ числѣ,—а быть начальникомъ и распорядителемъ столичной общины очень лестно — онъ переселился въ Москву и предложилъ филиповцамъ пожертвовать значительную долю своего капитала на устройство общины. Такъ появилась филиповская часовня въ Москвѣ. Послѣ этого Кимра начала усердно поставлять для филиповской часовни наставниковъ и отцевъ. Первымъ изъ таковыхъ былъ кимрскій монахъ *Варлаамъ*. Но онъ освятилъ молельню, немного пожилъ въ Москвѣ и отправился опять въ Кимру, вѣроятно, не желая измѣнить Кимрѣ высвобожденіемъ московскихъ филиповцевъ изъ-подъ ея вліянія. Особенную извѣстность получилъ другой кимрскій наставникъ *Алексѣй Яковлевъ Балчужный*. Принадлежа къ филиповскому согласію, Алексѣй Яковлевъ своими сочиненіями составилъ себѣ репутацію непобѣдимаго полемиста противъ поморцевъ. Чтобы судить о томъ, какое сильное впечатлѣніе производили сочиненія Алексѣя Яковлева на поморцевъ, стоитъ отмѣтить отзывъ о нихъ, сдѣланный поморцами: поморцы говорили, что Алексѣй Яковлевъ писалъ свои сочиненія „съ помощію діавола, который его моталъ на колесѣ, что будто бы видали нѣкоторые изъ поморцевъ". За начитанность, „отличное вѣдѣніе церковнаго писанія" и кромѣ того за „строгую жизнь и скудное платье" Алексѣя Яковлева, по словамъ Павла Любопытнаго, прославляли въ Москвѣ, Архангельскѣ и прочихъ странахъ его церкви, и онъ имъ служилъ святилищемъ и столпомъ ихъ церкви". Но кончилъ Алексѣй Яковлевъ свою ревностную дѣятельность на пользу раскола тѣмъ, что въ 1809 году „ради ревности непомѣрной къ чтенію и ученію" помѣшался; умеръ онъ въ 1815 году [1]). Послѣ Алексѣя Яковлева Кимра доставила Москвѣ еще нѣсколько наставниковъ. Все вышесказанное достаточно показываетъ, какое видное мѣсто въ раскольническомъ мірѣ занимала Кимра. Если Балчужный сдѣлался очень выдающимся руководителемъ московской филиповской часовни и если съ другой стороны онъ заслужилъ чуть-ли не всеобщую извѣстность въ раскольническомъ мірѣ, то понятно, что на кимрскихъ раскольниковъ онъ дѣйствовалъ совершенно обаятельно и послужилъ мѣстному расколу весьма много.

На основаніи современныхъ данныхъ [2]) мы должны сказать, что корчевскіе раскольники начала XIX стол. отличались нап-

---

[1]) „Исторической словарь старовѣрческой церкви.., сочиненъ Павломъ Любопытнымъ въ Петрополѣ 1828 г.", М. 1863, стр. 7. Здѣсь Павелъ Любопытный пишетъ: „долговременно находясь внѣ ума, дѣлалъ (Ал. Як—въ) разныя безобразія и гнусности, и въ томъ горестномъ положеніи скончалъ жизнь свою въ Москвѣ, 1815 года, отъ рожденія своего 64 лѣтъ". Но въ „Каталогѣ старовѣрческой церкви" тотъ-же Любопытный говоритъ о Болчужномъ иначе: „онъ страдательно кончилъ жизнь свою въ Москвѣ 1810 года, отъ рожденія своего 66 лѣтъ" (стр. 19).

[2]) Мы разумѣемъ здѣсь донесеніе благочинныхъ Тверской епархіи о расколѣ Епархіальному начальству, сдѣланныя по требованію послѣдняго (см. объ этомъ въ слѣдующемъ—третьемъ очеркѣ).

большимъ фанатизмомъ сравнительно съ раскольниками другихъ мѣстностей тверской епархіи. Такъ, одинъ благочинный, священникъ г. Корчевы Іоаннъ Алексѣевъ въ донесеніи своемъ въ Консисторію о раскольникахъ корчевскаго уѣзда отъ 24 мая 1817 года слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ихъ. Упомянувъ о томъ, что всѣ они секты безпоповщинской и, слѣдовательно, держатся общихъ безпоповщинскихъ воззрѣній объ антихристѣ, о церкви, священствѣ и т. д., онъ говоритъ: православныхъ они считаютъ нечистыми, „священниковъ въ дома свои не пускаютъ; за преступленіе устава секты своей поставляютъ говорить съ ними о вѣрѣ, или о чемъ-либо другомъ; а ежели кто встрѣтится съ священникомъ и по необходимости дастъ какой-нибудь отвѣтъ, то наставникъ ихъ секты подвергаетъ такового строгой эпитеміи; за лучшее признаютъ провождать жизнь безженную, а за позволительное почитаютъ имѣть сообщеніе съ посторонними женщинами, и за грѣхъ оное не поставляютъ, раждающихъ женъ штрафуютъ и отлучаютъ отъ сообщества; за великое преступленіе считаютъ употреблять пищу и питіе съ православными“. Затѣмъ этотъ же священникъ въ томъ же донесеніи упоминаетъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ раскольниковъ дер. Калетина, которые, „неизвѣстно по какому позволенію“, въ мартѣ мѣсяцѣ 1817 года поставили на своей часовнѣ главу и крестъ, а для повѣстки къ собранію чинятъ звонъ въ небольшой колоколъ. Въ часовнѣ ихъ расположеніе иконостаса и лампадъ — подобное какъ бы въ настоящихъ церквахъ. Наконецъ онъ указываетъ на крестьянина деревни Калетина Григорія Козмина, какъ на наставника раскольниковъ, который отправляетъ для нихъ богослуженіе и который „завелъ и возстановилъ въ оном селеніи секту“ и совращаетъ въ нее многихъ православныхъ. Этого наставника многіе почитали за святаго и великаго человѣка [1]).—Другой благочинный корчевскаго уѣзда, священникъ погоста Рождественскаго, что на Вышнемъ озерѣ, Василій Ивановъ сообщаетъ не безъинтересныя свѣдѣнія о кимрскихъ раскольникахъ и о кимрской раскольнической часовнѣ. Вотъ что онъ писалъ въ своемъ донесеніи Консисторіи отъ 8 мая 1817 года „Раскольники на молитву собираются въ особо выстроенную при селѣ Кимрѣ часовню; въ часовнѣ оной находится великое число иконъ старинныхъ, устроенныхъ по мѣстамъ на подобіе иконостаса,. предъ иконами великолѣпные лампады для поставленія свѣчъ при моленіи, посреднѣ паникадило, украшенные налои и пелены для Евангелія... Тѣла усопшихъ публично изъ домовъ поднимаютъ и относятъ въ часовню для отпѣванія, по отпѣтіи публично же относятъ на особое великолѣпно выстроенное кладбище на открытомъ мѣстѣ и тамъ

---

[1]) Дѣло Архив. Твер. Дух. Конс. о раскольникахъ, находящихся въ Тверской епархіи, № 116, л. 27—28.

зарываютъ. Среди кладбища выстроена каменная часовня на подобіе небольшаго храма, обнесена обширною оградою, на углахъ каменныя великолѣпныя башни, между башнями каменные столбы, что служитъ къ великому соблазну простолюдиновъ. При молитвенной часовнѣ выстроено немалое число домовъ на подобіе келій, въ коихъ изъ разныхъ мѣстъ многіе убогіе раскольники жительство имѣютъ и за богатыхъ раскольниковъ пропитывающихъ молятся Богу. Изъ келій ихъ устроены на улицы выходы для убѣжанія въ случаѣ поиска, между ими находятся нѣкоторые на подобіе постриженныхъ монаховъ, и нѣкоторые чинятъ обрядъ постриженія чрезъ наставника съ перемѣною имени. Для созыву на богуслуженіе учрежденъ при означенной часовнѣ на возвышеномъ столпѣ колоколъ, въ который и производятъ звонъ“ [1]).

Кромѣ филиповскаго толка, который, какъ мы сказали, упрочился въ Корчевскомъ уѣздѣ очень давно, здѣсь имѣются немалочисленные послѣдователи другой крайней безпоповщинской секты странниковъ или бѣгуновъ. Основаніе и развитіе этой послѣдней въ Корчевскомъ уѣздѣ относится къ 30-мъ и 40 годамъ настоящаго столѣтія, но нѣкоторыя слѣды ея замѣтны были въ гораздо болѣе раннее время. — Въ концѣ XVIII вѣка Тверская губернія, и въ частности Корчевской уѣздъ съ селомъ Кимрою, получили такую извѣстность, что сюда стремились многіе расколоучители, желая научиться у кимряковъ „крѣпости въ дѣлахъ церковныхъ“. Тогда прошли слухи, что въ Тверской губерніи находятся раскольники, совершенно точно соблюдающіе правила первыхъ расколоучителей. Соблазнительно подѣйствовали такіе слухи на одного искателя „ничѣмъ не испорченной древле-православной вѣры“, каковымъ былъ основатель секты странниковъ бѣглый солдатъ Ефимъ. И онъ направился въ тверскіе предѣлы; но Ефиму не привелось однако познакомиться съ тверскими раскольниками, о которыхъ ему такъ много наговорили необыкновеннаго. На дорогѣ онъ былъ схваченъ полиціей. Не смотря однако на то, что основатель секты странниковъ не попалъ въ Тверскую губернію, странничество дов. крѣпко привилось здѣсь: многіе изъ прежнихъ филиповцевъ, по сродству и сходству сектъ филиповской и страннической, сдѣлались послѣдователями ученія Ефима. Достойно примѣчанія, что одна изъ самыхъ усердныхъ помошницъ Ефима была тверячка,—это крестьянка Кашинскаго у. Ирина Ѳедорова. Съ тѣхъ поръ какъ Ефимъ познакомился съ нею, она сдѣлалась неразлучною его спутницей во всѣхъ его похожденіяхъ и предпріятіяхъ и не оставляла его до самой смерти; а послѣ смерти сдѣлалась продолжательницей его дѣла. Такимъ образомъ, въ концѣ XVIII вѣка или въ началѣ XIX-го бѣгунство въ Корчевскомъ уѣздѣ

---

[1]) Дѣло Арх. Твер. Дух. Консисторіи о раскольникахъ, находящихся въ Тверской епархіи за 1817 г., № 116, лл. 30—31.

уже существовало [1]), но наиболѣе крѣпко оно здѣсь обосновалось въ 30-хъ и 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Тогда насадителемъ его здѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ дер. Завражья, Васильевской вотчины, Корчевскаго у., Степанъ Кононовъ. Учился онъ бѣгунству въ Сопѣлкахъ, такъ сказать, въ митрополіи страннической секты, и пропагандировалъ въ Калязинскомъ уѣздѣ и въ деревняхъ: Лабзинѣ, Клетинѣ, Луканинѣ и другихъ и въ с. Кимрѣ. Въ 1840 году Кононовъ въ корчевскомъ тюремномъ замкѣ изъявилъ готовность присоединиться къ православію, пріобщился св. Таинъ и въ 1841 году по манифесту освобожденный отъ наказанія водворенъ на прежнемъ мѣстѣ жительства съ подпискою, что впредь не будетъ уклоняться отъ православія; но лѣтомъ того же года снова отправился въ странство, сманивъ съ собою жену. Въ 1843 году онъ во второй разъ попался полиціи и на допросѣ показалъ, что, отправляясь къ бѣгунство, онъ находилъ и теперь находитъ греко-россійскую церковь законопреступною, Императора признаетъ раскольникомъ, и манифестъ, освобождавшій его отъ наказанія, не считаетъ милостію, ибо благодѣяніе имъ дано не по душѣ, а по плоти. Въ 1844 году Кононовъ сосланъ, наконецъ, въ Закавказскій край. Но окончательный здѣсь успѣхъ имѣла пропаганда одного изъ ярославскихъ наставниковъ Ермогена Кузмина, приглашеннаго въ Тверскую губернію двумя крестьянами Корчевскаго у. дер. Завидова. Кузьминъ дѣйствовалъ систематически, устраивалъ всюду въ нужныхъ мѣстахъ пристанодержательства и скоро потребовалъ изъ Ярославля помощниковъ себѣ, которыми и явились, по назначенію Сопѣлковскихъ старцевъ, военный дезертиръ Кузьма, по перекрещенію Иванъ Абрамовъ Бурловъ и Иванъ Курносовъ, уроженецъ Кинешемскаго у. [2]) Поэтому вполнѣ понятно, что въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ Корчевскомъ уѣздѣ образовалось много пристанодержательствъ; такъ, особенно извѣстны были пристанодержательства въ приходѣ села Стоянца въ деревняхъ: Завидовѣ, Нездѣновѣ, Максимцовѣ, Носковѣ и Зубыринѣ. Въ этихъ деревняхъ, обыкновенно, въ особо устроенныхъ тайникахъ скрывались странническіе наставники и совершали свою службу. Всего же пристанодержательствъ въ Корчевскомъ у. извѣстно было тогда болѣе 25-ти [3]). Вспышки странничества, и при томъ весьма силь-

---

[1]) Въ то время бѣгунство существовало и въ другихъ мѣстностяхъ Тверской губерніи. Такъ, въ 1825 году одинъ изъ взятыхъ странниковъ при слѣдствіи показалъ, что „перекрещенъ онъ въ расколъ въ Петербургѣ, а научился отвергать власти, проходя чрезъ г. Волочекъ отъ тамошняго мѣщанина“ (Ист. М. В. Д. VIII, стр. 201).

[2]) См. объ этихъ личностяхъ у *Ливанова*, „Раскольники и острожники“, т. IV. стр. 140—141 и 171—172. Также: *А. П. Щаповъ*. Земство и расколъ (въ журн „Время“, кн. XI, стр. 271—272).

[3]) Въ 1864 году и. д. благочиннаго села Кимры свящ. Ник. Лебедевъ рапортомъ доносилъ преосвященному, что пристанодержательство страннической секты находится въ приходѣ с. Стоянца въ деревняхъ. *Завидовѣ*—у крестьянъ

ныя, въ указанныхъ мѣстностяхъ извѣстны за самое послѣднее время. Не далѣе какъ года 4—5 тому назадъ въ деревняхъ Завидовѣ, Нездѣновѣ и Михалковѣ обнаружены пристанодержательства и арестованы видные распространители страннической секты, причемъ еще слѣдствіемъ обнаружено одно великой важности обстоятельство: у крестьянъ этихъ деревень не рѣдко пропадаютъ, неизвѣстно куда, дѣти. Особенному подозрѣнію въ бѣгунствѣ и въ совращеніи въ эту секту другихъ по слѣдствію подвергались завидовскіе крестьяне: Иванъ Григорьевъ Горностаевъ, дядя его Василій Евстафьевъ, крестьянка Пелагія Степанова и изъ дер. Михалкова Анна Исаева. Затѣмъ, по слѣдствію оказалось, что дома Ивана Горностаева и Василія Евстафьева довольно сложные, приспособленные для болѣе удобнаго укрывательства въ нихъ странниковъ. По показанію мѣстнаго священника, помѣщенія въ домахъ ихъ бываютъ постоянно заперты и впускаютъ въ эти помѣщенія сторонникъ людей только по условному стуку; раскольники собираются для моленія тайно въ одной комнатѣ; иконы приносятся туда каждымъ изъ раскольниковъ, а послѣ моленія каждый изъ нихъ уноситъ тѣ иконы съ собою. Это дѣло о бѣгунахъ въ дер. Завидовѣ и др. производилось въ 1889 году и тянулось довольно долго. Въ нѣкоторой связи съ этимъ дѣломъ находится другое. Именно: въ 1894 году 26 января временнымъ отдѣленіемъ Кашинскаго Окружного Суда въ г. Корчевѣ слушалось дѣло по обвиненію крестьянки дер. Завидова Матрены Евстафьевой Горностаевой, 48 лѣтъ, *въ дѣтоубійствѣ подъ вліяніемъ ученія секты бѣгуновъ*. Убитъ былъ сынъ Горностаевой, мальчикъ Алексѣй Никитинъ 8 лѣтъ. Хотя виновность подсудимой не была вполнѣ доказана, и она вслѣдствіе этого была оправдана судомъ, однако изъ дѣла обнаружилось, что дѣйствительно въ Завидовѣ странничество развито сильно. Такъ, мужъ самой подсудимой цѣлыхъ 9 лѣтъ находился въ безвѣстномъ отсутствіи; дѣти у нея пропадали, и она говорила, что они ушли „въ странство“. Всѣхъ дѣтей, по словамъ самой обвиняемой, у нея было 7 человѣкъ: двое изъ нихъ давно уже умерли, двое ушли „въ странство“, Алексѣй

Алексѣя Исаева, Родіона Ѳедорова, Евстафія Софроніева, Леона Елисеева, у солдатки Натальи Леонтьевой, у дѣвки Пелагіи Ефимовой; *Нездѣновѣ*, у крестьянъ: у Саввы Ѳедорова, Артамона Васильева, Дениса Анисимова; *Максимовѣ*—у Семена Нефедова и Иларіона Памфилова.—А въ 1865 году тотъ же благочинный указалъ еще на деревни *Носково* и *Зубырино*. (Изъ дѣла канцеляріи Твер. губерн. Правленія по Арх. № 6, по порядку № 42 за 1864 г. и № 46—за 1865 г.).

Къ 1856 году относится, между прочимъ, попытка кимрскихъ раскольниковъ распечатать свою молельню, запечатанную въ 1853 году по распоряженію губернскаго начальства. Они подавали объ этомъ всеподданѣйшее прошеніе. Но на всеподданнѣйшей докладной запискѣ по сему предмету ст.-секр. кн. Голицына Е. И. Величество собственноручно написать изволилъ „объявить, что Я на это рѣшительно не согласенъ“ (Собр. постан. по части раскола, т. I, постановленія М. Вн. Дѣлъ. вып. 2-й. стр. 443—444. Лондонъ. 1863 г.).

убитъ, а двѣ дочери — Марья 19 лѣтъ и Настасья 17 лѣтъ — и сейчасъ живы, но при ней не живутъ. По поводу ухода дѣтей „въ странство“ свидѣтели говорили, что это и у другихъ бываетъ: уходятъ дѣти чаще всего съ богомольцами, ходятъ невѣдомо гдѣ, а потомъ нѣкоторыя возвращаются. Въ дѣлѣ упоминается, кромѣ Матрены Евстафьевой, еще братъ ея Василій Евстафьевъ — бѣгунъ; очевидно, это—дѣти того Евстафія Софроніева, который еще въ 1864 году, по доносу благочиннаго (см. выше, прим. стр. 49), имѣлъ въ своемъ домѣ пристанодержательство [1]).

Извѣстно, что руководители странической секты въ Корчевскомъ уѣздѣ для поддержанія въ сектѣ фанатизма употребляютъ очень своеобразныя средства. Такъ въ 1881 году одинъ изъ таковыхъ донесъ кому слѣдуетъ изъ Корчевскаго начальства о существованіи въ уѣздѣ бѣгуновъ, съ указаніемъ на имена и мѣстожительство нѣкоторыхъ изъ нихъ. Причиной, побудившей странника къ доносу, по его собственному заявленію, служило то обстоятельство, что за послѣднее время странники стали жить довольно открыто, повели себя слабо и отъ этого самаго впали въ большой грѣхъ, а потому онъ посредствомъ своего доноса хотѣлъ сдѣлать то, чтобы они, странники, приняли гоненіе и по прежнему начали скрываться.—

Наконецъ, говоря о Корчевскомъ расколѣ съ центромъ его Кимрою, мы отмѣтимъ нѣкоторыя своеобразныя движенія въ немъ, обнаружившіяся въ 60-хъ и 70-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Мы знаемъ, что въ безпоповщинскихъ толкахъ, не имѣющихъ подъ собою хотя бы какой-нибудь болѣе или менѣе твердой почвы, многоразличныя неурядицы—явленіе обычное.—Не усматривая въ безпоповствѣ „настоящей Христовой церкви“, замѣчая въ немъ множество прорухъ, и въ тоже время не желая вступить въ лоно

---

[1]) Приномнимъ здѣсь также показанія крестьянъ по дѣлу о бѣгунахъ, производившемуся въ 1889 году. Такъ они показывали: „наибольшее число странниковъ находится въ дер. Завидовѣ, гдѣ примѣрно четвертая часть (по показанію нѣкоторыхъ, больше) населенія принадлежатъ къ страннической сектѣ, въ Нездѣновѣ поменѣе, чѣмъ въ Завидовѣ, а въ Михалковѣ только Анна Исаева и Аксинья Осипова“.

Въ добавленіе къ сказанному присоединимъ здѣсь еще нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о странникахъ, полученныхъ нами отъ одного изъ священниковъ той мѣстности (о. Никитскаго). Онъ указываетъ на дер. Бородино, Мизденово, Максимцово и Завидово, какъ на центры странической секты въ той мѣстности.—Здѣсь собираются шайки ссыльныхъ бѣглецовъ, жены—недовольныя своими мужьями, дѣвицы, желающія свободы. — Покойниковъ хоронятъ гдѣ и какъ попало (разъ, вечеромъ, снесли покойника, зашитаго въ рогожу, и положили на время въ чужой сарай на сѣно; пойдя за сѣномъ, хозяйка сарая наткнулась на мертвое тѣло и покойника объявили) — Зимой хоронятъ покойниковъ подъ сараями, а лѣтомъ въ лѣсахъ. Имѣютъ подпольники особаго „попа“, который креститъ въ свою вѣру въ сороковой бочкѣ. Богослуженіе у нихъ совершается въ какомъ нибудь домѣ по старымъ книгамъ, молятся старымъ иконамъ, выливаютъ мѣдные осмиконечные кресты. *Подпольники дѣлаютъ фальшивую монету и бумажки* (?) Не гнушаются они обобрать богатаго, заманивая его съ этою цѣлью въ свое братство. Для гнусныхъ цѣлей имѣютъ они женщинъ, которыя заманиваютъ мужей отъ женъ.—О. Никитскій, по его собственнымъ словамъ собралъ эти свѣдѣнія во время двукратнаго посѣщенія деревень Барановской и Бородина—изъ разсказовъ крестьянъ.—

церкви православной нѣкоторые послѣдователи безпоповщинскихъ сектъ уклоняются на путь раціонализма и выдумываютъ какую-нибудь свою систему. Въ Корчевскомъ уѣздѣ въ 60-хъ годахъ это сказалось въ появленіи двухъ сектъ: — секты „Христовыхъ учениковъ вѣры Христовой каѳолической“ и „Любушкина согласія“. Послѣдователи первой секты отрицаютъ всю внѣшность религіи, считая ее необходимою для христіанъ „еще въ младенчествѣ сущихъ“ и безусловно ненужною для христіанъ „совершенныхъ“, — о чемъ всякій печись долженъ, по слову Спасителя: *будите совершенни*... Для такихъ христіанъ нужны лишь Евангеліе, молитва духомъ и „удаленіе отъ всякой скверны житейской“. Въ числѣ проповѣдниковъ новаго ученія видное мѣсто занималъ крестьянинъ деревни *Затулы*, Каляз. уѣзда, Алексѣй Артемьевъ. Сначала вся семья Артемьева принадлежала къ православной церкви. Познакомившись съ нѣкоторыми учителями „о Христовомъ совершенствѣ“, онъ вмѣстѣ съ ними же въ продолженіи пяти лѣтъ, въ свободное отъ работъ время, ходилъ по монастырямъ, „ища духовнаго просвѣщенія“, но эти хожденія привели къ тому, что онъ весь отдался ученію „о Христовѣ совершенствѣ“, помимо всякихъ формъ, обрядовъ и внѣшностей. За усердіе въ дѣлѣ своей ложной проповѣди онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Калязинскій тюремный замокъ, откуда въ послѣдствіи былъ переведенъ въ Тверской острогъ, гдѣ и умеръ.—Въ селѣ же Стоянцѣ (Корчев. уѣзда) былъ одинъ старикъ—послѣдователь того же ученія, который утверждалъ, что у него всѣ работы отбываютъ „ангели небесные“. „Да что, старикъ, всѣ поубрались, а твоя полоса стоитъ несжатая?“ „А вотъ явятся ангели небесные и пожнуть.“ И дѣйствительно, въ одну какую-нибудь ночь и пожнутъ и гумно уберутъ. А привитаютъ эти ангелы въ двухъ сторожкахъ, построенныхъ на пустоши у старика, и проповѣдуютъ, что „погибъ народъ, коли не оставитъ скверны житейскихъ плотскихъ и не устремится по пути духовному, къ совершенству Христову“ [1]).

Что же касается Любушкина согласія, то оно появилось въ Корчевскомъ уѣздѣ лѣтъ 30 тому назадъ. Согласіе это ставитъ на первомъ планѣ любовь. Ученіе о спасеніи человѣка любовію

[1]) См. объ этомъ въ ст. о. Іоанна Беллюстина „Еще о движеніяхъ въ расколѣ“ (Рус. Вѣстн. за 1865 годъ, іюнь стр. 770—772). Въ этой статьѣ о. Беллюстинъ дѣлаетъ попытку объяснить, — почему корчевскіе безпоповцы, тяготясь нѣкоторыми безпорядками въ своей средѣ, однако не обращаются къ поповству, а идутъ по пути отрицанія дальше и уклоняются или въ мистицизмъ или раціонализмъ. Но не только безпоповцы, по словамъ о. Беллюстина, не хотѣли свои безпорядки поправить принятіемъ поповства, но даже и часовенники (т. е. принадлежащіе къ толку поповцевъ Рогожскаго кладбища)—и тѣ весьма замѣтно охладѣли ко *всякому пришлому* священству. Во многихъ обществахъ и артеляхъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы обходиться безъ всякихъ поповъ и архіереевъ: „они-де только кичатся, большого почету требуютъ, да нажиться хотятъ, а народъ-то извѣстно все какой: ко спасенію ужъ не направятъ“... и чтобы заправляли всѣмъ избираемые изъ ихъ среды старцы, хоть „и не посвященные, да по жизни Богу угодные“ (стр. 769—770).

доводится сектантами до невозможныхъ крайностей. Такъ, по понятію сектанта, гдѣ есть любовь, тамъ уже не можетъ примѣшиваться ничего земнаго, мірскаго, грѣховнаго, тутъ должно существовать одно идеальное, безплотное,—одна мысль и чувство. Въ силу этого, напр., любовь мужа къ женѣ и обратно должны быть также возвышенны и чисты, какъ любовь матери къ дѣтямъ или братьевъ къ сестрамъ. „Бракъ, говоритъ сектантъ, есть таинство, въ которомъ благословляется любовь двухъ существъ самимъ Богомъ; поэтому и отношенія между мужемъ и женою должны быть чисты и святы; а такая чистота только и можетъ сохраниться въ томъ случаѣ, если въ отношеніяхъ между супругами не будетъ примѣшиваться что-либо плотское, грѣховное". „Почему почитается великимъ грѣхомъ, разсуждаютъ далѣе сектанты, плотское отношеніе между братьями и сестрами? Потому что они—*родные*. А жена развѣ мужу—не родная;—развѣ менѣе родная жена, чѣмъ мачиха или двоюродная сестра!" Въ силу этого плотское сожитіе между мужемъ и женою возбраняется, поелику жена мужу—родная. Такое странное пониманіе любви приводитъ уже къ совершенно нелѣпымъ и печальнымъ результатамъ. Въ отношеніи своей плоти мужъ и жена существуютъ совершенно отдѣльною жизнію; мужу не возбраняется отдавать долгъ физической природѣ, гдѣ ему заблагоразсудится, также и женѣ. Такимъ образомъ, мы наталкиваемся на очевидный принципіальный развратъ: мужъ имѣетъ нѣсколько любовницъ, а жена—любовниковъ [1]).

Кстати упомянемъ еще здѣсь объ одномъ своеобразномъ проявленіи сектантскаго духа въ Тверской губерніи, представляющемъ собою переходъ отъ раскола вообще къ сектамъ особенно вреднымъ. Именно, въ концѣ 30-хъ годовъ въ Никольскомъ сельскомъ обществѣ открыта секта, главная цѣль которой была избѣжаніе рекрутской повинности. Принадлежащіе къ этой сектѣ женщины, родивъ перваго сына, перестаютъ беременѣть. По замѣчанію тогдашняго тверскаго губернатора, въ этомъ обществѣ не только раскольники, но и всѣ почти жители, не исключая православныхъ, ложно толкуя 38-ю гл. кн. Бытія, заражены расколомъ, котораго цѣль избѣгать рекрутской повинности. Для искорененія этой секты въ свое время поручено было духовенству принять свои мѣры къ обращенію раскольниковъ и введенъ жеребьевый порядокъ отбыванія рекрутства [1]).

---

[1]) Страна за 1881 г., № 142 и Московскій Телеграфъ 1882 г. № 56. Объ эти корреспонденціи приведены у *Пругавина* въ указателѣ „Расколъ-Сектантство". №№ 2432 и 2433.

[1]) *Барадиновъ*. Исторія Министерства Внутр. Дѣлъ, т. VIII, стр. 337–338. См. о семъ также въ Собр. постановленій по части раскола. Лондонъ 1863 г. Т. I-й, стр. 164–165.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Бѣглопоповщина въ г. Ржевѣ въ первую половину настоящаго столѣтія.

Очеркъ третій.

Бѣглопоповщина въ г. Ржевѣ въ первую половину настоящаго столѣтія [1]).

Соотвѣтственно двумъ главнымъ согласіямъ въ расколѣ,—безпоповщинскому и поповщинскому,—въ Тверской губерніи можно указать два главныхъ центра раскола: с. Кимру и г. Ржевъ. Какъ Кимра и окрестъ ея лежащія селенія издавна являются значительнымъ гнѣздомъ безпоповщинскаго раскола, притомъ такимъ гнѣздомъ, изъ котораго въ свое время выходили даже руководители московскаго безпоповщинскаго раскола,—такъ точно г. Ржевъ представляетъ собою Тверской центръ раскола поповщинскаго. По свѣдѣніямъ одного почтеннаго московскаго священника, бывшаго въ Ржевѣ въ 1886 году, почти половина жителей этого города принадлежитъ къ расколу поповщинскаго согласія (Бр. Сл. 1886, 2, стр. 269). До появленія здѣсь перваго попа поставленія новоизобрѣтенной австрійской іерархіи—въ 1852 году (каковымъ былъ ржевскій мѣщанинъ Яковъ Исаевъ Ефимовъ), всѣ раскольники города Ржева были бѣглопоповщинскаго согласія.

Желая обозрѣть исторію Ржевскихъ бѣглыхъ поповъ за первую половину настоящаго столѣтія, мы должны сказать нѣсколько словъ о побужденіяхъ, заставившихъ насъ остановиться именно на этомъ періодѣ Ржевской бѣглопоповщины. Прежде всего мы должны сказать, что и вообще въ исторіи бѣглопоповщины первая половина настоящаго столѣтія представляется весьма интересною: она ознаменована для бѣглопоповцевъ великими благополучіями, проявлявшимися въ особенномъ снисхожденіи къ нимъ правительства, и слѣдовательно, въ особенномъ усиленіи бѣглопоповства, пока не настала рѣзкая перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ бѣглымъ попамъ. Насколько свободно бѣгали

[1]) Составлено почти исключительно по дѣламъ Архива Тверской Духов. Консисторіи.

къ раскольникамъ и проживали тамъ попы до 1827 г., настолько съ этого времени положеніе ихъ у раскольниковъ становится болѣе и болѣе стѣсненнымъ. Мы знаемъ, что въ началѣ XIX вѣка изъ одного Иргиза — главнаго безпоповщинскаго центра — разослано было по разнымъ мѣстамъ болѣе 200 бѣглыхъ поповъ. Затѣмъ извѣстно, что одинъ изъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ 1848 году составилъ біографическіе очерки 190 поповъ и 13 діаконовъ, находившихся у раскольниковъ съ 1800 года по 1842 г.; намъ думается, что бѣглыхъ поповъ, о которыхъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній не было собрано, было никакъ не меньше того же количества, потому что раскольники прекрасно умѣютъ скрыть то, что нужно скрыть. Наконецъ, какъ видно изъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ 1831 г. по 1837-й открыто у раскольниковъ очень много бѣглыхъ православныхъ священниковъ, дьяконовъ, дьячковъ (попадались и монахи), и между прочимъ въ Тверской епархіи. Не потому-ли отчасти къ тому же почти времени относится открытіе въ Твери особаго совѣщательнаго комитета по дѣламъ раскола, каковые комитеты правительство открывало въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ было болѣе раскольниковъ [1]). Изъ сказаннаго видимъ, что не смотря на мѣры, предпринятыя правительствомъ въ царствованіе Николая Павловича противъ побѣговъ, попы продолжали скрываться у раскольниковъ [2]), потому что соблазновъ къ тому для духовенства представлялось весьма не мало: „недостойный священникъ, по замѣчанію митрополита Филарета, чрезъ побѣгъ къ раскольникамъ пріобрѣтаетъ и ненаказанность, и родъ независимости, и житейскія выгоды, безъ сомнѣнія несравненно большія тѣхъ, какими пользовался подъ вѣдѣніемъ законнаго духовнаго начальства“ [3]). Въ виду такихъ обстоятельствъ правительство по необходимости входило въ нѣкоторый компромиссъ съ раскольниками по вопросу о бѣглыхъ попахъ, и въ этомъ смыслѣ вторая четверть настоящаго столѣтія въ исторіи бѣглопоповщины не менѣе интересна, чѣмъ первая, когда бѣглопоповство пользовалось полной свободой. Ржевское бѣглопоповство въ этомъ отношеніи не составляетъ собою исключенія: оно характеризуется за этотъ періодъ тѣми же чертами, какими вообще и вся бѣглопоповщина. Но какъ въ бѣглопоповщинѣ различались тогда болѣе замѣтные центры отъ малоизвѣстныхъ, или совсѣмъ неизвѣстныхъ ея пунктовъ, то интересно знать, къ какому разряду бѣглопоповщинскихъ поселеній относился тогда Ржевъ. Оказывается, что г. Ржевъ былъ нѣкоторое время центромъ весьма значительнаго района бѣглопоповщинскаго міра: къ нему тянули, помимо ржевскихъ и окрестныхъ бѣглопоповцевъ,—бѣглопоповцы

[1]) Ист. М. В. Д. т. VIII, стр. 372.
[2]) Ист. М. В. Д. т. VIII, стр. 584.
[3]) Собр. отз. и мн. Филарета, т. II, стр. 164.

тверскіе, смоленскіе и даже новгородскіе. Такъ извѣстно, что въ 1842 г. было разрѣшено раскольникамъ Смоленской губерніи Писковскаго приказа исправлять христіанскія требы у поповъ Ржевскаго молитвеннаго дома, а въ 1843 году тоже разрѣшеніе дано было раскольникамъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Андреевской волости — „въ надеждѣ, какъ говорилось въ указѣ, что раскольники, возчувствовавъ такое къ нимъ снисхожденіе, обратятся со временемъ на истинный путь“ [1]); въ 1847 и 48-мъ годахъ „предписано не мѣшать раскольникамъ Семеновской волости, Демянскаго уѣзда, Новгородской губерніи, у которыхъ часовня была уничтожена, и Крестецкаго уѣзда, Рахинскаго яма той же губерніи, за неимѣніемъ вблизи ихъ раскольническаго молитвеннаго дома, совершать требы въ г. Ржевѣ у тамошнихъ раскольническихъ поповъ“ [2]). Относительно Тверскихъ раскольниковъ тоже распоряженіе сдѣлано еще въ 1841 году. Декабря 19, 1847 г. была удовлетворена просьба раскольниковъ изъ сословія государственныхъ крестьянъ Тверской губ. Новоторжскаго уѣзда, Горской волости, чтобы дозволено было имъ исправлять духовныя требы у поповъ ржевскаго молитвеннаго дома. Поэтому вполнѣ понятно, что за этотъ періодъ времени въ г. Ржевѣ не переводились бѣглые попы, а по временамъ тамъ проживало ихъ по нѣскольку по 3 — 4, потому что для одного попа, конечно, было весьма трудно управляться съ требами въ такомъ большомъ районѣ, какой приписанъ былъ къ Ржеву. Понятно точно также и то, что у этихъ бѣглыхъ поповъ съ православными священниками были весьма частыя столкновенія, такъ что тогда постоянно возникали дѣла о повѣнчаніи, крещеніи или погребеніи принадлежавшихъ къ приходу православныхъ лицъ раскольническими бѣглыми попами или секретно, или даже и публично. Это, между прочимъ, показываетъ, что среди обитателей Ржева, числившихся оффиціально православными, не мало было тайныхъ раскольниковъ: иначе бы они не обращались за совершеніемъ требъ къ раскольническимъ попамъ. Насколько печально отзывалось такое явленіе на положеніе Ржевскаго духовенства видно, между прочимъ, изъ дѣла Консисторскаго Архива отъ 1828 года — „о доставленіи г. Ржева священно-церковно-служителямъ пособія для пропитанія по случаю умножившагося при ихъ приходахъ раскола“. Вотъ значитъ до чего дошло дѣло! А между тѣмъ раскольническіе попы, благодаря этому, ужасно богатѣли.

Въ виду всего сказаннаго не безъинтересно, а для науки исторіи раскола и весьма важно имѣть свѣдѣнія о бѣглыхъ попахъ г. Ржева за первую половину настоящаго столѣтія, при этомъ мы встрѣтимся съ личностями довольно типичными. О нѣ-

---

1) Ист. М. В. Д. т. VIII, стр. 414.
2) Ист. М. В. Д. т. VIII, стр. 609 — 610.

которыхъ (впрочемъ немногихъ) изъ этихъ поповъ въ печати уже имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія, и поэтому ихъ нужно только собрать и дополнить, чѣмъ возможно, но о большинствѣ изъ нихъ печатныхъ свѣдѣній не имѣется никакихъ или почти никакихъ и приходится ихъ добывать преимущественно изъ Архива Тверской Духовной Консисторіи. Но прежде чѣмъ приступить къ біографическимъ и другимъ свѣдѣніямъ объ этихъ темныхъ личностяхъ, мы воспользуемся имѣющимся у насъ подъ руками матеріаломъ для общей характеристики Ржевскаго раскола.

Обильный матеріалъ для характеристики ржевскаго бѣглопоповщинскаго раскола мы находимъ въ донесеніи ржевскаго благочиннаго, священника Василія Алексѣева Преосвященному Тверскому Серафиму отъ 7 мая 1817 года [1]) о расколѣ въ г. Ржевѣ. Въ этомъ донесеніи, прежде всего, сообщается, что въ г. Ржевѣ раскольниковъ „великое множество“, и всѣ они принадлежатъ къ бѣглопоповщинской сектѣ, „а другихъ сектъ, кромѣ сей, не примѣчательно“. Затѣмъ, священникъ Алексѣевъ всѣхъ жителей города раздѣляетъ на слѣдующіе четыре разряда. „Первый классъ составляютъ старообрядцы *явные*, ихъ бываетъ отъ 600 до 700 душъ обоего пола. Списокъ или запись ихъ съ 1811 г. хранится въ Городническомъ правленіи, и г. городничій или о уменьшеніи ихъ или о умноженіи два раза въ годъ рапортуетъ въ высшее свое начальство. Ко второму классу принадлежатъ старообрядцы *потаенные* [2]). Потаенными ихъ здѣсь называю потому только, что ихъ имена не значатся въ прописанной записи; число сихъ обоего пола сомнительно положить меньше *половины города*. Таковые, по различнымъ общежительскимъ обстоятельствамъ, иногда законамъ церкви, повидимому, повинуются, и таинства, а особливо крещеніе и бракъ, также и отпѣваніе умершихъ отъ ней пріемлютъ, а иногда къ бѣглымъ попамъ раскольническимъ съ духовными нуждами прибѣгаютъ и принятыя отъ церкви таинства молитвами какими-то дополняютъ, или, какъ они обыкновенное слово употребляютъ, *переверщиваютъ*. Къ третьему

[1]) Донесеніе это или вѣдомость была представлена по требованію Епархіальнаго Начальства. Дѣло въ томъ, что Министръ духовныхъ дѣлъ, князь А. Н. Голицынъ циркулярнымъ отношеніемъ отъ 3 дек. 1816 года ко всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ спрашивалъ о числѣ раскольниковъ и родѣ сектъ въ каждой епархіи. Въ этомъ отношеніи князь, между прочимъ, писалъ: „Находя нужнымъ имѣть удовлетворительныя извѣстія о числѣ заблудшихъ и о родѣ сектъ ихъ, дабы на основаніи полученныхъ свѣдѣній войти надлежащимъ представленіемъ Государю Императору, я долгомъ поставилъ отнестись циркулярно ко всѣмъ Преосвященнымъ епархіальнымъ Архіереямъ о сообщеніи мнѣ, сколь возможно, достовѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній: въ какихъ городахъ, уѣздахъ или селеніяхъ есть раскольники, какой гдѣ секты и въ чемъ состоитъ каждая изъ оныхъ сектъ?“ Вслѣдствіе этого и были собраны свѣдѣнія о состояніи раскола въ разныхъ городахъ и селеніяхъ Тверской епархіи.

[2]) Таковыхъ потаенныхъ раскольниковъ въ городѣ Ржевѣ въ то время считалось отъ 8300 до 8400 душъ обоего пола, какъ это указано въ „вѣдомости о раскольникахъ въ г. Ржевѣ“, представленной Преосвященному Серафиму священникомъ Троицкаго собора Петромъ Давидовымъ.

классу принадлежатъ тѣ, кои хотя и не удаляются отъ церкви святой, но какъ воспитанники г. Ржева, примѣтнымъ образомъ къ правиламъ религіи, законамъ церкви и къ пользамъ священнослужителей ея холодны. Таковыхъ число также не малое, и на крестное знаменіе употребляютъ двуперстное сложеніе. Къ четвертому классу принадлежатъ тѣ, кои сыновски прилѣплены къ церкви святой и къ благолѣпію ея, и никакого знака старообрядства не имѣютъ, но таковыхъ число и *десятой части* жителей города Ржева не составляетъ“ [1]).

„Мѣста, гдѣ ржевскіе старообрядцы собираются для богослуженія, также можно раздѣлить *на три разряда. Къ первому* принадлежатъ домашнія комнаты, а именно во многихъ домахъ, даже посредственнаго состоянія гражданъ, имѣются такія комнаты, которыя уставлены множествомъ образовъ, въ таковыхъ комнатахъ хозяева дома, а иногда и сосѣди ихъ, засвѣтя ко всѣмъ образамъ свѣчи, съ чотками въ рукахъ читаютъ разныя молитвы и считаютъ свои поклоны. Ко *второму* разряду принадлежатъ *молитвенныя кельи,* т. е. съ хорошимъ состояніемъ граждане строятъ въ садахъ своихъ, за дворовымъ строеніемъ, особенные домы, гдѣ жительствуютъ монахи и монахини старообрядческія, подъ видомъ спасенія отъ міра укрывающіеся; содержатся они своими доходами. Отправляютъ они и служатъ въ сихъ кельяхъ: вечерни, утрени, всенощныя бдѣнія, часы, молебны, панихиды, читаютъ по умершимъ псалтырь, а иногда читаютъ къ народу и поученія. Ходятъ къ слушанію ихъ службы хозяева дома и ближнихъ кварталовъ жители. Таковыхъ келій по городу насчитать можно до 15-ти. Къ *третьему* разряду—*два молитвенные дома*: первый таковымъ нѣсколько лѣтъ существовалъ у бѣглаго попа Алексѣя, въ монашествѣ назвавшагося Александромъ. Въ семъ домѣ скрытно отправлялъ онъ нѣсколько лѣтъ всѣ прописанныя службы, исправляя всѣ таинства, кромѣ литургіи, ибо увѣрялъ онъ своихъ раскольниковъ, что св. муро и запасные дары Тѣла и Крови Христовой получалъ онъ изъ стародубовскихъ слободъ. Сверхъ сего постригалъ онъ въ семъ домѣ монаховъ и монахинь. Для слушанія службы его ходили ближнихъ кварталовъ жители, а въ особенные праздники и всего города Ржева старообрядцы. Когда же сынъ, его Ржевскій мѣщанинъ Иванъ Поповъ, за которымъ по гражданской части состоялъ домъ сей, найденъ былъ въ зимнее время замерзшимъ въ Волжскомъ прорубѣ, а онъ самъ, попъ Александръ, различными своими распутствами растроилъ къ себѣ духовныхъ гражданъ и дѣтей своихъ духовныхъ (а нынѣ находится въ духовной Консисторіи подъ судомъ по секретному дѣлу), тогда, уже года три тому есть,—началъ прославляться молитвенный домъ

---

[1]) Дѣло Архив. Тверск. Дух. Конс., № 116. — о раскольникахъ, находящихся въ Тверской епархіи л. 84 и обор.

купца Филатова, *градскаго нынѣ головы*, на Князь-Дмитровской городской части единственно для сей цѣли выстроенный, и нынѣ всѣ ржевскіе старообрядцы въ особенные церковные праздники для слушанія священнослуженія тайно въ оный собираются; въ семъ домѣ жительствуютъ нынѣ бѣглые ихъ попы, и службы и таинства имъ совершаютъ“ [1]).

Это описаніе ржевскаго раскола, сдѣланное ржевскимъ благочиннымъ и нами буквально воспроизведенное, ясно показываетъ, какое широкое поле для дѣятельности разныхъ раскольническихъ проходимцевъ—бѣглыхъ поповъ и монаховъ—представлялъ тогда городъ Ржевъ. И дѣйствительно, проходимцы эти всегда ютились въ Ржевѣ, находя здѣсь почетъ, ласку и полное матеріальное довольство. Неразборчивые ржевскіе раскольники мало обращали вниманія на прошлое своихъ самозванныхъ „духовныхъ пастырей“, а потому у нихъ не рѣдко таковыми были люди самой зазорной жизни,—и даже прямо уголовные преступники. Изъ таковыхъ особенно извѣстенъ бѣглый попъ *Алексѣй*, въ монашествѣ Александръ, съ котораго мы и начнемъ печальную лѣтопись Ржевской бѣглопоповщины До своего побѣга попъ этотъ состоялъ въ приходѣ села Холохольни, Старицкаго уѣзда, но надо полагать, недолго. Къ раскольникамъ ржевскимъ онъ убѣжалъ въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія и около 40 лѣтъ состоялъ у нихъ попомъ. Для большей безопасности и спокойствія онъ въ г. Ржевѣ выстроилъ собственный домъ, записанный на имя его сына Ивана Попова, приписаннаго къ Ржевскому мѣщанству. Ржевскій благочинный Василій Алексѣевъ въ своемъ донесеніи отъ 20 февраля 1820 года Преосвященному Тверскому Филарету такъ характеризуетъ этого попа: „онъ человѣкъ свойствъ льстивыхъ, пронырливыхъ, хитрыхъ, предпріимчивыхъ, а въ поступкахъ и дѣлахъ плутъ, воръ, разбойникъ; ибо по таковымъ дѣламъ своимъ онъ въ жизни многократно содержался въ тюрьмахъ и судимъ былъ въ г. Ржевѣ, въ г. Старицѣ, въ г. Твери, въ г. Торжкѣ, въ г. Сычевкахъ, въ столичномъ городѣ Петербургѣ. Онъ всѣ дѣла свои, всѣ слѣдствія и суды свои прикрывалъ и оканчивалъ притворствомъ сумашествія и помощію денегъ возвращался отвсюду паки на тайное жительство въ г. Ржевъ“ [2]). Эти многократные судебные процессы о попѣ Алексѣѣ, а также его зазорная жизнь во Ржевѣ, наконецъ оттолкнули отъ него даже раскольниковъ: „по своей гнусной и злодѣйской жизни, пишетъ въ вышеупомянутомъ донесеніи архіепископу Филарету священникъ Алексѣевъ, въ 1817 г. *омерзѣлъ* онъ всѣмъ города Ржева жителямъ и когда онъ въ семъ году по секретному

---

[1]) Дѣло Архива Твер. Д. Консисторіи, № 116—о раскольникахъ, находящихся въ Тверской епархіи

[2]) Дѣло Арх. Тверской Дух. Консисторіи, № 116.

дѣлу содержался въ Ржевской тюрьмѣ, то всѣ до единаго раскольники отъ него отступили". Около этого же времени случилось съ попомъ Алексѣемъ и другое несчастіе: въ Волжскомъ прорубѣ замерзъ его сынъ Иванъ. Въ слѣдующемъ году (1818 г.) по тому же (какому то) секретному дѣлу онъ былъ переведенъ подъ судъ въ Тверь и заключенъ въ Тверскую тюрьму. Казалось бы, репутація попа Алексѣя должна была послѣ этого окончательно пошатнуться, и раскольники должны бы были стыдиться своего попа-острожника. Но не такъ вышло на дѣлѣ. Обстоятельства скоро измѣнились въ пользу попа Алексѣя.

Въ 1820 году въ г. Ржевѣ оказался недостатокъ въ бѣглыхъ попахъ, благодаря мѣрамъ, предпринятымъ тогда противъ нихъ [1]). Тогда то ржевскіе раскольники и вспомнили о заключенномъ въ Твери попѣ. Позабывъ объ его преступной жизни, они выпросили его у свѣтскаго правительства съ поручательствомъ многихъ гражданъ и привезли съ билетомъ въ г. Ржевъ до окончанія дѣла его, при чемъ въ билетѣ онъ былъ названъ „старообрядческимъ священникомъ Александромъ" [2]).

Въ то время, какъ попъ Алексѣй содержался въ Тверской тюрьмѣ, началось дѣло о трехъ ржевскихъ бѣглыхъ попахъ *Василіи, Лукѣ* и *Иванѣ*.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1819 года ржевскіе священноцерковнослужители писали архіепископу Тверскому Филарету, что „развратъ суевѣрія и раскола, гнѣздившійся въ городѣ, наконецъ учинился едва не всеобщимъ заблужденіемъ". Во многихъ домахъ города самочинными монахами и монахинями отправлялось открыто богослуженіе, а въ Князь-Дмитровской части города въ 117 кварталѣ открыта была публичная часовня съ приличною церкви утварью. При этой то часовнѣ, въ потаенныхъ кельяхъ и проживали вышеупомянутые попы. Особенную поддержку и покровительство ржевскій расколъ находилъ въ предержащихъ властяхъ города. Вотъ какъ пишутъ объ этомъ ржевскіе священно-церковнослужители. „Члены городоваго магистрата, избираемые большею частію изъ раскольниковъ, съ намѣреніемъ поддержать свою секту, всегда стараются имѣть тѣсную связь съ Ржевскою градскою полиціею, потачка коей доставляетъ расколу всю силу и безстрашное и явное пребываніе въ городѣ ложныхъ учителей и фальшивыхъ бо-

---

[1]) Объ этомъ у насъ будетъ подробная рѣчь впереди.

[2]) О. Благочинный Алексѣевъ, вполнѣ справедливо возмущаясь освобожденіемъ попа Алексѣя изъ тюрьмы, въ донесеніи своемъ Преосвященному Филарету, между прочимъ, писалъ „отпустить такого человѣка изъ тюрьмы, назвавъ его священникомъ, отпустить съ билетомъ, чтобы жилъ явно и по своей волѣ, отпустить туда, гдѣ онъ цѣлое поле засѣялъ плевелами, отпустить въ то мѣсто, которое духовное правительство отъ таковыхъ людей очищаетъ, есть дѣло не христіанское и съ гражданскими законами несходное. Развратникъ оный будетъ жительствовать въ г. Ржевѣ съ билетомъ ко вреду св. церкви".

томольцевъ. Сіи члены магистрата не точію отклонились вовсе ходить во св. церковь въ воскресные и праздничные дни, но даже и въ Высокоторжественные дни Императорской фамиліи приходятъ очень рѣдко и большею частію уже на окончаніи службы, на всеобщія молебствія. Тѣже члены магистрата совокупно съ прочими богатыми гражданами усиливаются и остальное число православныхъ, то обѣщаніями склоняя и благодѣяніями привлекая, то презрѣніе показывая и новинностями обременяя, отвлечь отъ св. церкви въ слѣдъ себя, если бы можно было, даже и до послѣдняго" [1]). Кромѣ людей, „власть имущихъ", на сторонѣ раскола въ г. Ржевѣ былъ классъ людей богатыхъ и состоятельныхъ въ своемъ большинствѣ. Купцы и люди богатые весьма не рѣдко своихъ работниковъ и работницъ заставляли предавать проклятію св. церковь и отрицаться спасительныхъ ея таинствъ. Другіе же люди низкой и услужливой нравственности, желая играть въ руку богатыхъ раскольническихъ тузовъ, также дѣлались ратоборцами раскола; нѣкоторые изъ нихъ самовольно принимали на себя иноческое званіе и открывали раскольническое богослуженіе въ своихъ домахъ. Изъ таковыхъ за то время извѣстны мѣщане — Василій Бокачевъ, въ инокахъ Варлаамій, Иванъ Суринъ,—во иночествѣ Іосифъ, Дмитрій Немиловъ, во инокахъ Діонисій, Ѳедоръ Лопневъ,—во инокахъ Ѳеодосій, Тимоѳей Мартіановъ, — во инокахъ Тихонъ и др. Наконецъ у нѣкоторыхъ раскольницъ въ г. Ржевѣ явились выдуманныя чудотворныя иконы; такъ, у вдовы Анны Ивановой Давыдовой была Тихвинская икона Божіей Матери, прославленная ложными чудесами, а у другой вдовы Анны Натунахиной былъ образъ Божіей Матери, источавшій слезы. Всѣмъ этимъ раскольники очень сильно соблазняли православныхъ чадъ церкви. Чувствуя свою силу и твердую почву подъ собой, ржевскіе раскольники рѣшили совершенно обособиться въ такое отдѣльное отъ православной церкви общество, которое бы было признано законно-существующимъ и жило бы своею самостоятельною жизнію, никѣмъ не тревожимое. Съ этою цѣлью они рѣшили просить у свѣтскаго правительства, чтобы имъ позволено было: 1) всѣ христіанскія требы отправлять въ ихъ часовнѣ бѣглымъ ихъ попамъ; 2) совершенно не числиться въ приходахъ православной церкви и ни въ чемъ отъ священниковъ этихъ приходовъ не зависѣть; 3) принимать и содержать открыто при своихъ часовняхъ бѣглыхъ поповъ и 4) записи требъ ихъ,—метрическія книги,—вести не по духовному, а по свѣтскому правительству. Ходатаемъ, или, какъ тогда называли, „стряпчимъ" по этому дѣлу они избрали изъ своей толпы самаго сутяжнаго человѣка—купца Емеліана Немилова, уполномочивши его на это „всеобщимъ вѣрющимъ письмомъ".

---

[1]) Дѣло Арх. Тверской духовной Консисторіи, № 116.

Немиловъ этотъ составилъ новую запись раскольниковъ, въ которую, бродя по всѣмъ приходамъ и домамъ, убѣдилъ вписаться большую часть города и собралъ отъ вписавшихся для расходовъ своихъ значительную сумму. Донося объ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ преосвященному Филарету, ржевскіе священнослужители присовокупили: „такому замыслу, ежель случится достигнуть своей цѣли, то изъ существующихъ нынѣ 11 приходовъ едва ли останется домовъ и числа душъ для составленія одного или двухъ приходовъ“,—а въ заключеніе просили Преосвященнаго о возможно-секретномъ разслѣдованіи дѣла о ржевскихъ раскольникахъ и бѣглыхъ попахъ, потому что какъ только раскольники наши о таковомъ намѣреніи мало узнаютъ, то въ самое кратчайшее время у нихъ ничего изъ доносимаго нами застать въ своемъ видѣ будетъ не можно, и мы въ таковомъ случаѣ по г Ржеву *ни на кого, какъ изъ свѣтскихъ, такъ и изъ духовныхъ лицъ, въ тайнѣ и справедливости надѣяться не можемъ*“.

Получивъ донесеніе ржевскихъ священнослужителей о сильномъ развитіи раскола въ городѣ Ржевѣ, преосвященный архіепископъ Филаретъ (впослѣдствіи митрополитъ Московскій) вошелъ по этому дѣлу въ сношенія съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, княземъ А. Н. Голицынымъ. Изложивъ обстоятельства дѣла такъ, какъ они изображены въ донесеніи ржевскихъ приходскихъ священниковъ, преосвященный Филаретъ предлагаетъ рядъ мѣръ. которыя слѣдуетъ употребить противъ ржевской бѣглопоповщины, а въ заключеніе своего отношенія пишетъ: „поелику въ вышеписанномъ донесеніи (священниковъ) объ опасномъ состояніи церкви цѣлаго города заключаются обстоятельства, которыя по силѣ архіерейской присяги обязанъ я довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, Покровителя и Защитника церкви, поелику во мнѣніи моемъ приспособленномъ къ симъ обстоятельствамъ есть предположенія, которыя токмо по Высочайшему Его Императорскаго Величества разрѣшенію могутъ произведены быть въ дѣйствіе и поелику для сихъ особенныхъ обстоятельствъ иного ровно надежнаго и сообразнаго съ цѣлію образа дѣйствованія не усматриваю: то долгомъ поставилъ я изложить здѣсь Вашему Сіятельству и полученныя мною свѣдѣнія и мое по онымъ мнѣніе, не благоволено ли будетъ представить оныя Всемилостивѣйшему Е. И. В. вниманію и испросить по онымъ изъявленія Его Высочайшей воли“ (л. 90 обор. и 91). Всѣ мѣры, предложенныя архіепископомъ Филаретомъ, были высочайше одобрены и утверждены и должны были быть приведены „въ дѣйство“ [1]).

---

[1]) Съ особеннымъ удовольствіемъ мы приводимъ здѣсь буквально всѣ соображенія мудраго святителя относительно мѣропріятій противъ ржевскаго раскола. Послѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, согласно съ донесеніемъ ржевскихъ приходскихъ священниковъ, святитель Филаретъ пишетъ далѣе слѣдующее „По симъ свѣдѣніямъ слѣдовало бы мнѣ отнестись къ гражданскому начальству, для

Поэтому благочинному Алексѣеву вмѣстѣ съ командированнымъ на это дѣло чиновникомъ, слѣдственнымъ приставомъ штата С.-Петербургской полиціи Мыловымъ было предписано наивозможно тайно накрыть бѣглыхъ поповъ, описать раскольническую часовню и навести слѣдствія о мнимыхъ чудотворныхъ образахъ. Хотя пріѣздъ въ городъ Ржевъ чиновника Мылова сдѣлался извѣстнымъ раскольникамъ и подалъ имъ поводъ дѣлать разныя догадки и предположенія, однако, благодаря умѣнью и догадливости Мылова, всѣ подозрѣнія ихъ скоро разсѣялись. Мыловъ сдѣлалъ видъ, что онъ находится въ г. Ржевѣ только мимоѣздомъ. Не представляя имѣвшагося у него губернаторскаго предписанія Ржевскому городничему относительно дѣйствительной цѣли своего пріѣзда во Ржевѣ и вовсе не давая ему знать о себѣ, Мыловъ адресовался по имѣвшемуся у него на *всякій случай* отъ губернатора предписанію къ Ржевскому исправнику, вызывая послѣдняго подъ видомъ надобности ѣхать изъ города въ уѣздъ. Уже были приготовлены для этого лошади и проводники. Такимъ образомъ дѣйствій Мыловъ совершенно успокоилъ ржевскихъ раскольниковъ. Тогда онъ „въ глубокую полночь“, переодѣвшись, вмѣстѣ съ благочиннымъ внимательно осмотрѣлъ совиѣ расколь-

---

повѣрки и объясненія оныхъ чрезъ формальное изслѣдованіе на мѣстѣ: но тѣ-жъ девять священниковъ, которые сдѣлали изложенное выше донесеніе, особымъ при томъ, донесеніи приложеннымъ письмомъ объяснились, что въ случаѣ формальнаго изслѣдованія сего дѣла, если раскольники хотя мало узнаютъ о томъ предварительно, то по самомъ краткомъ времени не можно будетъ застать у нихъ въ истинномъ видѣ ничего изъ показаннаго въ донесеніи, и что въ сохраненіи тайны и безпристрастіи не могутъ они надѣяться по городу Ржеву ни на кого какъ изъ свѣтскихъ, такъ и изъ духовныхъ (разумѣется, конечно, мѣстный протоіерей) начальственныхъ лицъ. При томъ и безъ сего объясненія, по свойству самаго дѣла, полагать должно, что мѣстное начальство не есть въ семъ случаѣ лучшій изыскатель истины ибо есть-ли справедливо, что оно такъ далеко простерло послабленіе расколу, какъ показано въ донесеніи, то оно конечно и теперь будетъ въ искушеніи покрывать виновныхъ, съ открытіемъ которыхъ открылась бы болѣе или менѣе собственная его вина. Между тѣмъ въ донесеніи ржевскихъ священнослужителей предварительно усматриваются признаки истины: во-первыхъ потому, что подписали оное всѣ священноцерковнослужители шести приходскихъ церквей того города, а не подписали только двухъ церквей, въ томъ числѣ соборной, во-вторыхъ потому, что съ содержаніемъ настоящаго донесенія согласуется содержаніе вѣдомости о ржевскихъ раскольникахъ за два года предъ симъ представленной отъ присутствующаго Осташковскаго Духовнаго Правленія предшественнику моему. Соображая такимъ образомъ важность настоящаго дѣла, съ неудобностію дать ему обыкновенное формальное теченіе, полагаю я мнѣніемъ слѣдующее:

1) Разсматривая сіе дѣло со стороны церковной, поелику я усматриваю, что формальное изслѣдованіе онаго по всѣмъ его частямъ и въ отношеніи ко всѣмъ разнообразно прикосновеннымъ лицамъ произвело бы великое движеніе умовъ и страстей въ городѣ, для дѣла Божія неполезное: то не касаясь никого изъ множества увлеченныхъ силою возгосподствовавшаго заблужденія, довольно дѣйствованіе начальства въ настоящемъ случаѣ ограничить тѣмъ, чтобы ослабить силу соблазна и отдалить угнетающее преобладаніе раскола надъ православіемъ: а по возстановленіи такимъ образомъ свободнаго расположенія умовъ въ народѣ, употребить, при помощи Божіей, духовныя и нравственныя средства для обращенія невѣдущихъ и суевѣрныхъ къ истинной вѣрѣ, которая уже сама собою приведетъ и въ послушаніе церкви.

ническую часовню и помѣщенія при ней, всѣ ихъ входы и выходы, и никѣмъ не замѣченный возвратился въ свою квартиру. Послѣ этого одѣвшись въ форму, Мыловъ вмѣстѣ съ имѣвшимся у него жандармомъ отправился къ исправнику и съ нимъ, не объясняясь куда и зачѣмъ, поѣхалъ на разсвѣтѣ въ уѣздъ; при этомъ взяты были нѣсколько человѣкъ инвалидной команды. Проѣзжая мимо дома и. д. городничаго, ржевскаго уѣзднаго судьи, Мыловъ заѣхалъ къ нему и взялъ его съ собой и еще на пути были взяты имъ ратманъ и благочинный, который уже былъ готовъ. Со всѣми этими ржевскими чинами, не знавшими куда и зачѣмъ ихъ пригласили и везли, Мыловъ направился къ раскольнической часовнѣ, стоявшей среди обывательскихъ домовъ, и со всѣхъ сторонъ окружилъ ее командою. Для того, чтобы проникнуть на дворъ, пришлось перелезать чрезъ заборъ. На дворѣ были помѣщенія раскольническихъ поповъ, называвшіяся кельями. Выломавъ дверь въ первой встрѣтившейся кельѣ, Мыловъ нашелъ и „схватилъ“ оторопѣвшаго бѣглаго попа с. Горохова Ивана, затѣмъ, проникнувъ въ другую келью, „схватилъ попа Луку (изъ с. Воскресенскаго), который было хотѣлъ скрыться „трудными и непримѣтными“ пе-

---

2) Какъ для отдаленія соблазна нужно устранить соблазнителей: то полезно было бы отправить отселѣ съ надлежащимъ полномочіемъ и съ соблюденіемъ тайны до открытія самого дѣла, благонадежнаго чиновника, чтобы изыскать трехъ вышеупомянутыхъ бѣглыхъ священниковъ, и подъ вѣрнымъ присмотромъ отослать ихъ на законное разсмотрѣніе къ тѣмъ начальствамъ, отъ которыхъ они бѣжали.

3) Тому же чиновнику, съ пріобщеніемъ къ нему мѣстнаго благочиннаго, поручить осмотрѣть и описать упоминаемую въ донесеніи публичную часовню, отобрать, отъ кого слѣдуетъ, свѣдѣнія, когда она устроена, кѣмъ, и по чьему позволенію, и таковыя свѣдѣнія представить на разсмотрѣніе начальства.

4) Два мнимочудотворныхъ образа велѣть до усмотрѣнія поставить въ церквахъ тѣхъ приходовъ, въ коихъ оные находятся, не возбраняя раскольникамъ приходить молиться предъ ними и читать свои молитвы по старопечатнымъ книгамъ, и также позволивъ на сей случай православнымъ священникамъ, подобно какъ сіе позволено въ единовѣрческихъ церквахъ, для желающихъ отправлять предъ оными молебствія по старопечатнымъ же книгамъ.

5) Дабы городовая власть не служила орудіемъ къ распространенію раскола и для маломощныхъ гражданъ не превращала господствующаго вѣроисповѣданія въ вѣроисповѣданіе потаенное; постановить правило, чтобы по крайней мѣрѣ первый изъ начальствующихъ въ гражданствѣ, то-есть градскій глава, избираемъ былъ изъ православныхъ, а не изъ раскольниковъ (Духовнаго же Регламента о мірскихъ особахъ пунктомъ 6 и во всѣ гражданскія должности раскольниковъ опредѣлять запрещено).

6) Между тѣмъ обязанностію моею будетъ дать священнослужителямъ города Ржева соотвѣтственныя открывшимся обстоятельствамъ наставленія, и побудить ихъ къ ревностнѣйшему назиданію жителей словомъ и примѣромъ, снабдить тамошнія церкви для руководства священнослужителей нѣкоторыми книгами, подающими свѣдѣнія о расколѣ и обнаруживающими неосновательность его началъ; дѣлать по мѣрѣ возможности увѣщанія и самымъ жителямъ частію письменно, частію лично, когда Богъ сподобитъ меня видѣть епархію; и, между прочимъ, предложить раскольникамъ, вмѣсто бѣглыхъ священниковъ, большею частію весьма порочныхъ, избѣгающихъ правосудія и вообще по кореннымъ древнимъ законамъ церкви, потерявшихъ истинное право священнодѣйствія чрезъ своевольное оставленіе своихъ рукоположителей, священство благословенное православною церковію на правѣ такъ называемыхъ единовѣрческихъ церквей“. (Заимств. изъ Дѣла Архива Твер. Д. Конс. № 116, лл. 89 и 90).

реходами, и наконецъ отыскалъ попа Василья, скрывавшагося гдѣ то на верху. Тотчасъ же послѣ ареста бѣглыхъ поповъ было приступлено къ описанію часовни [1]). Послѣ того какъ бѣглые попы были отправлены въ тюрьму, Мыловъ съ благочиннымъ и ржевскими чинами отправился въ дома вдовъ Давыдовой и Натунахиной, у которыхъ находились мнимые чудотворные образа, но такъ какъ, по словамъ самого Мылова, „время близилось уже къ полудню и въ городѣ всѣ узнали, отъ малаго до великаго, обоихъ половъ раскольники и собравшись почти до одного, во множествѣ меня (Мылова) окружая, преслѣдовали всюду“, то вдовы свои иконы успѣли скрыть, и онѣ не были найдены.

Спустя четыре дня послѣ ареста бѣглецы попы Василій, Иванъ и Лука были препровождены въ Тверское губернское Правленіе съ тѣмъ, чтобы отсюда были отправлены въ сопровожденіи Тверской полиціи въ тѣ епархіи, откуда они бѣжали. Зная характеръ этихъ поповъ, а также предпріимчивость и даже дерзость ржевскихъ раскольниковъ, Мыловъ отправилъ поповъ изъ Ржева въ Тверь въ сопровожденіи усиленной стражи. По отзыву Мылова, попъ Иванъ—„человѣкъ отчаянный, молодой, здоровый, рослый и повидимому сильный, способный ко всякому въ пути предпріятію, а другой—Лука, болѣе трехъ лѣтъ въ часовнѣ ржевскихъ раскольниковъ жившій, весьма ими уважаемый и совершенно плѣнившій ихъ чувства благовидностію, готовый возмутить раскольниковъ къ отнятію его на пути“. (Дѣло л. 105 и обор.) Такъ какъ попъ Василій Кирилловъ бѣжалъ изъ с. Сергина, Зубцовскаго уѣзда, то онъ изъ Тверского губернскаго Правленія направленъ былъ въ Тверскую Консисторію; попъ Иванъ, бѣжавшій изъ села Горохова, Калужской епархіи,—въ Калужскую, а попъ Лука—изъ с. Воскресенскаго, Московской епархіи—въ Московскую. Относительно Василія Кириллова извѣстно, что въ 1810 году за

---

[1]) Въ часовнѣ этой (на Князь-Дмитровской сторонѣ) по описи оказалось 1) иконостасъ во всю стѣну на востокъ съ образами въ пять поставовъ, рѣзной, вызолоченный; 2) предъ иконостасомъ стоитъ престолъ, повидимому неосвященный; 3) на престолѣ два Евангелія въ листъ въ серебряномъ окладѣ; 4) вокругъ престола четыре мѣдныхъ подсвѣчника; 5) предъ иконостасомъ при разныхъ образахъ 13 мѣдныхъ лампадъ и 9 такихъ-же подсвѣчниковъ; 6) боковыя стѣны часовни также уставлены разными образами, 7) два хоругвя при двухъ клиросахъ; 8) тридцать разныхъ книгъ, къ священнослуженію церковному принадлежащихъ, старой печати; 9) еще 17 книгъ таковыхъ-же въ листъ; 10) дароносица серебряная; 11) сосудъ священный для жертвоприношенія, серебряный; 12) чаша святоводная серебряная, 13) укропъ серебряный; 14) среди часовни отъ потолка виситъ мѣдное немалаго вида паникадило, 15) шесть ризъ священническихъ дорогой—высокой парчи; 16) три епитрахили таковой же парчи и одна бархатная; 17) подризникъ парчевой, 18) двѣ бархатныя пелены, шитыя золотомъ и двѣ гарнитуровыя; 19) купель для крещенія младенцевъ—мѣдная; 20) мантія монашеская—черная, 21) три мѣдныхъ кадила; 22) денежной суммы—8 рублей; 23) 10 лампадокъ посеребренныхъ подъ хрустальными стаканами; съ слеемъ и одна таковая же серебряная—вѣсомъ 1 фунтъ, 24) покровъ къ покрытію гробовъ при погребеніи, парчевой, новый, 25) два вѣнца брачныхъ, мѣдныхъ посеребреныхъ.

пьянство онъ былъ отрѣшенъ отъ прихода и опредѣленъ на причетническое мѣсто съ запрещеніемъ священнослуженія. По объявленіи ему этого рѣшенія, забравъ съ собою необходимо нужныя вещи и ставленную священническую грамоту, онъ неизвѣстно куда скрылся. Потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ ушелъ въ городъ Ржевъ къ дальнему своему родственнику, купцу Якову Бокачеву, явился съ послѣднимъ въ общественную старообрядческую моленную и остался при оной на пропитаніи общества, занимаясь отправленіемъ панихидъ и чтеніемъ старообрядческихъ книгъ. По двухлѣтнемъ пребываніи у раскольниковъ, сдѣлавшись совсѣмъ слѣпъ, онъ содержался по старости лѣтъ милостивымъ подаяніемъ до своего ареста въ 1819 году. Во все время побѣга и нахожденія при раскольнической часовнѣ, какъ видно изъ его признанія, въ другихъ раскольническихъ слободахъ и скитахъ не бывалъ, священнослуженія нигдѣ не отправлялъ и перемѣны въ вѣрѣ не дѣлалъ, на исповѣди и у св. причастія уже ослѣпши былъ одинъ только разъ [1]).

По разслѣдованіи дѣла о попѣ Василіѣ Тверская духовная Консисторія мнѣніемъ положила: — „съ запрещеніемъ священнослуженія опредѣлить его въ отдаленный отъ города Ржева и села Сергина первокласный Троицкій Калязинъ монастырь въ больницу съ тѣмъ, чтобы въ оной содержался онъ, Кирилловъ, подъ особеннымъ надзоромъ присматривающаго за больными іеромонаха, и чтобы по испытаніи чрезъ духовника совѣсти его, въ случаѣ чистосердечнаго въ преступленіи его раскаянія, удостоенъ былъ онъ причащенія Св. Таинъ по надлежащему“ [2]). Съ этимъ мнѣніемъ согласился преосвященный Филаретъ [3]), а потомъ оно, представленное на благоусмотрѣніе Св. Синода, указомъ онаго отъ 26-го сентября 1819 г., было утверждено. Это рѣшеніе было исполнено: Кирилловъ отправленъ былъ въ Калязинъ монастырь. Подобная же судьба ожидала, несомнѣнно, и двухъ другихъ бѣглыхъ поповъ, арестованныхъ вмѣстѣ съ нимъ. Синодомъ уже сдѣланы были относительно ихъ надлежащія предписанія преосвященнымъ Московскому и Калужскому. Однако

---

[1]) Къ 100 лѣтнему юбилею въ Бозѣ почившаго Московскаго митрополита Филарета, *Крипицкаго*, Тверь, 1884, стр. 2—4.

[2]) Къ 100 лѣтнему юбилею въ Бозѣ почившаго Московскаго митрополита Филарета, *Крипицкаго*. Тверь, 1884, стр. 4.

[3]) На опредѣленіи Консисторіи положена слѣдующая резолюція Филарета „Консисторіи по мнѣнію своему исполнить; и при томъ *первое*: распорядиться, чтобы отысканный изъ побѣга священникъ препровожденъ былъ въ назначенное мѣсто вѣрно; *второе*, чтобы ему въ монастырѣ, яко престарѣлому и слѣпому, хотя и виновному, оказываемо было всякое человѣколюбивое вспоможеніе, въ чемъ и надѣемся мы на правила и чувствованія о. архимандрита настоятеля; *третіе*, съ кротостію и любовію внушить заблудшему брату нашему и въ монастырѣ чрезъ отца его духовнаго напоминать, чтобы онъ размыслилъ о словахъ Спасителя нашего: *иже нѣсть со Мною, на Мя есть*, то есть, кто не со Христомъ и не съ церковію, стадомъ Его, тотъ есть врагъ Христовъ; также: *аще церкве преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь*, и по сему непре-

попы Иванъ и Лука съумѣли избѣжать вполнѣ заслуженной кары. Спустя немного болѣе одного мѣсяца послѣ описанныхъ нами выше событій проносится слухъ, что оба эти попы опять явились въ Ржевѣ и проживаютъ здѣсь поперемѣнно въ разныхъ раскольническихъ домахъ, несмотря на то, что они отправлены были въ свои епархіи „за многочисленнымъ и надежнымъ карауломъ“, такъ что, по словамъ ржевскаго благочиннаго въ его донесеніи преосвященному Филарету, „учинить побѣгъ отнята была у нихъ всякая возможность“. Какъ же однако случилось то, что они снова явились во Ржевѣ“? Отвѣтъ на это находимъ въ сейчасъ упомянутомъ донесеніи благочиннаго. „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что ржевскіе раскольники ихъ украли“. Оказывается, что какъ только арестованные попы были выпровождены изъ г. Ржева, какъ въ слѣдъ за ними ржевскіе раскольники послали съ большою суммою денегъ ходатаевъ объ ихъ освобожденіи, именно купецкаго сына Пимена Трофимова Болобанова, купца Андреяна Степанова Нелюбова, купца Максима Васильева Пояркова, мѣщанина Григорія Егорова Колпашникова. Этимъ лицамъ и удалось путемъ подкупа освободить своихъ поповъ. Ржевскіе раскольники съ великою радостію приняли освобожденныхъ бѣглецовъ, прониклись къ нимъ еще большимъ уваженіемъ, потому что бѣглецы эти были въ ихъ глазахъ исповѣдниками и мучениками, потерпѣвшими гоненіе за правую вѣру. Между тѣмъ получено было подтвержденіе этихъ слуховъ и отъ Калужской духовной Консисторіи, которая писала въ Тверское Губернское Правленіе, что „препровождаемый въ оную бѣглый священникъ Иванъ Ѳедоровъ Малоярославецкой инвалидной команды нижними чинами упущенъ“.—Итакъ, всѣ труды и планы преосвященнаго Филарета, ржевскаго благочиннаго и духовенства, а также умѣлое и добросовѣстное исполненіе высшихъ предписаній чиновникомъ Мыловымъ,—все это пропало даромъ, благодаря капиталамъ ржевскихъ раскольниковъ и подкупности низшей полицейской власти. Бѣглые попы (кромѣ Василія Кириллова) опять во Ржевѣ и продолжаютъ дѣйствовать по прежнему, только съ большею осторожностью и скрытностью.

ложному суду слова Божія почувствовалъ бы, какой бѣдѣ подвергалъ онъ душу свою, оставивъ церковь и пріобщась къ раскольникамъ. Бѣжа отъ легкаго осужденія человѣческаго, подпалъ тяжелому осужденію Божію. Ради временной выгоды столько вознерадѣлъ о вѣчномъ своемъ спасеніи, что девять лѣтъ лицемѣрствовалъ, и, бывъ служитель церкви, въ девять лѣтъ однажды только исповѣдывался и причастился, и то, видно, украдкою отъ раскольниковъ. Не подумалъ бѣдный, что такое двоедушіе не можетъ быть угодно Богу. Милостивъ Господь, что не оставилъ его умереть въ семъ закоснѣніи, но обуздалъ его слѣпотою, и теперь даетъ ему время покаянія. Размышляя о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ, молился бы онъ прилежно милосердому Богу, чтобы и его грѣхи простилъ и обратилъ на путь покаянія и послушанія церкви тѣхъ, которыхъ онъ примѣромъ своимъ болѣе или менѣе поддерживалъ на пути заблужденія. (Къ 100 лѣтнему юбилею Московскаго митрополита Филарета, *Криницкаго*, стр. 4—5).

Приходилось снова начинать дѣло о поимкѣ этихъ уже разъ пойманныхъ бѣглыхъ поповъ. Вслѣдствіе отношенія преосвященнаго Филарета Тверскимъ Губернаторомъ Всеволжскимъ для этого былъ командированъ въ г. Ржевъ квартальный надзиратель Павелъ Николаевъ Дозоровъ. Прибывши въ Ржевъ, этотъ чиновникъ вмѣстѣ съ благочиннымъ Алексѣевымъ и четырьмя священниками, которымъ можно было вполнѣ довѣриться, составляютъ слѣдующій широкій планъ поимки бѣглецовъ. Такъ какъ бѣглые попы проживали въ Ржевѣ на столько скрытно, что днемъ никуда не показывались и постоянно мѣняли квартиры свои, переходя изъ дома въ домъ, не задерживаясь въ одномъ и томъ же домѣ болѣе сутокъ, то понятно, насколько трудно было ихъ усмотрѣть и словить. Однако чиновнику и благочинному удалось намѣтить три дома, въ которыхъ чаще бывали попы; эти дома и рѣшено было неожиданно окружить инвалидною командой во 2-мъ часу ночи съ 12-го на 13-е число ноября 1819 г. Дальнѣйшій планъ заключался въ слѣдующемъ. Окруживъ дома, потребовать къ себѣ городничаго съ надлежащими чиновниками и командою для обыска ихъ. Въ то же самое время предположено было требовать отъ „земскаго начальника“ [1]), чтобы чрезъ два часа на пяти дорогахъ, ведущихъ изъ города были поставлены благонадежные крестьяне съ сотскими и десятскими для того, чтобы они задерживали тѣхъ выѣзжающихъ изъ города, на коихъ укажутъ „благонадежные причетники градскихъ церквей“. Сосѣднюю деревню Муравьево рѣшено было окружить народомъ,—особенно пять раскольническихъ домовъ этой деревни. Все это было придумано на тотъ случай, если бѣглыхъ поповъ не придется схватить въ городѣ, и они успѣютъ выбраться изъ него. Тогда они должны быть пойманы на дорогѣ; а для того, чтобы болѣе напугать поповъ и ржевскихъ раскольниковъ, предположено пустить въ народъ слухъ, что въ будущую ночь и еще будутъ окружены извѣстные дома. Такимъ образомъ, все было обдумано въ подробностяхъ и такъ или иначе предусмотрѣно. Кажется, можно было надѣяться на благопріятный исходъ дѣла, но... у ржевскихъ раскольниковъ слишкомъ много было сильныхъ покровителей и благодѣтелей, которые старались попрепятствовать выполненію этого, дѣйствительно, широко задуманнаго плана. Что-же случилось? „Чиновникъ (пишетъ по этому поводу благочинный) уже въ послѣдній разъ былъ у меня въ домѣ въ 10-мъ часу вечера 12-го числа, инвалидная команда у начальника своего была уже собрана, упомянутые причетники на дѣло свое были уже готовы, письменныя требованія какъ къ городничему, такъ и къ исправнику были уже написаны и запечатаны, какъ вдругъ планъ нашъ, который со-

---

[1]) Какое чиновное лице разумѣется въ дѣлѣ подъ этимъ названіемъ — мы не знаемъ.

ставляли четыре дня, разсыпался въ четверть часа". Одинъ изъ четырехъ ржевскихъ священниковъ, посвященныхъ въ тайну о поимкѣ бѣглыхъ поповъ, въ 11-мъ часу вечера пришелъ къ благочинному и сообщилъ, что объ этомъ „секретномъ дѣлѣ" сдѣлалось извѣстно какъ городничему, сочувствовавшему раскольникамъ, такъ и самимъ раскольникамъ. То-же самое подтвердилъ и одинъ купецъ, „ревностный сынъ церкви", присовокупивъ, что „жена бѣглаго попа Ивана, живущая отъ мужа въ особенномъ домѣ, перебралась съ дѣтьми поспѣшно на другую квартиру". Принявъ во вниманіе всѣ эти свѣдѣнія и заключая изъ нихъ, что непремѣнно попы уже успѣли скрыться, а можетъ быть даже выѣхать изъ города, благочинный и чиновникъ Дозоровъ излишнимъ уже сочли приводить въ исполненіе свой планъ: очевидно, успѣха ожидать было нельзя.

Въ ту-же ночь (12 ноября) Дозоровъ, распустивъ инвалидную команду, секретно выѣхалъ изо Ржева въ Тверь.

Такъ кончилась вторичная попытка поймать поповъ Луку и Ивана.

Хотя попы эти не попали въ руки правосудія, однако они должны были оставить Ржевъ, по крайней мѣрѣ на время, пока объ нихъ позабудутъ. У ржевскихъ раскольниковъ оказался, такимъ образомъ, недостатокъ въ попахъ. Они вынуждены были обратиться за ними въ Москву на Рогожское кладбище. Отсюда, дѣйствительно, былъ отправленъ въ Ржевъ 13 февраля 1820 года попъ *Ефимъ Ѳедоровъ;* но онъ оставался здѣсь не долго: въ сентябрѣ или октябрѣ отправился обратно. Къ тому-же времени относится обращеніе ржевскихъ раскольниковъ къ гражданской власти съ просьбою, чтобы отданъ былъ имъ на поруки острожникъ попъ Алексѣй, въ монашествѣ Александръ, котораго раньше сами выпроводили было изъ Ржева. Такимъ образомъ, несомнѣнно, нужда въ попахъ въ то время чувствовалась. Но видно Ржевъ былъ настолько теплымъ мѣстечкомъ, что въ него охотно стекались бѣглые попы изъ разныхъ мѣстъ. Въ самомъ началѣ 1821 года въ Ржевѣ появляется изъ города Владиміра бѣглый попъ *Ѳедоръ Алексѣевъ*. По обычаю, онъ былъ принятъ раскольниками весьма радушно. О попѣ этомъ мы имѣемъ очень немного свѣдѣній; только извѣстно, что онъ своимъ появленіемъ произвелъ великій соблазнъ среди ржевитянъ. Дѣло въ томъ, что во все время наступившаго вскорѣ послѣ его пріѣзда поста онъ въ Ржевской раскольнической часовнѣ отправлялъ богослуженіе ежедневно, приходящихъ къ нему во множествѣ исповѣдывалъ и причащалъ, рождающихся крестилъ, а умирающихъ погребалъ. И все это дѣлалъ открыто, такъ что, по словамъ ржевскихъ священниковъ въ ихъ донесеніи преосвященномъ Тверскому Симеону (?) марта 9-го 1821 года, „въ такой всѣхъ жителей привелъ соблазнъ своимъ пріѣздомъ, что денно и

нощно видно въ оной часовнѣ большое собраніе народа, а приходскіе во всемъ городѣ храмы совсѣмъ опустѣли“ (л. 128).

Съ 1822 года въ нашихъ источникахъ о ржевской бѣглопоповщинѣ (а источниками нашими являются почти исключительно дѣла Тверскаго Консисторскаго архива) оказывается значительный пробѣлъ, именно до 1835 года мы не встрѣчаемся съ дѣлами,— подобными вышеизложеннымъ. Это объясняется, впрочемъ, довольно легко. 1822 годъ — для бѣглопоповщины знаменательный годъ: тогда было признано закономъ свободное пребываніе у раскольниковъ бѣглыхъ поповъ, если только за послѣдними не усматривалось какого-либо уголовнаго преступленія, подвергающаго ихъ судебному преслѣдованію. Понятно, поэтому, что дѣла о бѣглыхъ попахъ должны были на время прекратиться. Значитъ не потому не имѣется свѣдѣній о бѣглыхъ попахъ г. Ржева за десятилѣтній періодъ (1822—1832) времени, что ихъ тогда не было, а потому, что на нихъ не обращали вниманія, какъ на явленіе законное. У ржевскихъ раскольниковъ попы не только не переводились, но надо думать, были въ увеличенномъ количествѣ; поэтому то мы и видимъ, что лишь только благопріятныя для бѣглопоповщины времена миновали, какъ снова возникаютъ длинныя дѣла о ржевскихъ бѣглыхъ попахъ.

Однимъ изъ первыхъ такихъ дѣлъ было дѣло о попѣ *Михаилѣ Дубенскомъ*. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1834 года, когда во Ржевѣ уже проживало два попа, прошелъ слухъ, что ржевскіе раскольники привезли еще третьяго изъ Смоленской, или Черниговской губерніи. На основаніи этого благочинный ржевскихъ церквей Георгій Алексѣевъ сталъ всевозможно стараться о томъ, чтобы собрать болѣе достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія о вновь привезенномъ попѣ. И это ему удалось. Разъ (1 декабря), когда о. Алексѣевъ проходилъ мимо торговыхъ рядовъ, его зазвалъ къ себѣ въ лавку купецъ Глушковъ. Въ лавкѣ этой онъ встрѣтилъ Бѣлевскаго гражданина, который спрашивалъ Глушкова о томъ,— гдѣ-бы ему отыскать недавно отъ нихъ отлучившагося къ старообрядцамъ священника Михаила. Когда священникъ Алексѣевъ вступилъ съ этимъ гражданиномъ въ разговоръ, то узналъ, что „оный Михаилъ по выходѣ изъ Семинаріи былъ на мѣстѣ въ селѣ Крестищахъ въ 8 верстахъ отъ г. Бѣлева съ небольшимъ четыре года, имѣетъ въ семействѣ мать, жену, сына и дочь малолѣтнихъ,—что онъ бѣжалъ не отъ бѣдности, ибо былъ въ достаточномъ приходѣ, осталось у него на 1000 рублей хлѣба и лѣсную имѣлъ дачу,—не отъ пьянства, ибо былъ поведенія трезваго,— ни отъ бѣды, ибо дѣлъ за собой не имѣлъ, а къ удивленію ихъ *просто подговорены раскольниками*“. Далѣе, изъ разговора выяснилось, что ржевскимъ раскольникамъ пришлось потратить немало усилій и денежныхъ средствъ прежде чѣмъ они успѣли пріобрѣсти себѣ этого попа. Мать попа Михаила была противъ этого побѣга

и не давала на то своего благословенія, но раскольники купили согласіе матери за 1000 рублей. Тысячу же рублей они дали Бѣлевскому гражданину Макху, который, будучи близко знакомъ съ попомъ Михаиломъ, сильно повліялъ на окончательное рѣшеніе послѣдняго бѣжать въ расколъ. Когда этотъ попъ поселился въ г. Ржевѣ, то, очевидно, онъ думалъ обосноваться здѣсь обстоятельно, потому что чрезъ упомянутаго Макха послалъ своей женѣ письмо, въ которомъ писалъ, что „онъ жительствуетъ при рѣкѣ Волгѣ, не означая мѣста, и чтобы она, распродавъ все, пріѣзжала къ нему“. Пріѣздъ попа Михаила былъ привѣтствованъ довольно торжественно ржевскими купцами, при чемъ когда купцы поздравляли его съ этимъ, онъ просилъ ихъ, чтобы „они помолились Богу о его прежнемъ заблужденіи въ вѣрѣ и вмѣстѣ поблагодарили Его, что благодать Божія наставила его на истинный путь спасенія, который у нихъ единственно находитъ“. Узнавъ все это, протоіерей Алексѣевъ 2 декабря донесъ о томъ преосвященному Григорію. Съ своей стороны преосвященный Григорій, сообщивъ объ обстоятельствахъ дѣла въ отношеніи отъ 17 декабря Тверскому губернатору, просилъ послѣдняго „предписать, дабы по сему дѣлу учинено было надлежащее осторожное изслѣдованіе, и ежели означенный священникъ окажется на мѣстѣ, то чтобы на основаніи извѣстныхъ секретныхъ положеній (41 ст. Свода Уставовъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій) немедленно былъ взятъ и препровожденъ за надлежащею стражею къ Тульскому или другому какому преосвященному, изъ епархіи коего онъ бѣжалъ“. Дѣлу данъ былъ ходъ. 24 апрѣля 1835 года прибылъ изъ Твери въ городъ Ржевъ квартальный съ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ для поимки попа Михаила. Городничій, къ которому квартальный явился, пообѣщалъ сейчасъ-же представить этого попа, въ надеждѣ взять его въ томъ часовенномъ флигерѣ, въ которомъ онъ жилъ [1]). Но въ разсчетахъ своихъ онъ сильно ошибся. Оказалось, что ржевскіе раскольники еще за два дня до пріѣзда Тверскаго квартальнаго получили изъ Твери чрезъ нарочито-посланнаго извѣстіе о грозившей имъ опасности и тогда-же спрятали своего попа. Поэтому, когда городничій прибылъ къ часовенному флигерю, то нашелъ на дверяхъ замокъ, а попечители объявили ему, что попъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ уѣхалъ — неизвѣстно куда. Городничій сильно разсердился на это и, по словамъ о. Алексѣева, „ругалъ ихъ безъ пощады“. Но конечно все-таки попа ему не отдали. Исторія эта для раскольниковъ была весьма непріятна и даже неожиданна. Дѣло въ томъ, что за недѣлю предъ этимъ петербургскій купецъ Филатовъ, прежде бывшій ржевскій, знакомый

[1]) Какъ потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, попъ Михаилъ, кромѣ часовеннаго флигеря, проживалъ во Ржевѣ въ домахъ гражданъ Якова Исаева, Алексѣя Пояркова и Григорія Левтѣева.

министерству, писалъ къ нимъ, что „министръ, утвердившій попа Ѳедора [1]), обѣщалъ утвердить и Михаила, и проговаривалъ, что они напрасно объ обоихъ вдругъ не просили, вмѣстѣ бы и утверждены были“ [2]). Равнымъ образомъ и губернаторъ обѣщалъ имъ утвердить попа Михаила, поэтому-то обнадеженные ржевскіе раскольники и не ожидали того, что случилось. Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что попъ Михаилъ Дубенскій пойманъ въ г. Одоевѣ, о чемъ изъ одоевской полиціи сообщено въ ржевскую.

Другимъ ржевскимъ бѣглымъ попомъ, о которомъ возникло дѣло въ томъ же 1835 году и длилось, какъ увидимъ, очень долго, былъ *Ѳедоръ Васильевъ Соловьевъ*. Относительно этого попа смѣло можно сказать, что онъ представляетъ собою типическій образъ вообще бѣглыхъ поповъ раскольническихъ. Судьба его ясно показываетъ намъ, какими преимущественно разсчетами руководились православные священники при бѣгствѣ въ расколъ и какъ трудно было разъ примкнувшему къ расколу попу возвращеніе въ православную церковь.

Свѣдѣнія, какія мы нашли о попѣ Ѳеодорѣ до его бѣгства къ ржевскимъ раскольникамъ, заключаются въ слѣдующемъ. По окончаніи курса въ Семинаріи при Перервинскомъ монастырѣ, Ѳедоръ Васильевъ поступилъ въ діаконы села *Лунева*, Масальскаго уѣзда; затѣмъ въ 1810 году онъ былъ произведенъ въ священники къ церкви того-же села. Въ этомъ званіи онъ пробылъ до 1830 года, когда по согласію съ священникомъ церкви Николая Чудотворца, что въ селѣ Никола-Станъ въ Мосальскомъ же уѣздѣ, переведенъ къ сей церкви. При этой церкви онъ пробылъ священникомъ около двухъ лѣтъ, послѣ чего въ 1832 году и убѣжалъ въ г. Ржевъ—къ раскольникамъ, которые, по собственнымъ словамъ Ѳедора, *обольстили его*, а обольстить его они могли ничѣмъ другимъ, какъ обѣщаніемъ матеріальнаго достатка и даже богатства. 9 декабря 1834 года попъ Ѳеодоръ какимъ-то образомъ, вопреки дѣйствовавшимъ тогда узаконеніямъ, успѣлъ выхлопотать себѣ позволеніе находиться у ржевскихъ старообрядцевъ. Но не долго пришлось ему наслаждаться раскольническими благами и ухаживаніями. Въ 1835 году до тогдашняго преосвященнаго Тверскаго Григорія, извѣстнаго знатока раскола и ревностнаго дѣятеля по обращенію ихъ, дошелъ слухъ, что ржевскій попъ Ѳеодоръ Васильевъ „*колебался* между обращеніемъ къ церкви и жизнію у раскольниковъ“ [3]). Слухъ этотъ скоро подтвердился оффиціальнымъ донесеніемъ Ржевскаго Протоіерея Георгія Со-

---

[1]) О попѣ Ѳеодорѣ будетъ сейчасъ дальше подробная рѣчь.

[2]) Объ этомъ Филатовѣ прот. Алексѣевъ въ своемъ рапортѣ преосвящ. Григорію говоритъ, что онъ ходатайствомъ своимъ расколъ въ г. Ржевѣ усилилъ.

[3]) Дѣло объ обращеніи находившагося въ г. Ржевѣ у раскольниковъ бѣглаго священника Ѳедора Соловьева (л. 13), въ Архивѣ Тверской Д. Консисторіи. Дальше мы въ самомъ текстѣ будемъ цитировать листы этого дѣла, безъ новаго указанія на него.

колова. Это обстоятельство имѣло для попа Ѳеодора почти роковое значеніе: послѣ него и вслѣдствіе него начинается длинное о немъ дѣло, исполненное различныхъ перипетій, причиною которыхъ, впрочемъ, былъ самъ Ѳедоръ. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію этого интереснаго дѣла, мы замѣтимъ, что слухъ о колебаніи въ расколѣ съ заднею цѣлію,—именно снискать особое расположеніе у преосвященнаго Григорія,—пустилъ, вѣроятно, самъ Ѳедоръ.

Преосвященный Григорій, какъ ревнитель православія, конечно, не могъ оставить безъ вниманія вышеупомянутаго донесенія Ржевскаго протоіерея,—и поэтому воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы посодѣйствовать возвращенію попа Ѳедора въ лоно православной церкви. Случай къ тому представился довольно скоро. Осенью 1835 года въ городъ Ржевъ долженъ былъ отправиться депутатомъ по дѣлу „о учиненіи безчиннаго поступка“ въ алтарѣ Оковицкой церкви ключарь Каѳедральнаго собора Іоаннъ Ловягинъ. Поступокъ этотъ заключался, между прочимъ, въ томъ, что въ первый день св. Пасхи во время литургіи солдатъ Даніилъ Никитинъ Дьяковъ, будучи въ числѣ богомольцевъ въ церкви, взошелъ въ придѣльный алтарь царскими дверями, затворялъ оныя и отворялъ; потомъ, приступивъ къ жертвеннику, снялъ съ сосудовъ покровъ, и осморкавъ оный соплями, тѣмъ-же покровомъ опять сосуды покрылъ; наконецъ, вышедъ изъ алтаря сѣверною дверію, подошелъ къ стоящему въ большой церкви свѣчному ящику и взявъ два огарыша свѣчъ и 20 коп. мѣдныхъ денегъ, пошелъ было изъ церкви вонъ, но былъ задержанъ.— Пользуясь тѣмъ, что по этому дѣлу отправлялся въ г. Ржевъ о. Ловягинъ, преосвященный Григорій и далъ ему *секретное порученіе* принять мѣры къ обращенію Ржевскаго бѣглаго попа Ѳедора В. Соловьева въ православіе, — „всевозможно споспѣшествовать исполненію его *намѣренія*.“ По пріѣздѣ въ Ржевъ, о. Ловягинъ 21 ноября пригласилъ къ себѣ попа Ѳедора и говорилъ съ нимъ *наединѣ* довольно долго относительно присоединенія къ церкви. Для обдуманія рѣшительнаго отвѣта попъ Ѳедоръ попросилъ нѣсколько времени; но чрезъ день — 23-го ноября — онъ *добровольно* подалъ на имя протоіереевъ Ловягина и Ржевскаго благочиннаго Алексѣева—секретное объявленіе, въ коемъ „рѣшительно изъясняетъ свое *чистосердечное раскаяніе* (насколько оно было чистосердечнымъ на самомъ дѣлѣ—увидимъ дальше) и искреннее желаніе отъ старообрядческаго заблужденія паки обратиться къ свѣту истиннаго правовѣрія“ (л. 9). Вотъ болѣе подробное содержаніе этого объявленія: „со времени удаленія моего отъ святыя Апостольскія церкви *по обольщенію* ржевскими старообрядцами 1832 года, чувствуя всегдашнее угрызеніе совѣсти моей, и по всеподданнѣйшемъ выслушаніи Его Императорскаго Величества указа за нѣсколько предъ симъ временемъ мнѣ объявленнаго вами, о.

протоіерей Георгій, о всемилостивѣйшемъ прощеніи Симбирской губерніи находившагося въ расколѣ и обратившагося къ св. церкви бѣглаго попа Георгія Виноградова, я недостойный, оному, Виноградову подобный въ отступленіи, желаю ему же уподобиться и въ раскаяніи.“ Далѣе попъ Ѳедоръ просилъ „слезно и униженно“—во-первыхъ подать способы къ немедленному освобожденію его изъ его положенія, такъ какъ самъ по себѣ освободиться отселѣ надежныхъ средствъ не находилъ и не находитъ — безъ особаго пособія, а во-вторыхъ по человѣколюбивому, паче же братолюбивому христіанскому состраданію исходатайствовать ему чрезъ высшее начальство всемилостивѣйшее прощеніе и разрѣшеніе священнослуженія, съ опредѣленіемъ его на *приличное* священническое мѣсто.“ Надежда получить *приличное* мѣсто, какъ увидимъ, была главнѣйшимъ мотивомъ мнимаго обращенія Ѳедора къ православной церкви. Такъ какъ попъ Ѳедоръ просилъ подать „способы къ освобожденію,“ то протоіерей съ своей стороны, сообщивъ о семъ пребывшему въ Ржевъ по тому-же дѣлу о Дьяковѣ слѣдователю маіору Кладищеву и д. с. с. Норову, просилъ ихъ оказать ему, Ѳедору, свое покровительство и содѣйствіе къ безопасному *препровожденію его въ Тверь* вмѣстѣ съ протоіереемъ Ловягинымъ, учиня притомъ распоряженіе и ко взятію изъ раскольнической часовни всего ему принадлежащаго имущества. 24 ноября Кладищевъ и Норовъ, отправляясь изъ Ржева въ Тверь, предложили протоіерею Ловягину вмѣстѣ съ попомъ Ѳедоромъ оставаться въ Ржевѣ до воспослѣдованія надлежащаго предписанія, кому слѣдуетъ, касательно препровожденія его, Ѳедора, съ Ловягинымъ въ г. Тверь,—и по распоряженію ихъ дана охранительная стража изъ Инвалидной команды—на время дня изъ 2-хъ человѣкъ, а на время ночи изъ 4-хъ. 27 ноября попъ Ѳедоръ съ протоіереемъ Ловягинымъ выбыли въ Тверь, а 28-го числа прибыли.

Между тѣмъ на рапортѣ, поданномъ прот. Ловягинымъ преосвященному Григорію 25 ноября послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: „если означенный священникъ присланъ будетъ гражданскимъ начальствомъ въ Консисторію, то запретивъ ему священнодѣйствіе и благословеніе рукою, отправить его въ Отрочь монастырь *на мѣсяцъ* для усмотрѣнія поведенія его и искренности обращенія, и ежели въ продолженіи сего времени Отрочевскій архимандритъ не замѣтитъ въ немъ ничего сомнительнаго, то допросить его, гдѣ онъ хочетъ быть опредѣленъ на мѣсто въ Тверской-ли, или въ прежней своей Калужской епархіи,“ а еще къ этому преосвященный прибавилъ: „помѣстить его въ кельѣ къ кому либо изъ братіи, по образу жизни благонадежному іеромонаху, и за нимъ, священникомъ Соловьевымъ, имѣть ему, архимандриту, самому лично и чрезъ надежныхъ изъ братій особенное наблюденіе, впредь до востребованія его, священника Со-

ловьева, изъ того монастыря, куда будетъ слѣдовать."—Въ силу этого 29-го ноября (дѣло, какъ видно, велось быстро) попъ Ѳедоръ былъ помѣщенъ въ Отрочь монастырь. Но здѣсь вмѣсто одного мѣсяца пришлось ему проскучать и пробездѣльничать цѣлыхъ 8-мь, и виною этому была незабытая имъ раздольная жизнь у раскольниковъ, къ которой, находясь въ монастырѣ, онъ опять вздумалъ возвратиться. Чрезъ мѣсяцъ — 30-го декабря архимандритъ Отрочевскій Ѳеофилъ донесъ Преосвященному, что въ продолженіи мѣсяца ничего сомнительнаго имъ, архимандритомъ, и духовникомъ въ показанномъ священникѣ не замѣчено, сверхъ сего ко всему церковному служенію ходилъ онъ неопустительно." Вслѣдствіе этого, предписано было того-же 30-го декабря архимандриту Ѳеофилу спросить попа Ѳедора,—въ какой епархіи онъ желаетъ получить мѣсто.—8-го января 1836 года попъ Ѳедоръ подалъ заявленіе, что онъ желаетъ служить въ Тверской Епархіи, при чемъ указалъ побужденіемъ къ такому выбору мѣста служенія свое „особенное, совершенное уваженіе и благоговѣніе къ особѣ Преосвященнаго Григорія." Но уже въ этомъ заявленіи начинаетъ замѣтно проглядывать то, что онъ, Ѳедоръ, весьма тяготился своимъ положеніемъ и желалъ какъ можно скорѣе освободиться и достичь того, для чего собственно и притворился обратившимся. Здѣсь онъ, между прочимъ, пишетъ: „не имѣя твердаго основанія въ моихъ предположеніяхъ, ни должности, ниже какого занятія, кое *въ возмездіе* моего добровольнаго возвращенія я питался твердою надеждою получить въ весьма непродолжительномъ времени, нынѣ крайне стужаю въ душѣ моей о ожиданіи отъ Его Высокопреосвященства святительскія милости къ разрѣшенію мнѣ священнодѣйствія и къ опредѣленію меня на священническое мѣсто". Впослѣдствіи оказалось, что еще прежде подачи этого заявленія объ опредѣленіи на мѣсто въ Тверской епархіи, попъ Ѳедоръ началъ снова заигрывать съ раскольниками. За четыре дня до этого, именно *4 января* онъ уже подалъ Тверскому губернатору гр. Толстому „покорнѣйшее объявленіе, что онъ *паки желаетъ быть при старообрядцахъ* въ г. Ржевѣ для исправленія старообрядческихъ требъ христіанскихъ и просилъ губернатора, дабы благоволено было прекратить поданное имъ объявленіе протоіерею Ловягину въ дѣйствіи его и освободить его изъ Отроча монастыря". Итакъ, попъ Ѳедоръ началъ играть въ двойную игру,—въ разсчетѣ, конечно, примкнуть къ той сторонѣ, гдѣ будетъ выгоднѣе и удобнѣе. И игра эта едва было не удалась ему. Преосвященный Григорій, не подозрѣвая подобной двуличности въ попѣ Ѳедорѣ, уже испрашивалъ у св. Синода особымъ рапортомъ разрѣшеніе священнику Соловьеву на священнодѣйствіе, какъ вдругъ получаетъ отъ Ржевскаго протоіерея донесеніе, что священникъ Соловьевъ опять склоняется въ расколъ. Очевидно, игра попа Ѳедора не осталась въ секретѣ. Донесеніе ржевскаго протоіерея довольно интересно

и представляютъ собою нѣкоторыя важныя данныя для исторіи Ржевскаго раскола, а потому приводимъ его въ примѣчаніи буквально [1]). Въ силу этого донесенія преосвященный Григорій 23 января сдѣлалъ предписаніе архимандриту Отрочевскому Ѳеофилу о строжайшемъ наблюденіи за Соловьевымъ, „дабы онъ не бѣжалъ къ раскольникамъ“. Того же числа онъ донесъ о томъ въ св. Синодъ,—съ приговокупленіемъ просьбы предписать ему (Преосвященному) немедленно отправить сего священника въ Калужскую епархію“.

Въ то же время преосвященный Григорій счелъ нужнымъ по поводу дошедшихъ до него новыхъ свѣдѣній спросить и самого попа Ѳедора. Предписаніемъ 24 января было поручено сдѣлать это ректору Семинаріи Аѳанасію вмѣстѣ съ Отрочевскимъ архимандритомъ. Аѳанасій и Ѳеофилъ должны были отобрать отъ Ѳедора собственно-ручное показаніе о томъ, справедливы-ли распространившіеся слухи, что онъ, Ѳедоръ, снова вошелъ въ сношенія съ Ржевскими раскольниками, съ изъявленіемъ письменнаго желанія возвратиться къ нимъ, при чемъ высказалъ мысль, что „обратился къ православной церкви только *по страху и принужденію*“. Если попъ Ѳедоръ покажетъ, что слухи эти несправедливы, то предписывалось спросить его, „не можетъ-ли онъ показать повода, отчего такой слухъ распространился“, а если покажетъ, что слухъ справедливъ, то спросить его, въ какомъ онъ нынѣ расположеніи касательно своего обращенія.—Письменный отвѣтъ Ѳедора, данный имъ 28 января на эти допросы, заслу-

---

1) „Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивый Архипастырь!—Слухъ достовѣрный носится по нашему городу, что раскольники Василій Михайловъ Образцовъ съ попечителями часовенными, бывши въ Твери, склонили обратившагося священника Ѳедора Соловьева опять въ расколъ, взявши отъ него бумагу въ томъ, что онъ обратился „по страху и принужденію“ и желаетъ опять служить въ старообрядчествѣ, представили губернатору, а губернаторъ отослалъ на разсмотрѣніе министру. Раскольники ожидаютъ его, Соловьева, опять во Ржевъ къ прежней должности“.

„*Столпъ раскола палъ.* Василій Михайловъ Образцовъ померъ, наказанъ будучи видимо гнѣвомъ Божіимъ; языкъ, которымъ сплеталъ зло церкви Божіей, еще въ г. Твери почувствовавшій опухоль, такъ распухъ, что вскорѣ прекратилъ его дыханіе. Онъ увѣрилъ губернатора, якобы въ 1819 году въ произведенной раскольниками записи нѣсколько человѣкъ за отлучкою не могли быть внесены въ оную и для помѣщенія ихъ въ оной испросилъ предписаніе. Губернаторъ, не знавъ, что раскольническіе повѣренные ржевскіе граждане Емельянъ Немиловъ и Пименъ Болобановъ при представленіи записи въ 1819 г. къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Кочубею дали подписку, что кромѣ означенныхъ въ сей записи болѣе старообрядцевъ въ городѣ не имѣется, и что впредь записи никакой не послѣдуетъ, далъ предписаніе городничему, а онъ попечителямъ, которые, дыша злобою къ св. церкви въ укоризну и отмщеніе начальству за произведеніе слѣдствій, избрали того же Немилова составить запись. Она во многихъ домахъ была открыта; великое множество записалось изъ градскихъ и деревенскихъ жителей; не точію тѣ вовлечены въ запись, которые съ 19 года совращены, впрочемъ принадлежали церкви исполненіемъ и пріятіемъ въ ней требъ, но и дѣти церкви настоящіе,—при Оковицкой церкви едва ли осталось дворовъ пять. Смерть Образцова опечалила, весь духъ отняла у раскольниковъ, и запись умолкла и что дѣлается касательно оной—хранится въ секретѣ, о чемъ симъ свѣдѣніе Вашему Высокопреосвященству нижайше представляю“ (Дѣло л. 42).

живаетъ особеннаго вниманія. Онъ вполнѣ рисуетъ какъ личность этого бѣглаго попа, такъ и его дѣйствительныя цѣли и намѣренія при его игрѣ (позволимъ такъ выразиться) въ православіе и расколъ. О своемъ прежнемъ „чистосердечномъ раскаяніи“ и „искреннемъ желаніи отъ старообрядчества паки обратиться къ свѣту истины православія“ попъ Ѳедоръ теперь уже вовсе не упоминаетъ, а съ беззастѣнчивостью, приличною только такимъ личностямъ, каковы бѣглые попы, заявляетъ, что обращаясь въ православіе, онъ разсчитывалъ въ самое непродолжительное время (чрезъ недѣлю и не болѣе двухъ) получить приличное священническое мѣсто; обѣщаніе со стороны протоіерея Ловягина такого мѣста и было главнымъ побужденіемъ къ принятію православія. Но такъ какъ (продолжимъ изложеніе отвѣта попа Ѳедора) отъ 24 ноября до 4 января онъ,попъ Ѳедоръ, не имѣлъ „никакихъ видовъ и надеждъ къ полученію мѣста“, и при томъ былъ лишенъ свободы, то онъ „возчувствовалъ весьма несносное огорченіе“. Это и было главною причиною подать губернатору заявленіе объ *искреннемъ* желаніи къ старообрядческой религіи“ и о возвращеніи въ Ржевъ для исправленія старообрядческихъ требъ христіанскихъ, съ присовокупленіемъ просьбы „дабы прекращено было поданное объявленіе протоіерею Ловягину въ дѣйствіи“ [1]). Въ заключеніе своего отвѣта попъ Ѳедоръ прямо заявляетъ: „что же касается до желанія моего о поступленіи на мѣсто, такъ какъ я просилъ г. Губернатора о возвращеніи мнѣ быть на прежнемъ мѣстѣ во Ржевѣ, то и нынѣ по поданному моему объявленію и вышеозначеннымъ причинамъ на ономъ быть желаю“.

Но скоро попъ Ѳедоръ долженъ былъ раскаяваться въ своемъ рѣзкомъ и безцеремонномъ объясненіи и заявленіи желанія быть у старообрядцевъ. Когда онъ узналъ, что преосвященный Григорій послалъ въ св. Синодъ рапортъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему, Ѳедору, священнослуженія, то сдѣлалъ еще разъ попытку притвориться искренно раскаявшимся, впрочемъ, надо сказать правду, попытку неудачную. Именно, чрезъ недѣлю послѣ своихъ показаній ректору Аѳанасію и архимандриту Ѳеофилу, онъ 7 февраля на имя архимандрита Ѳеофила подаетъ такое объясненіе: „минувшаго 4 января мною, хотя и подано желаніе объ-

---

[1]) Итакъ,прежнее *искреннее* желаніе обратиться къ православной церкви черезъ мѣсяцъ легкихъ испытаній у попа Ѳедора переходитъ въ „*искреннее* желаніе къ старообрядческой религіи“. Приводимъ здѣсь буквально это интересное мѣсто изъ отвѣта Ѳедора. „Посему я имѣя искреннее желаніе къ старообрядческой религіи и такъ какъ я находился во Ржевѣ по утвержденію гражданскаго правительства, то почему сего января, помнится 4 числа, подано мною Его Сіятельству Тверскому губернатору, графу Толстому покорнѣйшее объявленіе, что я, священникъ Соловьевъ, по означенному позволенію гражданскаго правительства, *паки желаю быть при старообрядцахъ въ г. Ржевѣ* для исправленія старообрядческихъ требъ христіанскихъ и просилъ губернатора, дабы благоволено было прекратить поданное мною объявленіе прот. Ловягину въ дѣйствіи его и меня освободить изъ Отроча монастыря“.

явленіемъ г. Губернатору... о возвращеніи на прежнее мѣсто во Ржевъ въ согласіе старобрядческое, по причинѣ той, что я *не имѣлъ совершенной надежды и никакихъ видовъ къ полученію мѣста;* но какъ узналъ, что послѣдовало... архипастырское разрѣшеніе къ священнодѣйствію, съ изъявленіемъ милостивѣйшаго благоволенія не лишить меня награжденіемъ священническаго мѣста, то я подвергаюсь предъ стопы Его Высокопреосвященства *съ чистѣйшею признательностію и съ искреннѣйшимъ раскаяніемъ желаю быть причисленъ* въ Христово стадо, къ святой, соборной и апостольской церкви въ паству Его Высокопреосвященства Григорія. Объявленіе же, поданное губернатору *по разстройству и смятенію мыслей,* и многихъ моихъ огорченій прошу покорнѣйше оставить безъ дѣйствія. Ибо я нынѣ *поступить въ старообрядческое согласіе желанія не имѣю*".

Такое частое измѣненіе „чистѣйшихъ намѣреній", „искреннихъ раскаяній и желаній" достаточно показывало, что не онѣ, собственно, руководили Ѳедоромъ въ его дѣйствіяхъ и поступкахъ, что на самомъ дѣлѣ мотивы его дѣятельности были совершенно иныя. Такъ, дѣйствительно, и понялъ это преосвященный Григорій, хотя отнесся къ этому весьма снисходительно. Рапортуя о всемъ вышеизложенномъ въ Св. Синодъ (18 февраля 1836 г.), онъ присоединилъ такое свое мнѣніе, что „хотя священникъ Соловьевъ подлинно желалъ и желаетъ обратиться къ церкви, но *въ немъ преобладаетъ духъ корысти,* отъ чего произошло то, что когда онъ для усмотрѣнія искренности его обращенія оставленъ былъ на нѣсколько времени безъ доходовъ, то это время было для него такъ длинно и тяжело, что ржевскіе раскольники, навѣщая его въ Отрочѣ тайно, удобно могли склонить его опять проситься въ расколъ, и что когда онъ узналъ, что ему испрашивается у Св. Синода разрѣшеніе въ священнодѣйствіи, то тотчасъ же бросилъ свое расположеніе къ расколу и снова изъявилъ желаніе присоединиться къ церкви. Посему полагаю мнѣніемъ, заключалъ Преосвященный, не разрѣшая его въ священнодѣйствіи, *оставить еще на двѣ недѣли въ Отрочѣ*".—Но не такъ снисходительно, какъ преосвященный Григорій, отнесся къ дѣлу попа Ѳедора Св. Синодъ и совершенно основательно. Онъ нашелъ нужнымъ продлить срокъ испытанія Ѳедора вмѣсто двухъ недѣль на три мѣсяца, „дабы совершенно удостовѣриться, точно-ли истинное есть сіе послѣднее его обращеніе", о чемъ указомъ отъ 12 марта и было предписано Преосвященному Григорію.—Между тѣмъ Соловьеву не сидѣлось въ Отрочѣ монастырѣ. Услышавъ, можетъ быть, о снисходительномъ мнѣніи преосвященнаго, представленномъ въ Синодъ, онъ 5 марта подаетъ новое прошеніе, въ которомъ витіевато говоритъ о своемъ желаніи быть въ лонѣ церкви и, между прочимъ, упоминаетъ о томъ, что когда онъ подавалъ протоіерею Ловягину изъявленіе о своемъ обращеніи, то тогда

протоіерей увѣрилъ его, что онъ скоро будетъ опредѣленъ на мѣсто и безъ всякихъ непріятностей. „Но какъ принялъ онъ мое объявленіе, продолжаетъ Ѳедоръ, то въ самоскорѣйшемъ времени имъ, Ловягинымъ, я отосланъ въ Отрочь монастырь, гдѣ съ того самого времени нахожусь и до днесь подъ началомъ, подъ строжайшимъ карауломъ, претерпѣвая многія нужды и страданія, каковое бремя возложено мнѣ сверхъ чаянія и неожидаемое". Затѣмъ, оправдываясь въ корыстолюбіи, онъ пишетъ: ...„если-бы я водимъ былъ духомъ корыстолюбія, то не имѣлъ-бы нужды утруждать начальство о премѣненіи состоянія, ибо я во Ржевѣ могъ имѣть состояніе довольное".—Однако, несмотря на это яко-бы убѣдительное прошеніе, попа Соловьева продержали въ Отрочѣ еще до 28 мая, когда архимандритъ Ѳеофилъ донесъ преосвященному Григорію, что означенный священникъ въ теченіе сего времени (отъ февраля) велъ себя скромно и трезвенно и ничего сомнительнаго въ немъ не усмотрѣно. На этомъ главнымъ образомъ основаніи преосвященный рапортовалъ въ Св. Синодъ съ таковымъ своимъ мнѣніемъ,—что „можно разрѣшить ему священнодѣйствіе и дать приходъ, но что въ предупрежденіе новыхъ видовъ и надеждъ на него отъ ржевскихъ раскольниковъ лучше опредѣлить его къ мѣсту въ прежней его Калужской епархіи" (л. 57). Но Святѣйшій Синодъ, имѣя въ виду странное непостоянство и хитрость попа Ѳодора, и на этотъ разъ отнесся къ нему строже, чѣмъ архіепископъ Григорій. Онъ согласился съ послѣднимъ относительно пересылки Соловьева въ Калужскую епархію, но безъ разрѣшенія священнодѣйствія, въ то же время предписалъ еще Калужскому преосвященному „помѣстить его въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей съ порученіемъ настоятелю имѣть за нимъ строгій надзоръ, обращая между тѣмъ самоближайшее вниманіе на образъ его мыслей въ разсужденіи православной церкви и по довольномъ испытаніи его такимъ образомъ представить мнѣніе, можно-ли съ благонадежностью разрѣшить ему священнодѣйствіе и допустить до исправленія священнической должности". Согласно сему указу Св. Синода Соловьевъ 18 августа былъ отправленъ въ Калугу, куда и прибылъ 28 числа того-же мѣсяца. Предполагавшееся послѣднее испытаніе Соловьевъ долженъ былъ нести, по опредѣленію Калужской Консисторіи, въ Малоярославскомъ Черноостровскомъ монастырѣ. Но всѣ надежды на его исправленіе оказались тщетными: онъ остался упорнымъ въ расколѣ. Тогда, въ 1837 году, по указу Св. Синода, онъ былъ лишенъ священническаго сана,—именно „за упорство въ расколѣ". Послѣ этого начинаются быстрыя и многократныя перемѣщенія его изъ одного монастыря въ другой. Конечно, духовное начальство дѣлало это не безъ причины: вѣроятно, въ немъ вездѣ сказывались тѣ некрасивыя черты, какія еще обнаружились въ Отрочѣ монастырѣ, съ присовокупленіемъ озлобленія: вездѣ его преслѣ-

довалъ духъ корыстолюбія и бродяжничества. Изъ Малоярославскаго Черноостровскаго монастыря онъ былъ отправленъ *въ Козельскую Оптину* пустынь; отсюда черезъ $2^1/_2$ года перемѣщенъ въ *Вологодскій Прилуцкій* монастырь; затѣмъ также черезъ $2^1/_2$ года переведенъ былъ въ *Суздальскій Спасоевѳимьевскій* монастырь, гдѣ прожилъ только шесть мѣсяцевъ; наконецъ посланъ былъ *въ Юрьевскій Архангельскій* монастырь. Кажется, такія жизненныя тревоги и монастырскія смиренія способны угомонить и самаго неспокойнаго и молодого человѣка, а не только 65-лѣтняго старика, каковымъ былъ тогда попъ Ѳедоръ. Однако, попъ Ѳедоръ, пересылаемый изъ монастыря въ монастырь, изъ которыхъ одинъ другого захолустнѣе и строже, не разставался съ мечтою,—какъ нибудь опять убѣжать туда, гдѣ ему такъ привольно жилось. довольство жизни въ званіи раскольническаго попа манило его. И дѣйствительно, проживши въ Юрьевскомъ Архангельскомъ монастырѣ немного болѣе трехъ лѣтъ, онъ выбралъ удобную минутку, и 30 іюня 1845 года изъ него бѣжалъ. На этотъ разъ онъ направилъ свои стопы уже не въ Ржевъ, а въ самую Москву, гдѣ и примкнулъ къ Рогожскому Кладбищу; одинъ раскольникъ, вольный хлѣбопашецъ *Липатовъ* далъ ему въ своей квартирѣ помѣщеніе,—и попъ Ѳедоръ занялся тѣмъ дѣломъ, съ которымъ онъ такъ хорошо ознакомился еще въ Ржевѣ: совершалъ требы и преимущественно вѣнчаніе по раскольническому обряду приходившихъ къ нему крестьянъ. И конечно, ожидала здѣсь попа Ѳедора привольная жизнь, если-бы онъ не попался въ руки полиціи: 3 февраля 1846 года онъ былъ взятъ московскою полиціею въ квартирѣ упомянутаго Липатова. Тогда началось новое дѣло о попѣ Ѳедорѣ. Учреждена была даже особая „слѣдственная коммиссія надъ бѣглымъ священникомъ Соловьевымъ“. На допросѣ въ этой Коммиссіи попъ Ѳедоръ довольно подробно разсказалъ о своемъ прошломъ; наше вниманіе изъ этихъ показаній обращаетъ на себя то, что въ нихъ онъ еще разъ обнаружилъ, насколько искренни были всѣ его „чистосердечныя раскаянія и желанія“ присоединиться къ православной церкви. Предъ Коммиссіей онъ прямо заявилъ, что протоіерей Ловягинъ, бывши по извѣстному дѣлу во Ржевѣ, будто „отобралъ у него ставленную грамоту и *принужденно* взялъ отъ него, Соловьева, показаніе, что желаетъ онъ обратиться къ православной церкви.

На этомъ прерываются наши свѣдѣнія о попѣ Ѳедорѣ Соловьевѣ, но и ихъ, надѣемся, вполнѣ достаточно для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе объ этой личности.

Но не успѣло Тверское епархіальное Начальство сбыть съ рукъ попа Ѳедора, отославъ его въ ту епархію, изъ которой онъ бѣжалъ, какъ пришлось ему опять вести серьезные и непріятные счеты съ новымъ обнаружившимся въ г. Ржевѣ самозванцемъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1838 года прибылъ въ городъ Ржевъ бывшій

іеромонахъ Московскаго Срѣтенскаго монастыря, за побѣгъ въ расколъ лишенный сана и исключенный изъ духовнаго званія, *Ефимъ Ивановъ*, подъ предлогомъ поступить въ Ржевское мѣщанство, а на самомъ дѣлѣ съ цѣлію исправленія требъ у раскольниковъ. О прошломъ этого Ефима извѣстно слѣдующее. Онъ былъ уроженцемъ города Москвы и принадлежалъ къ мѣщанству. Получивъ въ 1800 году увольненіе изъ мѣщанскаго общества, онъ въ 1801 году поступилъ въ число братіи въ Срѣтенскій монастырь и сравнительно скоро получилъ здѣсь санъ іеромонаха. Но не долго онъ оставался въ монастырѣ. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ, въ 1813 году онъ убѣжалъ изъ монастыря къ стародубскимъ раскольникамъ. Цѣлыхъ 25 лѣтъ онъ жилъ здѣсь и не смотря ни на какія увѣщанія со стороны духовныхъ властей оставался упорнымъ раскольникомъ. Поэтому 16 февраля 1838 года онъ былъ лишенъ іеромонашескаго сана и исключенъ изъ духовнаго званія съ предоставленіемъ избрать родъ жизни. Тогда то Ефимъ и направился въ городъ Ржевъ, куда прибылъ въ первыхъ числахъ марта. Хотя онъ прибылъ сюда подъ предлогомъ приписаться къ мѣщанскому обществу и дѣйствительно былъ приписанъ, однако велъ себя здѣсь вовсе не по мѣщанскому. Онъ продолжалъ носить монашеское платье и длинные волосы; затѣмъ, посѣщая молитвенный домъ, въ которомъ, обыкновенно, отправлялъ тогда богослуженіе для раскольниковъ очень извѣстный бѣглый попъ Василій Семеновъ, Ефимъ Ивановъ становился не съ народомъ, а въ алтарѣ, отправлялъ для раскольниковъ нѣкоторыя требы; въ праздникъ Пасхи 1839 года онъ выходилъ изъ алтаря къ народу для христосованья съ Евангеліемъ въ рукахъ вмѣстѣ съ попомъ Васильемъ, державшимъ крестъ, и причетниками его, державшими иконы; посѣщалъ раскольническое кладбище, вѣроятно, съ цѣлію совершенія тамъ панихидъ. Наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что Ефимъ свелъ знакомство съ проживавшимъ въ городѣ Ржевѣ старообрядческимъ инокомъ Іосифомъ, который былъ постриженъ въ Стародубскомъ Покровскомъ монастырѣ 60 лѣтъ тому назадъ. По показанію самого Ефима, съ инокомъ этимъ онъ познакомился именно тогда, когда проживалъ въ Черниговскихъ старообрядческихъ слободахъ, хотя Іосифъ совершенно отрицалъ это. Проживъ недолгое время въ Ржевѣ, Ефимъ Ивановъ въ маѣ или іюнѣ того-же 1838 года, ѣздилъ опять въ Стародубскія слободы, съ которыми, очевидно, связи у него не были окончательно порваны, изъ слободъ онъ добрался до Кіева подъ предлогомъ богомоленій и возвратился оттуда въ Ржевъ только въ октябрѣ мѣсяцѣ, поселившись послѣ этого въ квартирѣ Петра Ѳедорова Торопченова. Образъ жизни и поведеніе Ефима въ Ржевѣ обратили на себя серьезное вниманіе благочиннаго ржевскихъ церквей (сначала Георгія Алексѣева, а затѣмъ Евфимія Измайлова), который неоднократно доносилъ объ этомъ преосвященному

Григорію, представляя послѣднему, что проживаніе такого человѣка въ г. Ржевѣ, наполненномъ раскольниками, весьма вредно для церкви и можетъ производить большой соблазнъ между православными. На основаніи этихъ донесеній преосвященный Григорій трижды обращался къ губернатору съ отношеніемъ о высылкѣ Ефима изъ г. Ржева, но не получалъ отъ губернатора никакого отвѣта. Наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1839 года было назначено слѣдствіе о попѣ Ефимѣ, которое и было произведено 22, 25 и 30 чиселъ мая. По слѣдствію, обстоятельства дѣла, изложенныя нами выше, вполнѣ подтвердились. Сверхъ того, тогда-же въ квартирѣ Ефима найдены были многія вещи, указывавшія ясно на его самозванческіе поступки, какъ-то: иноческая черная бархатная шапочка, два иноческихъ клобука, четыре иноческихъ перелинки, фіолетовая бархатная скуфья, священническая камышевая трость, канонникъ съ парчевою пеленою, Евангеліе въ кожанномъ переплетѣ, книга Никона черногорца и т. п. Денегъ у Ефима найдено 400 рублей. Всѣ объясненія Ефима, зачѣмъ и почему онъ держалъ у себя предметы, мѣщанину вовсе ненужныя, представляются мало резонными, какъ это особенно видно изъ рапорта преосвященнаго Григорія въ Св. Синодъ отъ 7 августа 1839 года. Рапортъ этотъ по силѣ его доказательности и убѣдительности имѣлъ въ судьбѣ Ефима рѣшающее значеніе. Несмотря на то, что Ефимъ раньше успѣлъ оформить свое проживаніе въ Ржевѣ въ званіи мѣщанина, однако вскорѣ послѣ этого рапорта послѣдовалъ изъ Синода указъ о высылкѣ Ефима изъ Ржева, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Его Величество въ 11 день апрѣля (1840 г.) Высочайше повелѣть соизволилъ: выслать означеннаго раскольника Иванова изъ Тверской губерніи, предоставивъ ему приписаться въ другомъ мѣстѣ съ соблюденіемъ при томъ всѣхъ существующихъ на сей предметъ постановленій, при чемъ строго подтвердить ему, чтобы онъ не осмѣливался носить одежду и длинные волосы, предоставленные православному духовенству, подъ опасеніемъ за неисполненіе сего отвѣтственности по законамъ“ [1]).

---

[1]) Подобно тому какъ выше мы съ удовольствіемъ выписали нѣсколько соображеній мудраго Филарета о мѣрахъ противъ Ржевской бѣглопоповщины, здѣсь съ тѣмъ же чувствомъ дадимъ мѣсто нѣкоторымъ выдержкамъ изъ упомянутаго рапорта преосвященнаго Григорія, извѣстнаго своей борьбою съ расколомъ. Въ рапортѣ своемъ преосв. Григорій замѣчательно убѣдительно доказываетъ виновность Ефима Иванова въ незаконномъ присвоеніи іеромонашескаго званія и разъясняетъ вредъ для церкви отъ подобныхъ самозванцевъ, являющихся въ раскольническомъ мірѣ. „Означенный Ефимъ Ивановъ, говорится въ рапортѣ, по моему мнѣнію, подлежитъ подозрѣнію въ употребленіи іеромонашескаго сана, котораго лишенъ, а потому и не долженъ быть тамъ терпимъ. Именно:

1. Этотъ Ивановъ при изслѣдованіи самъ говорилъ, что носитъ длинные волосы и платье, усвоенное духовному званію,—на что въ свое оправданіе онъ говорилъ, что ходитъ такъ потому, что такъ ходилъ въ раскольническомъ Покровскомъ монастырѣ и что онъ расположенъ въ монастырской жизни. Но

Послѣднимъ бѣглымъ попомъ ржевскимъ, которому пришлось дожить до появленія въ Ржевѣ поповъ австрійскаго рукоположенія, былъ Василій Симоновъ Хромой *). Онъ происходилъ изъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда. Получивъ образованіе въ Смоленской семинаріи, онъ былъ опредѣленъ во священники въ село *Горки*, Вяземскаго уѣзда, гдѣ былъ священникомъ 10 лѣтъ. Впослѣдствіи, за нетрезвую жизнь и другіе поступки онъ подлежалъ епархіальному суду, но не надѣясь предъ нимъ оправдаться и желая избѣгнуть запрещенія или даже лишенія священства, онъ оставилъ свою церковь и убѣжалъ въ городъ Ржевъ къ раскольникамъ. Такъ какъ это было около 1826 года, когда еще не были узаконены строгія мѣропріятія противъ бѣглыхъ поповъ, то попъ Василій успѣлъ пріобрѣсти себѣ позволеніе отъ правительства отправлять для ржевскихъ раскольниковъ требы, послѣ чего безпрепятственно священствовалъ (?) въ Ржевѣ цѣлыхъ 30 лѣтъ. Благодаря тому, что ко Ржеву, какъ нами упомянуто въ началѣ очерка, тянули весьма многія бѣглопоповщинскія общи-

---

Ржевъ — не монастырь и при томъ при лишеніи іеромонашескаго сана, безъ сомнѣнія, онъ былъ обязанъ строжайшею подпискою - не имѣть длинныхъ волосъ и не носить платья, носимаго духовными.

2. Онъ еще говоритъ, что бывая въ воскресные и праздничные дни въ молитвенномъ домѣ, онъ становится въ алтарѣ. Для чего онъ тамъ становится, ежели не считаетъ себя отличнымъ отъ народа и принадлежащимъ алтарю?

3. Чтобы отвратить отъ себя подозрѣніе въ исправленіи требъ на Ржевскомъ раскольническомъ кладбищѣ, онъ говоритъ, что не знаетъ,—гдѣ и находится то кладбище. Этими словами, по моему мнѣнію, онъ явно подкрѣпляетъ подозрѣніе. Потому что, не говоря о его прежней жизни въ Ржевѣ, онъ, по его собственному, прописанному состоящимъ въ должности Тверскаго гражданскаго губернатора, показанію, возвратился, по своей отлучкѣ, въ городъ Ржевъ въ октябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, а показаніе, въ которомъ онъ отзывается незнаніемъ Ржевскаго раскольническаго кладбища, взято отъ него 29 мая текущаго года. Живя слишкомъ полгода въ Ржевѣ, можно ли ему не знать раскольническаго кладбища, которое тамъ весьма казисто и только одно.

4. Въ отвращеніе того же подозрѣнія, онъ, Ивановъ, говоритъ, что приписался въ г. Ржевъ только для того, чтобы тамъ получать паспорты, а проживать тамъ, гдѣ найдетъ спокойнѣе. Этими словами онъ также подкрѣпляетъ подозрѣніе, потому что по сказанной причинѣ онъ могъ приписаться во всякомъ другомъ городѣ, впрочемъ, не столько во Ржевѣ, сколько въ какомъ-либо ближайшемъ къ монастырямъ раскольническимъ. Правда, онъ ссылается на свое давнишнее знакомство съ ржевскимъ мѣщаниномъ, называющимся инокомъ Іосифомъ, но это знакомство весьма сомнительно, потому что означенный инокъ въ сдѣланномъ ему допросѣ по сей ссылкѣ на него, рѣшительно утверждаетъ, что онъ его, Иванова, вовсе не знаетъ и знакомъ съ нимъ вовсе не былъ" — Далѣе, преосвящ. Григорій въ своемъ рапортѣ указываетъ на вещи, найденныя у Ефима, какъ на доказательство присвоенія имъ іеромонашескаго званія, а послѣ этого говоритъ: „Предполагаемое г. флигель-адъютантомъ графомъ Строгановымъ предписаніе о строгомъ наблюденіи, чтобы онъ, Ефимъ Ивановъ, не распространялъ въ Ржевѣ ереси и не исправлялъ никакихъ требъ у раскольниковъ, по моему мнѣнію, не поведетъ ни къ чему, потому что какъ ни вѣренъ и какъ ни ревностенъ въ исправленіи своей должности нынѣшній, стоющій великаго уваженія, покровительства и поощренія, Ржевскій городничій, г. Небольсинъ, не можетъ вполнѣ исполнить предполагаемаго предписанія. Городъ Ржевъ состоитъ слишкомъ изъ 15000 жителей, а онъ—одинъ. Въ прошедшихъ годахъ, какъ мнѣ извѣстно, онъ ходатайствовалъ объ учрежденіи въ г. Ржевѣ полиціи,

*) У Василья одна нога была сломана и онъ ходилъ на поддѣльной деревяшкѣ.

ны, попъ Василій сильно обогатился отъ своихъ прихожанъ; этому благопріятствовало и то, что онъ,—неизвѣстно какими достоинствами, — успѣлъ пріобрѣсти среди раскольниковъ большую популярность. На самомъ-же дѣлѣ этотъ попъ былъ человѣкъ зазорной нравственности; такъ, по крайней мѣрѣ, отзывается о немъ лице, близко его знавшее. Вотъ что пишетъ о немъ инокъ Пантелеймонова монастыря Мелетій, — бывшій самъ раскольникомъ. „Случалось иногда, что и я вмѣстѣ съ родными или съ прочими сычевскими мнимо-старообрядцами являлся къ о. Василію для полученія душевнаго освященія, но каждый почти разъ возвращался обратно вмѣсто духовнаго назиданія съ ношею грѣховнаго соблазна и осужденія. Нерѣдко доставалось мнѣ ожидать немалое время, доколѣ попъ Василій истрезвится отъ хмѣльныхъ напитковъ, отъ которыхъ онъ рѣдко воздерживался и въ св. четыредесятницу. Приходилось иногда мнѣ послѣ минутной у него исповѣди пріобщаться отъ рукъ его, судорожно трясущихся, и потому бѣдный я возвращался отъ духовнаго того отца со смущеніемъ души. Смущался же я и задумывался не о томъ только, что попъ Василій рѣдко бываетъ трезвъ, но о томъ болѣе, какимъ таинствомъ онъ пріобщаетъ людей, ибо, какъ всѣмъ было извѣстно, онъ, по неимѣнію церкви и по запрещенію правительства, самъ никогда не литургисалъ. Не лишнимъ считаю объяснить и сіе: не дешево, бывало, стоитъ даже и добраться до попа Василія, ибо нужно было 50 верстъ проѣхать или пройти; еще необходимо было что-нибудь подарить прислугамъ того пастыря, дабы они поскорѣе ему доложили, а равно необходимо нужно было чѣмъ-нибудь ублаготворить и самого того духовнаго отца, который весьма любилъ принимать подарки. По этой причинѣ не всякій могъ удостоиваться быть въ г. Ржевѣ и у того пастыря: бѣдные

которая тамъ нужна отнюдь не менѣе какого-нибудь губернскаго города, и указывалъ на домашніе, совершенно необременительные для города, способы къ содержанію, но къ несчастію въ этомъ было отказано ему, а этотъ отказъ съ одной стороны весьма отдаляетъ ослабленіе господствующаго тамъ раскола и утверждаетъ множество находящихся тамъ у раскольниковъ разнаго рода безпорядковъ; съ другой же поставилъ г. городничаго, такъ какъ онъ и былъ, почти въ бездѣйственное положеніе. Безъ полиціи тамъ нельзя ему вѣрно наблюсти ничего. Его превосходительству (графу Строганову) должно быть извѣстно, что правительство употребляетъ, а я съ моей стороны всячески стараюсь употреблять всевозможныя мѣры къ ослабленію въ Ржевѣ раскола. Но проживаніе во Ржевѣ означеннаго Иванова явно противно этой цѣли".

„Впрочемъ, ежели бы выводимое мною подозрѣніе было даже вовсе неправдоподобно, то, по моему мнѣнію, и тогда не должно бы было допускать приписки въ городѣ Ржевѣ означенному Иванову, потому что онъ не можетъ не быть возбужденъ противъ православной церкви, и потому не можетъ съ одной стороны одобрять (церковь?) всѣмъ, а съ другой — не распространять раскола, когда онъ лишенъ іеромонашескаго званія именно за расколъ. Его слово, какъ бы оно неосновательно ни было, не можетъ не имѣть въ Ржевѣ силы къ укрѣпленію находящихся тамъ раскольниковъ въ расколѣ, когда раскольники, какъ извѣстно, считаютъ всѣхъ, нѣсколько значительно потерпѣвшихъ за вѣру, мучениками".

люди, какъ не имѣющіе средствъ, немногіе могли у него исповѣдываться и пріобщаться“ [1]).

Хотя о попѣ Василіѣ не возникало судныхъ дѣлъ, однако и въ его дѣятельности можно указать не мало поступковъ, за которые онъ по справедливости долженъ былъ бы подлежать строгому суду. Главнымъ образомъ незаконность его дѣйствій заключалась въ томъ, что онъ позволялъ себѣ совершать требы для лицъ, принадлежавшихъ къ православной церкви. Разскажемъ здѣсь объ одномъ такомъ случаѣ, сопровождавшемся для православнаго священника большими непріятностями. 7 августа 1833 г. прихожанинъ Оковицкой церкви Ѳедотъ Ефимовъ Немиловъ пригласилъ своего священника Михаила Вяхирева въ свой домъ для отпѣванія жены его Анны Ивановой, принадлежавшей въ церкви. Прибывши въ домъ и облачившись, священникъ началъ погребеніе; но скоро онъ замѣтилъ, что въ рукѣ покойницы находится какая-то бумага, какъ бы разрѣшительная молитва. Взявъ эту бумагу, онъ убѣдился, что то была дѣйствительно разрѣшительная молитва за подписаніемъ раскольническаго попа Василія, и, слѣдовательно, Анна Иванова была уже отпѣта этимъ попомъ. Въ виду этого, не совершая вторичнаго отпѣванія, священникъ отслужилъ только панихиду и хотѣлъ, разоблачившись, отправиться къ своему благочинному для совѣта, — какъ поступить въ такомъ случаѣ. Но собравшіеся въ домѣ раскольники и раскольницы, ржевскіе мѣщане, именно—мужъ умершей Ѳедотъ Ефимовъ, тесть его Иванъ, двоюродный братъ умершей, вдова Ирина Михайлова Мясникова и другіе, схвативъ священника въ облаченіи, начали его дергать и тащить и рвать облаченіе, требуя въ разъяренномъ видѣ и съ ужаснымъ крикомъ найденную грамоту. Священникъ хотѣлъ было открыть окно и выскочить въ него. Тогда раскольники на нѣсколько времени оставили его въ покоѣ, каковымъ моментомъ онъ и воспользовался: „съ смѣлымъ духомъ, сообщалъ онъ самъ преосвященному Григорію, пробившись сквозь толпу, окружающую и останавливающую его, въ священномъ облаченіи спасся отъ разъяренныхъ силъ людей бѣгствомъ“. Тѣло Анны Ивановой, оставленное священникомъ непогребеннымъ, было погребено попомъ Василіемъ. Но этимъ дѣло не кончилось. Желая отомстить о. Михаилу за отобраніе грамоты, раскольники на другой день ночью, собравшись около квартиры его, стали бросать камни въ окна и выбили многія стекла, при чемъ едва былъ не убитъ малолѣтній сынъ священника. Въ тоже самое время и въ церковной сторожкѣ выбиты были окна. Сторожъ церковный кричалъ „караулъ“, но помощи ни откуда не получилъ. Долго

---

[1]) Письма къ друзьямъ съ Аѳонской горы, часть 1-я, инока *Мелетія*, стр. 30—32.

еще бунтовавшіе шумѣли около церкви, желая, чтобы къ нимъ вышелъ священникъ, котораго они намѣревались побить [1]).

На то самое время, когда во Ржевѣ возникали разныя дѣла о бѣглыхъ попахъ, падаетъ дѣятельность противъ раскола замѣчательнаго ржевскаго протоіерея о. Матѳея Константиновскаго [2]). Дѣятельность этого достойнаго пастыря была весьма энергична, хотя и не имѣла особенно большихъ успѣховъ. Вотъ какъ описываетъ ее составитель очерка жизни о. Матѳея. „Цѣлыя двадцать лѣтъ онъ трудился надъ сими несчастными, жертвовалъ для нихъ спокойствіемъ, здоровьемъ и всѣмъ, чѣмъ только могъ, стараясь какъ-нибудь соединить ихъ въ одно стадо. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ онъ ежедневно ходилъ по домамъ раскольниковъ; весьма сильно и убѣдительно доказывалъ имъ неправильность ихъ вѣрованія; рѣзко и основательно раскрывалъ предъ ними ихъ заблужденіе; чрезвычайно остро опровергалъ всѣ ихъ нелѣпыя возраженія. Но, къ сожалѣнію, этотъ проповѣдникъ истины не могъ имѣть большихъ успѣховъ“. Раскольники стали сторониться о. Матѳея, мало этого: „за грѣхъ считали даже слушать его, открыто называя его гонителемъ вѣры, антихристомъ и другими поносными именами“. Много всякихъ оскорбленій и непріятностей перенесъ отъ раскольниковъ о. Матѳей! [3])

Предметомъ особенной заботливости и вниманія о. Матѳея и былъ попъ Василій. Стремясь ослабить вліяніе этого попа на ржевитянъ, о. Матѳей въ тоже время старался и самого его обратить къ церкви: „неоднократно посылалъ къ нему увѣщательныя письма, со слезами умолялъ его оставить расколъ, самъ бывалъ у него и увѣщевалъ его подумать о душѣ своей“. Но ничто не дѣйствовало. Большею частію всѣ эти увѣщанія приводили попа Василія только въ бѣшенство. Только одинъ разъ попъ Василій, тронутый убѣжденіями о. Матѳея, согласился, чтобы онъ свезъ

---

[1]) Изъ Дѣла о причиненіи Ржевскія Оковицкія церкви прихожанами своему священнику Михаилу Андрееву обиды и разныя притѣсненія (Архивъ Тверской Дух. Консисторіи).

[2]) О. Матѳей былъ назначенъ во Ржевъ 17 іюня 1836 года съ главною цѣлію дѣйствованія на раскольниковъ. Вотъ что писалъ ему предъ назначеніемъ во Ржевъ архіепископъ Григорій: „О. Матѳей! Я хочу перевести (изъ села Эськова) тебя въ г. Ржевъ для дѣйствованія на раскольниковъ, и въ руководство для сего, теперь же посылаю тебѣ три книжки. Бѣдности не увидишь; нападеній не бойся; аще Богъ по насъ, то кто на ны. Григорій А. Тверскій“. (Стран. 1860, IV, 249).

[3]) Стран. 1860, IV, стр. 265—266. — Одинъ разъ, когда о. Матѳей шелъ изъ храма, къ нему подошли два раскольника на площади и просили благословенія. О. Матѳей снялъ съ головы шляпу,—и только что хотѣлъ, поднявши руку, благословить, какъ въ туже минуту одинъ изъ подошедшихъ плюнулъ ему въ руку и ударилъ его по уху, а другой, называя его благословеніе печатію антихристовою, ударилъ его по другому уху. „Отъ печали и скорби, разсказываетъ составитель записки о ржевскихъ раскольникахъ, этотъ дивный протоіерей плакалъ сутокъ трое, какъ ребенокъ, не говоря объ этомъ происшествіи никому, даже женѣ своей, а городничаго Небольсина со слезами просилъ не наказывать преступниковъ. Въ 1855 году раскольники умышленно подожгли домъ о. Матѳея; домъ сгорѣлъ со всѣмъ имуществомъ.

его къ преосвященному Григорію въ Тверь для раскаянія. Разсказываютъ, что о. Матѳей въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ не снималъ съ себя рясы, и постоянно носилъ камилавку, чтобы не заставить его ждать ни одной секунды, боясь, чтобы тотъ не отложилъ богоугоднаго сего намѣренія. Нѣсколько ночей онъ провелъ безъ сна въ ожиданіи, что тотчасъ стукнутъ къ нему въ ворота, ибо тотъ хотѣлъ подъѣхать въ полночь. Къ несчастію, богатая раскольническая свадьба (Немиловыхъ) всему помѣшала и разрушила благое намѣреніе этого жалкаго человѣка. Послѣ уже не закрадывалась въ душу попа Василія мысль о раскаяніи [1]).

Просвященствовавъ у раскольниковъ цѣлыхъ 30 лѣтъ и нажившн отъ нихъ крупный капиталъ, попъ Василій умеръ въ 1856 году и былъ погребенъ на раскольническомъ кладбищѣ. На памятникѣ его написано, что онъ священствовалъ 40 лѣтъ; слѣдовательно, раскольники къ 30-ти годамъ службы его въ расколѣ причислили десятилѣтнее служеніе въ православной церкви. Благодаря тому, что попъ Василій „священствовалъ“ у ржевскихъ раскольниковъ очень долго и пріобрѣлъ среди нихъ большой авторитетъ, объ немъ въ Ржевѣ сложилась легенда, что онъ не умеръ, а скрывается гдѣ-то въ подвалѣ [2]).

Къ концу жизни попа Василія обнаружились два обстоятельства, роковымъ образомъ повліявшія на судьбу бѣглопоповщины во Ржевѣ,—это, во 1-хъ, появленіе здѣсь попа новоизобрѣтенной австрійской іерархіи, и во 2-хъ, обращеніе въ единовѣріе значительной части бѣглопоповцевъ вмѣстѣ съ освященіемъ молитвеннаго дома въ единовѣрческій храмъ.

Первый попъ австрійскаго поставленія Яковъ Исаевъ Ефимовъ явился въ Ржевѣ еще при жизни попа Василія, около 1852 года, и успѣлъ на первыхъ же порахъ отвлечь на сторону бѣлокриницкаго священства не мало бѣглопоповцевъ; а потомъ чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше и больше австрійское священство своею видимою полнотою привлекало къ себѣ ржевскихъ раскольниковъ. Этому благопріятствовало и то, что на то же время падаетъ оскудѣніе въ Ржевѣ бѣглыхъ поповъ. Послѣ попа Василія сюда пріѣзжалъ изъ Москвы для отправленія требъ одинъ бѣглый попъ, но доступъ къ нему былъ весьма труденъ, а для бѣдныхъ почти совсѣмъ невозможенъ. Вмѣстѣ съ этимъ обстоятельствомъ совпало и другое, ослаблявшее ржевскую бѣглопоповщину, именно движеніе среди ржевскихъ раскольниковъ въ пользу единовѣрія. Хотя обращенію моленной въ единовѣрческій храмъ предшествовали весьма сильныя волненія ржевскихъ раскольни-

---

[1]) Стран. 1860, IV, стр. 267, примѣч. Подробное описаніе дѣйствій о. Матѳея противъ раскола можно видѣть въ архивѣ Тверской Дух. Консисторіи, гдѣ хранится вся его переписка съ Консисторіей и епархіальными архіереями по сему предмету.

[2]) Сообщено Н. Д. Квашнинымъ-Самаринымъ.

ковъ, однако *самое освященіе* совершилось безпрепятственно и спокойно 30 марта 1857 года [1]).

Итакъ, мы сдѣлали обзоръ ржевской бѣглопоповщины за наиболѣе цвѣтущій ея періодъ, когда ржевскіе раскольники имѣли у себя по нѣсколько бѣглыхъ поповъ и отстаивали ихъ предъ правительствомъ съ замѣчательною смѣлостію всѣми правдами и неправдами. Въ настоящее время бѣглопоповщина во Ржевѣ влачитъ печальное свое существованіе, уступивъ мѣсто австрійскому священству — окружникамъ и противоокружникамъ, у которыхъ никогда не переводятся свои попы [2]).

---

[1]) Относительно прошлой судьбы трехъ молитвенныхъ домовъ въ Ржевѣ въ дѣлахъ Арх. Твер. Д. Консисторіи мы нашли слѣдующія свѣдѣнія. Одинъ изъ нихъ, находившійся на Князь-Дмитровской сторонѣ, сгорѣлъ въ концѣ августа 1829 г. По донесеніи объ этомъ обстоятельствѣ благочиннымъ преосвященному послѣдовала такая резолюція: „какъ раскольникамъ вновь часовень строить не позволено, то въ случаѣ ежели ржевскіе раскольники на мѣсто сгорѣвшей будутъ строить новую часовню, то протоіерей имѣетъ мнѣ донести, о чемъ предписать ему“ (Дѣло по Описи № 71). Относительно моленной, находившейся на Князь-Ѳедоровской сторонѣ, извѣстно, что она была устроена незаконно въ 1827 году вмѣсто позволенной правительствомъ богадѣльни. Двумя указами (отъ 28 дек. 1835 г. и 3 іюня 1836 г.) было предписываемо уничтожить эту часовню; въ послѣднемъ, между прочимъ, читаемъ: „сдѣлать распоряженіе на основаніи Св. Зак. (т. XIV, ст. 48) о закрытіи означенной моленной, обязавъ владѣльца дома подпискою, чтобы въ немъ не было никакого раскольническаго заведенія подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности“ (Дѣло по описи №68, л. 3). Третья часовня, находившаяся на Князь-Владимірской сторонѣ была построена съ разрѣшенія правительства въ 1831 году вмѣсто сгорѣвшей, и поэтому въ указѣ отъ 28 декабря 1835 года она признавалась законною.—Существуетъ очень интересная рукопись (какъ кажется, неизвѣстная въ наукѣ о расколѣ) подъ заглавіемъ „Описаніе объ отнятіи молитвеннаго дома единовѣрцами и о истязаніяхъ православныхъ христіанъ, на дворѣ молитвеннаго дома находящихся, — бывшее въ 1857 году отъ 24 февраля до марта 2 дня“. Здѣсь описывается обращеніе раскольнической молельни на Князь-Дмитревской сторонѣ въ единовѣрческую церковь, но описывается съ раскольнической точки зрѣнія. Раскольники представляются страдальцами и ревнителями правой вѣры, а православные мучителями. По характеру и тону, описаніе это напоминаетъ собою извѣстное „Сказаніе объ ожесточеніи каѳоликовъ“, описывающее отнятіе Иргизскихъ монастырей.

[2]) За послѣднее время извѣстны въ Ржевѣ слѣдующіе попы *окружники*: Иванъ Трифоновъ *Тепинъ*, Артамонъ Ивановъ Поповъ и попъ Іоакимъ; *противоокружники*: Михаилъ Гусляковъ, Иванъ Мартыновъ Ловягинъ и Николай Савинъ.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Къ исторіи внутренней полемики раскола XVIII вѣка въ Тверской епархіи.

«Разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ и церкви Христовой». Рукоп. Тверскаго Музея № 4575).

Очеркъ четвертый.

Къ исторіи внутренней полемики раскола XVIII вѣка въ Тверской епархіи.

(„*Разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ и церкви Христовой.*“ *Рукоп. Тверскаго Музея № 4575*).

Вторая половина XVIII в. въ исторіи Тверскаго раскола отмѣчается появленіемъ нѣсколькихъ раскольническихъ и противораскольническихъ писателей, которые и вообще въ исторіи раскола должны занять не только не послѣднее, но и очень видное мѣсто. Къ числу наиболѣе видныхъ раскольническихъ писателей XVIII в., проживавшихъ въ г. Твери, принадлежитъ прежде всего *Иванъ Ѳедоровъ Пешехоновъ*. Принадлежа по своимъ убѣжденіямъ къ діаконову согласію, Пешехоновъ направлялъ свое писательское искусство главнымъ образомъ противъ безпоповцевъ—ѳедосѣевцевъ и поморцевъ. Особенно замѣчательна его полемика съ ѳеодосѣевскимъ вышневолоцкимъ наставникомъ *Никитой Марковымъ*. Эта полемика и создала собственно Пешехонову литературное имя въ расколѣ. Въ лицѣ Маркова Пешехоновъ встрѣтилъ вполнѣ достойнаго и сильнаго противника. По отзыву автора Каталога старообрядческой литературы, Марковъ — былъ „славнымъ пастыремъ Ѳедосіанской церкви въ г. Вышнемъ Волочкѣ,—и извѣстенъ какъ составитель нѣсколькихъ сочиненій, направленныхъ главнымъ образомъ противъ поповцевъ. Этотъ вышневолоцкій наставникъ прислалъ Ивану Пешехонову 95 недоумѣнныхъ вопросовъ, на которые убѣдительно просилъ его „сдѣлать справедливое съ ясными аргументы рѣшеніе“. Изъ разрѣшенія этихъ недоумѣнныхъ 95 вопросовъ и составилась получившая большую извѣстность книга „*Отвѣтовъ Пешехонова*“. По отзыву знатоковъ раскола и его литературы, это сочиненіе Пешехонова представляетъ собою весьма основательный разборъ

безпоповщинскаго ученія. Минуя рѣчь о другихъ сочиненіяхъ Ивана Ѳедорова, мы къ сказанному о немъ прибавимъ еще только то, что онъ въ свое время былъ въ Твери довольно извѣстнымъ иконописцемъ. Затѣмъ, извѣстенъ какъ раскольническій писатель Кимрскій наставникъ *Алексѣй Яковлевъ Балчужный*. Принадлежа къ филипповскому согласію, Алексѣй Яковлевъ своими сочиненіями составилъ себѣ репутацію непобѣдимаго полемиста противъ поморцевъ. Чтобы судить о томъ, какое сильное впечатлѣніе производили сочиненія Алексѣя Яковлева на поморцевъ, стоитъ отмѣтить отзывъ о нихъ, сдѣланный поморцами: поморцы говорили, что Алексѣй Яковлевъ писалъ свои сочиненія „съ помощію діавола, который его моталъ на колесѣ, что будто-бы видали нѣкоторые изъ поморцевъ“ (Кат. стр. 58 прим.). Болѣе важныхъ сочиненій Яковлева извѣстно 6. За начитанность, „отличное вѣдѣніе церковнаго писанія“ и кромѣ того за „строгую жизнь и скудное платье“ Алексѣя Яковлева, по словамъ Павла Любопытнаго, прославляли въ Москвѣ, Архангельскѣ и прочихъ странахъ его церкви, и онъ имъ служилъ свѣтилищемъ и столпомъ ихъ церкви“ (Каталогъ стр. 58). Извѣстно, что за свои выдающіяся способности онъ былъ вызванъ въ Москву для устройства знаменитой Филипповской старообрядческой часовни, для которой дѣйствительно сдѣлалъ весьма многое. Но кончилъ Алексѣй Яковлевъ свою ревностную дѣятельность на пользу раскола тѣмъ, что въ 1809 году „ради ревности непомѣрной къ чтенію и ученію“ помѣшался; умеръ въ 1815 г. Опровергая другъ друга во взаимной распрѣ и полемикѣ, раскольническіе писатели XVIII в. въ Тверской губ. встрѣчали опроверженіе своихъ мнѣній и со стороны православныхъ полемистовъ. Мы здѣсь ближайшимъ образомъ разумѣемъ извѣстнаго обличителя раскола ржевскаго купца *Т. И. Волоскова*. На основаніи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣній, заимствованныхъ изъ архива Тверской д. Консисторіи, мы можемъ сказать, что во второй половинѣ XVIII в. расколъ въ Ржевѣ былъ весьма силенъ. Самъ Волосковъ былъ сначала раскольникомъ, но потомъ путемъ основательнаго знакомства съ писаніями отцевъ и учителей церкви и древней церковной письменности, онъ убѣдился въ лживости его и присоединился къ православной церкви. Послѣ этого онъ вступилъ въ полемику съ бывшими своими единовѣрцами и написалъ обличеніе раскола Михаила Калмыка, извѣстнаго попа стародубскихъ слободъ. Сверхъ сего, онъ велъ переписку по религіознымъ вопросамъ съ новоторжскимъ головой *Андріаномъ Морозовымъ* и успѣлъ убѣдить его обратиться въ православіе. Тогдашній архіепископъ Тверской Платонъ очень цѣнилъ дѣятельность Волоскова противъ раскола. Вотъ, напр., одна изъ резолюцій преосв. Платона на донесеніи ему о томъ, что одна ржевская раскольница „стараніемъ Волоскова“ обратилась въ православіе: „принести Богу благо-

дареніе велѣть со звономъ, а Волоскову объявить наше удовольствіе“ [1]). Изъ этого оч. бѣглаго очерка полемической Тверской раскольнической литературы XVIII в., который мы намѣрены расширить съ цѣлію дать болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о выдающихся, какъ раскольническихъ, такъ и противораскольническихъ писателяхъ Тверской губ., и то можно видѣть, что, несомнѣнно, въ разныхъ центрахъ Тверскаго раскола хранятся немаловажныя для науки о расколѣ памятники ихъ писательской дѣятельности. Какъ на доказательство этой мысли, мы указываемъ въ настоящемъ случаѣ на двѣ довольно интересныя рукописи Тверскаго Музея №№ 4574, и 4575—первая подъ заглавіемъ: „Церковь, состоящая въ Стародубской епархіи между Митковки и Климовой слободъ, въ которой священники съ діаконы богоугодную о всемъ мірѣ приносятъ жертву по старопечатнымъ книгамъ, есть церковь Христова православная—доказана 1777 года“,—и вторая: „разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ и церкви Христовой“. Хотя между двумя этими рукописями мы усматриваемъ нѣкоторую связь и даже думаемъ доказать единство автора ихъ, однако на этотъ разъ исключительно остановимся на послѣдней изъ нихъ.

Рукопись № 4575, носящая вышеприведенное заглавіе, относится къ 1780 году, какъ это явствуетъ изъ слѣдующей подписи на послѣднемъ листѣ: „во градѣ обновленномъ тщаніемъ великія Екатерины Россійскія императрицы, іюня 19 дня 1780 г.“ Изъ этой же подписи видно, что она написана въ Твери, кото-

---

[1]) Т. Н. Волосковъ получилъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1773 года письмо отъ преосв. Платона. Вотъ оно. „Смиренный Платонъ, Архіепископъ Тверскій и Кашинскій, ржевскому купцу Терентію Ивановичу Волоскову. Письмо ваше я получилъ, а при немъ и книгу, которую прочитавши, нашелъ исполненну разума и благочестія и сужду оную быть полезною, если кто со вниманіемъ читать оную будетъ, а наипаче зараженные несчастливымъ раскола мнѣніемъ довольныя могутъ сыскать въ ней причины, приводящія къ неразрывному соединенію съ православною церковію, съ общею Матерію нашею, въ ея же нѣдрахъ сладкое находимъ мы души своей утѣшеніе, Оную книгу я посылаю къ вамъ обратно, которую вы можете сообщать желающимъ для прочитанія и пользы духовной; а у себя съ оной оставилъ точную копію и буду стараться, когда къ тому благопотребный найду случай, о напечатаніи оныя, токмо прошу васъ увѣдомить меня о имени ея сочинителя. Васъ же Господь да утвердитъ въ истинѣ своей подъ покровомъ благости Своея, чего вамъ и всѣмъ, благочестія рачителямъ, пастырски желая, препосылаемъ наше Архіерейское благословеніе“. (Письмо это заимствовано нами съ копіи, находящейся въ Тверскомъ Музеи). Сочиненіе же, о которомъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ преосв. Платонъ, носитъ такое заглавіе: „О утвержденіи истинной Христовой соборной и апостольской церкви, и о основаніи и о непоколебимомъ нынѣ и до скончанія вѣка оной состояніи и о отторгающихся отъ нея отъ Божественнаго и священнаго и отъ прочихъ святыхъ отецъ писанія доказательство“. (Рукоп. Твер. Музея № 3050). Нѣкоторыя свѣдѣнія о сочиненіяхъ Волоскова противъ раскола помѣщены въ жур. Твер. Арх. Ком. № 18, (20 октября 1888 г.) стр. 2—3. Къ тому же времени относится литературная дѣятельность противъ раскола Тверскаго канцеляриста, а потомъ нотаріуса Діомида Пв. Карманова, который написалъ: а) „три письма или вѣрнѣе разсужденія о необходимости православія для ржевскихъ раскольниковъ, писанныя къ Андреяну Яковлевичу Морозову“, и б) такія же „три письма къ Терентію Ивановичу Волоскову“. (См. ст. Дюмидъ Пв. Кармановъ и его проповѣди. Къ 150-лѣтнему юбилею Тверской дух. Семинаріи, стр. 3).

рая, какъ извѣстно, была обновлена тщаніемъ Екатерины. Не имѣя намѣренія излагать здѣсь подробно содержаніе этой интересной рукописи, мы ограничимся только указаніемъ главныхъ пунктовъ, разъясненію которыхъ посвящены разсужденія автора; преимущественно же вниманіе наше будетъ остановлено на рѣшеніи вопроса объ авторѣ ея и затѣмъ на тѣхъ мѣстахъ его сочиненія, которыя наиболѣе ярко характеризуютъ расколъ XVIII в., наиболѣе указываютъ отличительныхъ чертъ его. Сочиненіе, заключающееся въ разсматриваемой рукописи носитъ характеръ полемическій: полемика въ немъ ведется съ безпоповцами и частію съ поповцами—перемазанцами; написано оно въ формѣ интереснаго разговора между двумя „братами“ Іоанномъ и Григоріемъ, при чемъ Іоаннъ является вопрошающимъ и предлагающимъ разныя недоумѣнія и возраженія, а Григорій всѣ эти недоумѣнія разрѣшаетъ. Іоаннъ въ началѣ представляется смущеннымъ и „введеннымъ въ сомнительство отъ какого-то безпоповца, который убѣждалъ его „яко антихристъ нынѣ царствуетъ, и церковь погибла, вѣра исчезе, святыни никоей на землѣ нѣтъ“. Сообразно съ этимъ онъ предлагаетъ на разрѣшеніе слѣдующіе вопросы: а) о церкви вселенской, в) о церкви великороссійской, г) о тайнѣ св. причащенія, д) о тайнѣ св. крещенія, е) о тайнѣ брака, ж) объ образѣ креста двоечастнаго, и з) о мощахъ божіихъ угодниковъ и чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ иконахъ.

Въ первыхъ двухъ пунктахъ на лл. 4 об.—25 опровергается безпоповщинское ученіе объ антихристѣ, который будто-бы уже явился,—и затѣмъ взглядъ на церковь великороссійскую, которая будто-бы подчинилась власти антихриста и потому осквернена. Затѣмъ, на лл. 27—41 опровергается безпоповщинскій взглядъ на таинство прачащенія и доказывается, что тайна эта должна существовать въ церкви Христовой до втораго пришествія Христова. Листы 41 об.—53 об. посвящены авторомъ разсмотрѣнію безпоповщинскаго воззрѣнія на крещеніе,—и особенное вниманіе автора обращено на кощунственное перекрещиваніе православныхъ, переходящихъ въ безпоповщинское общество. Дальнѣйшій пунктъ—о бракѣ разсмотрѣнъ на лл. 54—70. Здѣсь рисуются довольно яркія картины беззаконнаго внѣбрачнаго сожитія мужчинъ и женщинъ въ безпоповщинскихъ обществахъ. Изъ обрядовыхъ вопросовъ авторъ подробно останавливается на вопросѣ о четвероконечномъ крестѣ. Доказательству мысли равночестности креста четвероконечнаго и осмиконечнаго посвящены лл. 70—84. То обстоятельство, что изъ всѣхъ обрядовыхъ разностей раскольниковъ сравнительно съ православными разсмотрѣна въ сочиненіи только—одна, именно особенное воззрѣніе ихъ на четвероконечный крестъ,—проливаетъ, какъ увидимъ, нѣкоторый свѣтъ на личность автора этого сочиненія. Послѣдній пунктъ безпоповщинскаго ученія, подвергнутый подробному опроверженію со сто-

роны автора разсматриваемой рукописи, заключается въ томъ, что мощи и иконы православной церкви осквернены, потому, что „обрѣтаются въ церкви такой, которая есть церковь антихристова, поклоняются же и цѣлуютъ ихъ щепотники, табашники, брадобритые слуги антихриста". Послѣ разбора безпоповщинскаго ученія авторъ доказываетъ, что церковь великороссійская есть соборная церковь, но допустила въ себѣ много новшествъ, которыхъ необходимо избѣгать и остерегаться; а потому пользуясь бѣглымъ священствомъ, приходящимъ отъ великороссійской церкви къ раскольникамъ, нельзя въ то же время имѣть съ этою церковію полнаго общенія. Въ концѣ концовъ авторъ осуждаетъ раскольниковъ перемазанцевъ, которые сварили въ 1777 году свое новое мvро и, по установленію перемазанскаго собора 1779 г., стали бѣглыхъ іереевъ, приходящихъ къ нимъ отъ православной церкви, принимать чрезъ мvропомазаніе, что совершенно незаконно и противоканонично.

Таково содержаніе рукописи. Кто же авторъ этого сочиненія? Для рѣшенія этого вопроса имѣются въ рукописи нѣсколько данныхъ, заключающихся главнымъ образомъ въ самомъ содержаніи ея. Прежде всего нужно сказать, что авторомъ ея былъ раскольникъ, а не православный. Это видно, во-первыхъ, изъ того, что авторъ признаетъ двуперстіе „древле-православнымъ воображеніемъ крестнаго знаменія". Затѣмъ изъ того, что имя Спасителя вездѣ пишется имъ чрезъ одно І—Ісусъ и, наконецъ, изъ того, что вмѣсто „во вѣкѣ вѣковъ" онъ пишетъ вездѣ „во вѣки вѣкомъ". Но самое главное, что доказываетъ, что авторомъ разсматриваемаго сочиненія — былъ раскольникъ, заключается въ томъ, что онъ считаетъ великороссійскую церковь, хотя и соборною и апостольскою церковію, но содержащею въ себѣ такія новшества, которыя препятствуютъ имѣть съ нею полное общеніе. Нельзя въ этомъ отношеніи не указать на слѣдующія два характерныя мѣста. На возраженіе брата Іоанна, что если великороссійская церковь есть соборная и апостольская, то не слѣдуетъ-ли вполнѣ уступить и согласиться съ ней, потому что разности, заключающіяся въ новшествахъ—не велики, Григорій отвѣчаетъ: „аще и не велики, но суть новости, и понеже кромѣ всякія потребы—притомъ не ученіемъ и проповѣдію, но силою и притѣсненіемъ властительски внесошася, ими же древнее святое достовѣрное церковное преданіе отвержено и весьма поругано бысть и понынѣ обрѣтаются претыканіемъ и соблазномъ по невѣроятному оныхъ новомышленному утвержденію (Л. 103-й и об.). Другое мѣсто опредѣляетъ отношеніе того общества, къ которому принадлежитъ авторъ, къ великороссійской церкви—слѣдующимъ образомъ: „церковь великороссійская есть церковь Христова, соборная и апостольская, главу и основаніе имущая Христа Сына Божія; *церковь же сія, идѣже по духовенству мы обрѣтаемся,*

есть частная или приходская, зависящая существенно по вѣрѣ православной купно и по священству отъ соборныя церкви великороссійскія, состоящая по *отдѣленіи правильномъ* случайно, якоже повелѣваетъ правило первовтораго собора въ церкви св. апостолъ 15, кормчая грань 2, глава 5 о причетницѣхъ, отлучающихся соборныя церкви и безъ воли епископа поставляющихъ церкви, такожде и прочія о сей матеріи правилы изволяй тамо да чтетъ, — *къ ней же приходящіе отъ прочихъ россійскихъ церквей священники добровольно пріемлеми суть,* яко истинни священницы чрезъ рукоположеніе епископское освящени"... и потому они „всѣ тайнодѣйствія совершаютъ по старопечатнымъ книгамъ во всей оныхъ точности, ничтоже отъемля, ниже прилагая, и тако мы въ силу Божіихъ словесъ, утверждающихъ церковь соборную, словомъ и дѣломъ сію исповѣдуемъ, и вси полныя семь таинъ благочестно изъ нея получаемъ; къ новостямъ же имѣющимся *по отдѣленіи отъ оныхъ въ ней никаковаго общенія, не имѣемъ*" (л. 110 и об.). Впрочемъ, далѣе авторъ отмѣчаетъ, что и въ ихъ обществѣ, или какъ онъ выражается „и на нашей странѣ" имѣются нѣкоторыя такія, которыя поносятъ великороссійскую церковь,—называютъ ее „еретическою, никоніанскою, уніатскою, блудницею, овощнымъ хранилищемъ, хлѣвиною обнаженною" (л. 111). Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что авторъ разсматриваемаго сочиненія принадлежалъ къ поповщинскому раскольническому обществу,—и именно къ такому, которое наиболѣе терпимо относится къ православной церкви, которое наиболѣе близко къ ней, — а таковымъ обществомъ среди поповщинскихъ, несомнѣнно, является діаконово согласіе, въ которомъ впервые обнаружились идеи единовѣрія, сильно уже проглядывающія и въ разсматриваемомъ нами сочиненіи. Такимъ образомъ, мы нашли, что авторомъ „Разглагольствія двухъ человѣкъ о вѣрѣ" былъ поповецъ діаконова согласія. Что это такъ, въ томъ мы убѣждаемся и еще изъ нѣсколькихъ очень важныхъ особенностей этого сочиненія. Не можетъ не обратить на себя вниманія то обстоятельство, что изъ всего многаго множества обрядовыхъ особенностей раскольниковъ сравнительно съ православными, авторъ удѣляетъ вниманіе только двумъ—ученію о четвероконечномъ крестѣ и о способѣ кажденія; при чемъ въ первомъ случаѣ вопреки общему взгляду раскольниковъ на крестъ четвероконечный, какъ на крыжъ латинскій, еретическій, онъ доказываетъ равночестность этого креста съ крестомъ осмиконечнымъ, признаваемымъ у раскольниковъ единственно истиннымъ крестомъ; а во второмъ случаѣ доказываетъ, что кадить нужно крестообразно, т. е. одинъ разъ прямо, а другой разъ поперекъ, такъ чтобы выходилъ крестъ +, а не такъ, какъ кадили другіе раскольники — поповцы: два раза прямо и одинъ разъ поперегъ, такъ что выходила такая фигура $\frac{11}{11}$, по выраженію автора „нѣкое суевѣрное п я л о". Эти два пункта уче-

нія составляютъ особенность именно только діаконова согласія. Авторъ разсуждаетъ о четвероконечномъ крестѣ съ такимъ безпристрастіемъ, съ какимъ во всемъ расколѣ разсуждали о немъ только одни діаконовцы. Равнымъ образомъ только діаконовцы-же учили объ особенномъ способѣ кажденія: извѣстно, что и ближайшимъ поводомъ къ выдѣленію этого согласія изъ поповщины послужило нововводное кажденіе основателя секты діакона Александра.— Наконецъ, необходимо упомянуть о совершенно различныхъ отношеніяхъ автора къ поповцамъ Рогожскаго кладбища и къ поповцамъ Стародубскимъ. Извѣстно, что около того самаго времени, когда явилось разсматриваемое нами сочиненіе, поповщинскій міръ волновалъ вопросъ о чинопринятіи бѣглыхъ іереевъ отъ великороссійской церкви; извѣстно, далѣе, что не задолго предъ этимъ, въ 1777 г. на Рогожскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, раскольники сварили свое мyро для того, чтобы перемазывать имъ бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви поповъ. Это обстоятельство раздѣлило поповцевъ на двѣ партіи: одни изъ нихъ признали сваренное мyро истиннымъ и законнымъ (таковыхъ было громадное большинство), а другіе отнеслись къ этому мyру отрицательно, таковы были поповцы Стародубскіе. Вслѣдствіе этого между Стародубцами и Рогожцами возникли споры,—и даже началась письменная полемика. Для прекращенія этихъ споровъ было рѣшено созвать соборъ, который и былъ дѣйствительно созванъ въ Москвѣ, въ 1779 г. На этомъ соборѣ, извѣстномъ подъ именемъ Перемазанскаго, вопросъ о новосваренномъ мyрѣ и перемазываніи бѣглыхъ іереевъ, былъ рѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ для Рогожцевъ. Но стародубцы, которые держались діаконскихъ воззрѣній, остались при прежнихъ своихъ взглядахъ на мyро и чинопріемъ. Эти споры, весьма сильно волновавшіе въ то время поповщинское общество, не могли не отразиться извѣстнымъ образомъ на сочиненіи, написанномъ въ самый годъ окончанія перемазанскаго собора авторомъ поповцемъ: понятно, если онъ былъ поповцемъ перемазанцемъ, то долженъ былъ высказаться въ своемъ сочиненіи, въ смыслѣ благопріятномъ для Рогожцевъ, а если онъ былъ діаконовцемъ, то долженъ былъ явиться защитникомъ Стародубцевъ. Въ сочиненіи мы усматриваемъ послѣднее. Авторъ сильно порицаетъ новосваренное мyро—и особенно главнаго мyровара, каковымъ былъ Рогожскій попъ Василій Чебоксарскій. Вотъ какъ, напр., отзывается онъ объ этомъ попѣ и его мyровареніи: „сей гордый, невѣжда, попъ самъ собою съ нѣкіими согласными себѣ, восхити на себя дѣло епископское,.... мyровареніе со освященіемъ его суетнымъ учини въ простой и неосвященной храминѣ, а чинъ, по которому онъ сіе освященіе суесловилъ, повелѣваетъ быти ему во святѣй церкви, именно соборной отъ патріарха или архіерея, а не во анбарѣ отъ попа. Зри, брате, коликая слѣпота сего слѣпыхъ водящая слѣпца, и въ ко-

ликой тимѣнія ровъ послѣдующихъ ему врину, обаче до толико ослѣплены суще,—и понынѣ къ свѣту правды воззрѣти не могутъ. отъ лежащаго на душахъ ихъ муроварнаго праха и дыма“ (л. 120 и об.). Въ другихъ мѣстахъ онъ называетъ попа—муровара „хищнымъ волкомъ въ стадѣ Христовѣ“. Совсѣмъ противоположны отношеніе автора къ представителямъ Стародубья, пріѣзжавшимъ въ Москву на перемазанскій соборъ. Церковь, находящуюся въ стародубскихъ слободахъ, онъ называетъ святою, православною (частною), одного изъ пріѣзжавшихъ представителей называетъ священноинокомъ, разумѣніе о мурованіи этого священноинока и прочихъ съ нимъ онъ называетъ „православнымъ разумѣніемъ“, сходственнымъ святымъ вселенскимъ правиламъ (л. 122). Итакъ, все сказанное съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ въ томъ, что авторомъ разсматриваемаго сочиненія былъ поповецъ діаконова согласія.—Кромѣ этого признака, для опредѣленія личности автора содержаніе сочиненія даетъ еще то, что изъ него видно, что авторъ былъ человѣкъ большой начитанности, хорошо знакомый съ Священнымъ Писаніемъ, отцами церкви и церковными правилами, и хорошо владѣлъ перомъ. Если мы къ этому прибавимъ еще то, что сочиненіе написано въ Твери въ 1780 г., то исчерпаемъ всѣ признаки, которые могутъ указать намъ на личность автора. Впрочемъ, найденныхъ нами признаковъ, кажется, вполнѣ достаточно для предназначенной цѣли. На кого же по этимъ признакамъ можно указать, какъ на автора, „разглагольствія двухъ человѣкъ о вѣрѣ и церкви Христовой“? Таковымъ могъ быть, по нашему мнѣнію, только весьма извѣстный раскольническій писатель г. Твери, Иванъ Ѳедоровъ Пешехоновъ. Иванъ Пешехоновъ извѣстенъ въ раскольнической литературѣ сочиненіемъ подъ заглавіемъ „Отвѣты Пешехонова“, о поводѣ написанія которыхъ мы упоминали въ началѣ своей статьи. Книга эта, по отзыву проф. Н. И. Субботина, пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью: „она занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду раскольническихъ сочиненій особаго, довольно обширнаго отдѣла раскольнической литературы, который можно назвать внутреннею полемикою раскола и который составляютъ именно сочиненія, писанныя раскольниками разныхъ сектъ въ обличеніе раскольниковъ же другихъ несогласныхъ съ ними сектъ“ (Брат. Слово 1887 г., 1 стр. 424). Въ своихъ „отвѣтахъ“ Пешехоновъ побѣдоносно опровергаетъ лжеученіе безпоповцевъ. Затѣмъ, особенность этихъ отвѣтовъ составляютъ весьма ясно выраженныя діаконовскія убѣжденія автора, его безпристрастныя разсужденія объ имени Іисусъ, четвероконечномъ крестѣ и др. Тѣми же самыми особенностями отличается и разсмотрѣнное нами сочиненіе: „Разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ“: въ немъ основательно опровергаются безпоповщинскія воззрѣнія и въ тоже время ясно обнаруживаются діаконовскія убѣжденія автора, какъ это мы ви-

дѣли въ своемъ мѣстѣ. Сличая, напр., разсужденія о четверокопечномъ крестѣ въ „Отвѣтахъ Пешехонова“ и въ „Разглагольствіи двухъ человѣкъ“ мы замѣчаемъ между ними очень большое сходство. Далѣе, извѣстно, что Пешехоновъ въ качествѣ борца и писателя противъ безпоповцевъ выступилъ въ послѣдней четверти XVIII в., и разсмотрѣнное нами сочиненіе относится къ тому же времени къ 1780 г. Наконецъ, то обстоятельство, что „Разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ“ написано въ г. Твери, также довольно ясно указываетъ на Пешехонова, какъ на автора этого сочиненія, потому что вовсе неизвѣстно другихъ раскольническихъ писателей, жившихъ въ то время въ Твери не только изъ діаконова согласія, но изъ всѣхъ другихъ. Впрочемъ, если бы авторомъ разсмотрѣннаго сочиненія былъ не діаконовецъ, то еще была бы нѣкоторая возможность указать на кого либо изъ болѣе видныхъ представителей Тверскаго раскола того времени, какъ на автора „Разглагольствіе двухъ человѣкъ о вѣрѣ“, но діаконовскія мысли сочиненія указываютъ прямо на Пешехонова. При такомъ рѣшеніи вопроса объ авторѣ „Разглагольствія двухъ человѣкъ о вѣрѣ“, цѣнность и значеніе этого сочиненія весьма увеличиваются, потому что Пешехоновъ весьма замѣтный раскольническій писатель. Вотъ отзывъ объ немъ профессора Субботина: „Изъ сочиненій его видно, что при замѣчательной основательности сужденія, онъ обладалъ обширною начитанностью и хорошо владѣлъ перомъ, умѣлъ выражать свои мысли ясно и вразумительно, тѣмъ особымъ складомъ рѣчи, какой былъ свойственъ раскольническимъ писателямъ того времени, не принадлежавшимъ къ школѣ Денисовыхъ,—къ той особой группѣ поморскихъ писателей, гдѣ господствовало наслѣдованное отъ этихъ знаменитыхъ выгорѣцкихъ „киновіарховъ“ школьное витійство, или „риторство“, доведенное у нѣкоторыхъ подражателей Денисовымъ до уродливой крайности. Пешехоновъ, какъ и другіе писатели — поповцы, чуждъ былъ этого витійства, совсѣмъ и не сроднаго старообрядчеству. Какъ замѣчательно умный и весьма начитанный человѣкъ, Пешехоновъ пользовался извѣстностью среди старообрядцевъ и велъ не только устныя, но и письменныя препирательства съ начетчиками другихъ раскольническихъ толковъ, смотрѣвшихъ на него именно какъ на самое замѣтное и вліятельное лицо въ Діаконовскомъ согласіи“, (Брат. Слово 1887 г. стр. 422—423).

Минуя полемическую сторону разсмотрѣннаго сочиненія, мы, согласно съ намѣченнымъ нами планомъ, остановимъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ мѣстахъ его, болѣе ярко характеризующихъ внутреннюю жизнь и бытовую сторону раскола. По словамъ автора, безпоповщинское согласіе, подобно древнимъ еретикамъ, дробится на множество мелкихъ толковъ, которые получаютъ свое названіе отъ основателей ихъ. Безпоповцы, говоритъ онъ,

называющіеся „по многоусугубляемому крещенію перекрещенцами, по ересеначальникамъ такождо именуются различно, якоже по Θеодосіи—Θеодосіевы, по монастырю—монастырскіе, по Филиппѣ—филипповщина, по Данилѣ—даниловщина, по Балчугѣ—балчужные, по нововымышленной прелюбодѣйной женитьбѣ—новожены, и иніи множайшіи".

И ежели всѣхъ подробно описать *(продолжаетъ авторъ стихами)*
Могутъ равно съ древними числомъ стать
И якоже древле ересеначальники въ награжденіе ереси своихъ и учениковъ
Совокупленіе получили во адѣ подъ единоименное названіе еретиковъ,
Тако и русская безпоповщина хотя здѣ и очень разноименна,
Если не обратятся, въ антихристову колесницу вкупѣ будетъ запряжена. (*Л—4*).

Относясь къ безпоповщинѣ крайне враждебно, какъ это уже видно и изъ сейчасъ приведеннаго мѣста, авторъ съ злой ироніей описываетъ фанатизмъ безпоповщины, проявившійся въ томъ, что они нѣкоторое время ожидали кончины міра, а затѣмъ въ томъ, что многіе изъ нихъ сожигались. Когда, по мнѣнію безпоповцевъ, „нужно было ожидать кончины міра", „тогда, говоритъ авторъ, облеклись вси въ бѣлое платье, взяли въ руки по свѣщѣ, но аще и готовы, якоже мняху, на срѣтеніе Господне, но ожидать его яко молнію страшна, не восхотѣша въ храминахъ, ниже на яснѣ, но полегоша, якоже бѣснуеміи во гробища... лежавъ убо назначенное по мнѣнію ихъ время и болѣе, бѣлыя ризы, т.-е. рубашки и портки отъ нужды естественной перемарали, пошелъ гнусный смрадъ, при томъ поспѣшилъ гладъ, захотѣли кушать, не дождавъ страшнаго пришествія, и столь поруганы будучи сатаною, паки изъ гробовъ возстали и замаранныя ризы сняли, въ другія облеклись, начали пить и ѣсть, потомъ и блудницъ побрали, ибо благословеннаго брака не имѣютъ и паки жить начали попрежнему" (лл. 10, 11 об. и 12).

Затѣмъ, авторъ, какъ на проявленіе особеннаго фанатизма безпоповцевъ, указываетъ на то, что многіе безпоповщинскіе наставники склоняли своихъ послѣдователей „въ пропасть самосожженія", „другіе же тогда и до такого бѣшенства доходили, что вбѣгали въ церковь, бивали священниковъ, опровергали тайны, за что градскій судъ таковыхъ смертію казнилъ, ихъ-же перекрещены за мучениковъ почитаютъ, и сами такожде и нынѣ творятъ, якоже въ малопрошедшихъ лѣтѣхъ въ Зеленецкой пустынѣ сотворища прежнимъ ревнующе плутамъ" (л. 100 и об.). Не безъ интересны, далѣе, свѣдѣнія автора о томъ, какъ у безпоповцевъ совершается крещеніе. Авторъ сообщаетъ, что безпоповцы не рѣдко

перекрещиваютъ въ свою вѣру больныхъ, при чемъ бывали случаи утопленія. А то—вотъ что онъ разсказываетъ объ одномъ случаѣ крещенія. Одного человѣка безпоповцы совсѣмъ уже хотѣли погрузить въ воду, и наставникъ ихъ „иже, по выраженію автора, утопляетъ души вкупѣ съ тѣлесы, надѣвъ на руки подобіе священныхъ поручей—скверная нѣкая рубища нача его въ воду вводить къ погруженію, и се абіе внезапу обрѣтеся въ водѣ преужасная и гнусная мышь, показуя святость ихъ и благочестіе своимъ прекраснымъ видомъ". „И другихъ подобныхъ сему случаевъ много было, прибавляетъ къ этому авторъ: ибо иногда вода изсыхаетъ, иногда кадка сія съ водой превращается, иногда присутствующій при ихъ крещеніи нечистый духъ въ видѣ мерзскихъ и страшныхъ гадовъ является и сему подобное. Выходятъ же иногда они и на рѣки и съ плотовъ и лодокъ и другихъ судовъ погруженіе творятъ, но понеже дѣла тьмы совершаютъ, всегда посредѣ тьмы и нощи, и убо предстатель тьмы, діаволъ, ему-же служатъ всегда, отъ нихъ жертву пріемлетъ: ибо иногда явится имъ частію воиновъ, аки къ нимъ идущихъ, и того ради они, опустивъ во глубину крещаемаго, а сами убѣгаютъ бѣсомъ гонимии, а иногда во время погруженія ихъ въ рѣку изъ рукъ у крестителя и предтечи антихристова сатана уноситъ новопросвѣщеннаго" (Л. 52 и об.).

Закончимъ свои сообщенія о разсмотрѣнной рукописи указаніемъ на то, какъ авторъ зло надсмѣхается надъ отщепенствомъ безпоповцевъ, надъ ихъ опасеніями осквернiться однимъ прикосновеніемъ къ православнымъ. „Что значитъ ваша особливая чашка, въ нея же изъ поганыхъ и скверныхъ рукъ влагаемая чиста вмѣняете; до пьяна напиваетеся съ таковымъ человѣкомъ, съ которымъ ни молитву творити, ни хлѣба вкупѣ ясти не хощете, но изъ единыя бутылки только разными стаканами. Довольно вашихъ видалъ входящихъ идѣ же вино продается, вынувъ изъ кармана стаканъ, мѣряетъ въ него изъ общаго сосуда скверными руками налитое, и такожде осквернeнное вино и піетъ. И удивленія, и смѣха, и жалости достойны ваши представленія. Другой, купивъ хлѣбъ, кругомъ его ножемъ обрѣжетъ и ястъ только средину, корку обрѣжетъ за то, что осязана руками, а о срединѣ не толкуетъ, что тою же рукою жена да можетъ быть и всякомѣсила" (л. 96 об. и 97).

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

Скопцы въ Тверской губерніи.

(По судебному процессу о скопцахъ вышневолоцкаго уѣзда, бывшему въ г. Твери въ 1888 году 15—21 ноября).

Очеркъ пятый.

Скопцы въ Тверской губерніи

(По судебному процессу о скопцахъ вышневолоцкаго уѣзда, бывшему въ г. Твери въ 1888 году 15—21 ноября).

Судебные процессы о религіозныхъ сектантахъ, по временамъ возникающіе въ разныхъ мѣстахъ, имѣя весьма важное значеніе въ смыслѣ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ противъ распространенія раскола и сектантства, въ то же время весьма важны и для науки о расколѣ и сектахъ. На этихъ процессахъ не рѣдко обрисовывается та или другая секта съ новыхъ сторонъ, иногда раскрываются, такъ сказать, самые тайники ея и во всякомъ случаѣ дается много матеріала для характеристики ея. Умѣлое веденіе дѣла судебными властями заставляетъ какъ подсудимыхъ, такъ и свидѣтелей по дѣлу входить въ разъясненіе такихъ подробностей изъ жизни сектантовъ, которыя при другихъ способахъ знакомства съ сектантствомъ мало доступны. Не говоримъ уже о томъ, что эти процессы даютъ обильный матеріалъ для внѣшней исторіи той или другой секты.

Поэтому, нельзя не пожалѣть о томъ, что далеко не всѣ такіе судебные процессы бываютъ обнародываемы въ печати. Къ такимъ процессамъ, о которыхъ еще доселѣ ничего нигдѣ не сказано въ печати, относится очень крупное дѣло о скопцахъ, разбиравшееся въ г. Твери Тверскимъ окружнымъ судомъ въ 1888 году съ 15 по 21 ноября [1]).

Дѣло это по своей важности можетъ быть поставлено на ряду съ извѣстными процессами о скопцахъ Кудриныхъ въ Москвѣ, Плотициныхъ въ Моршанскѣ и др.

---

[1]) Хотя мы въ качествѣ эксперта съ духовной стороны имѣли къ этому дѣлу самое близкое отношеніе и во все время судебнаго процесса присутствовали на немъ, однако должны сказать, что по причинѣ продолжительнаго промежутка времени не можемъ воспроизвести это дѣло во всѣхъ подробностяхъ; болѣе же важныя стороны этого процесса нами тогда же были занесены въ особую тетрадь, чѣмъ теперь и пользуемся для составленія этого очерка.

Печатныя свѣдѣнія о скопцахъ въ Тверской губерніи настолько скудны, что, можно сказать, исчерпываются нѣсколькими строками; но при всей своей скудости они все-таки показываютъ, что скопчество возникло здѣсь очень рано: оно было замѣтно здѣсь еще при жизни основателя секты—Кондратія Селиванова. Такъ, въ 1832 году обнаружены были 68 скопцовъ, изъ которыхъ 43 человѣка принадлежали бѣжецкому уѣзду, остальные 25—частію новоторжскому, частію вышневолоцкому [1]). Затѣмъ, возникали дѣла о скопцахъ въ Тверской губ. въ 1847 г. (о скопцѣ дворовомъ человѣкѣ Морозовѣ) въ 1849, 1850, 1851, 1858 и 1861 годахъ. Въ 1849 году были препровождены въ военную нестроевую службу въ Закавказскій край скопцы—удѣльные крестьяне Никита Филиповъ и Ефимъ Ивановъ — изъ бѣжецкаго и вышневолоцкаго уу. (бѣжецкаго—приходовъ—Трестенскаго и Толмачевскаго; вышневолоцкаго — с. Назарова, — изъ селеній удѣльнаго вѣдомства—Высокаго Стараго и Толмачей). Въ 1850 г. возникало дѣло о скопцѣ Ѳедоровѣ; а въ 1857, 1858 и 1861 гг. о скопцахъ дер. Кузнечихи, вышневолоцкаго уѣзда.

Хотя съ 1861 года мы не находимъ упоминанія о скопцахъ въ вышневолоцкомъ уѣздѣ, однако несомнѣнно, что существованіе ихъ въ уѣздѣ не только не прекратилось, но даже усилилось, благодаря появленію новыхъ руководителей секты. Это и подтверждается вышеупомянутымъ дѣломъ, разбиравшемся въ Тверскомъ Окружномъ Судѣ, которое извѣстно подъ именемъ дѣла братьевъ Ѳедосѣевыхъ. — Дѣло это началось по доносу одного крестьянина дер. Знаменскаго Петра Фадѣева, который, поссорившись съ однимъ виднымъ послѣдователемъ скопческой секты той мѣстности, сталъ зорко наблюдать за сектантами. Съ доносомъ на секту Петръ Фадѣевъ, по его словамъ, обратился сначала къ Тверскому губернатору; но долго не зная о послѣдствіяхъ своего доноса, онъ обратился съ тѣмъ же къ воинскому начальнику, который посовѣтовалъ ему подать второе прошеніе на имя губернатора.—Началось слѣдствіе. По разслѣдованіямъ судебно-полицейской власти въ 1886 году оказалось, что дѣйствительно въ нѣсколькихъ волостяхъ, вышневолоцкаго у., скопчество сильно развито. Насколько намъ помнится, оно обнаружено въ слѣдующихъ деревняхъ: Ѳедовѣ, Береговой, Кочкахъ, Куничихѣ (не Кузнечихѣ-ли?), Сергіинѣ, Горкахъ, Братскомъ, Поповѣ, Зорьковѣ. По первоначальному слѣдствію, заподозрѣно было въ скопчествѣ до 170 человѣкъ; но мнѣніемъ Медицинскаго Совѣта эти 170 лицъ по отношенію къ оскопленію были подраздѣлены на три категоріи: къ первой отнесены тѣ, которые имѣютъ несомнѣнные слѣды оскопленія; ко второй—такіе, объ оскопленіи которыхъ можно было только предполагать съ большею или меньшею вѣроятностію,

---

1) *Кутеновъ*. Секты хлыстовъ и скопцовъ, стр. 227.

и къ третьей, наконецъ, такіе, о которыхъ нѣтъ основаній сказать, что они оскоплены.—Сообразно съ этимъ мнѣніемъ Медицинскаго Совѣта, къ отвѣтственности были привлечены лица только первой категоріи, каковыхъ оказалось 24 человѣка. Дѣло объ нихъ разбиралось въ Тверскомъ Окружномъ Судѣ съ 15-го до 21 числа ноября 1888 года. Во главѣ всѣхъ подсудимыхъ стояли братья Егоръ и Филиппъ Ѳедоровы Ѳедосѣевы, почему и самое дѣло называется *дѣломъ братьевъ скопцовъ Ѳедосѣевыхъ*. Среди прочихъ подсудимыхъ многіе или принадлежали къ семейству этихъ скопцовъ, или находились съ ними въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ [1]).

Посмотримъ теперь, какъ и съ какихъ преимущественно сторонъ обрисовалась секта скопцовъ въ вышневолоцкомъ уѣздѣ на упомянутомъ судебномъ процессѣ. — Прежде всего о времени появленія секты и ея постепенномъ ростѣ свидѣтельскія показанія подтверждаютъ вышесказанное нами, что секта скопцовъ изстари свила себѣ гнѣздо въ вышневолоцкомъ уѣздѣ. Такъ, по показанію одного свидѣтеля, крест. Павла Данилова, отецъ одной подсудимой Агафьи Ивановой Рябковой „былъ скопецъ и былъ сосланъ *лѣтъ 60* тому назадъ“ (т.-е. около 1838 г.); а другой свидѣтель, крест. дер. Куничихи Иванъ Маслобойщиковъ, показалъ, что скопцы у нихъ „ведутся изстари, лѣтъ 55 тому назадъ“. Опредѣляя время первоначальнаго возникновенія секты, свидѣтели указали также и на то, къ какому приблизительно времени относится послѣднее о нихъ дѣло (до слѣдствія 1886 г.). Въ этомъ отношеніи показанія ихъ почти совершенно одинаковы,—именно: прошло около

---

[1]) Перечислимъ здѣсь всѣхъ подсудимыхъ, съ указаніемъ отзывовъ объ нихъ медицинской экспертизы. 1) *Егоръ* Ѳедоровъ *Ѳедосѣевъ*, крест. дер. Ѳедова, 60 л.; по отзыву медицинской экспертизы, оскопленъ большою печатію; 2) *Филиппъ* Ѳедоровъ *Ѳедосѣевъ* (ок. 60 лѣтъ), крест. той-же деревни, оскопленъ большею печатію; 3) *Наталія Дмитріева*, отнесенная, по соображенію медиц. экспертизы, къ категоріи только подозрительныхъ; 4, 5 и 6) *Анна*, *Матрена* и *Степанида* Филиповы, дочери Филиппа Ѳедосѣева,- несомнѣнно оскопленныя; 7) *Степанъ Ивановъ* (55 лѣтъ), оскопленъ малою печатію; 8) *Тимовей Степановъ* (32 л.), оскоплень 13-ти лѣтъ малою печатію; 9) *Сергѣй* Егоровъ (31 г.), оскоплень большою печатію *въ два пріема*; 10) *Поликарпъ* Ѳедоровъ *Ѳедосѣевъ* (79 л.), оскопленъ малою печатію; 11) *Харитонъ Филипповъ*, 34 лѣтъ, оскоп. малою печатію; 12) *Николай Поликарповъ*, оскопл. большею печатію; 13) *Агрофена* Ѳедорова *Ѳедосѣева*, отнесена экспертизой къ числу подозрительныхъ, 14) *Анна* Емельянова *Тулина* (70 л.), отнесена къ разряду несомнѣнно оскопленныхъ; 15) *Ѳедора* Харлампіева—дѣвица; 16) *Иванъ Егоровъ* (28 л.),—малою печатію; по его словамъ, онъ самъ себя оскопилъ: „по Евангелію, показывалъ онъ, *я изволилъ*“,—и оскопился будто бы овечьими ножницами; 17) *Елена Ефимова* (65 л.), медицинская экспертиза относительно ея нашла, что нѣкоторыя ненормальности въ ея половомъ органѣ могутъ быть объяснены причинами естественными; 18) *Иванъ Алексѣевъ*, церков. сторожъ, 35 лѣтъ, оскоп. малою печатію; 19) *Анна Савельева*, — вдова; экспертизой отнесена къ числу только подозрительныхъ; 20) *Анна Ѳомина*, вдова, 70 л., отнесена также къ подозрительнымъ; 21) дѣвица *Анна Иванова*—корелка, 35 лѣтъ,—оскоплена; 22) *Агафья Иванова Рябкова*, 76 лѣтъ, несомнѣнно оскоплена; 23) *Матрена Степанова* 30 л.; медицинской экспертизой признана, что уклоненіе отъ нормы въ половыхъ органахъ у нея было естественное, а не насильственное, 24-я подсудимая умерла до начала судебнаго процесса.

30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скопцовъ вышневолоцкаго у. судили; значитъ это было въ концѣ 50-хъ или нач. 60-хъ годовъ.—Главная роль въ распространеніи секты въ 60-хъ годахъ приписывается крест. дер. Ѳедова Филиппу Ѳедорову Ѳедосѣеву. Объ немъ изъ судебнаго процесса сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ въ концѣ 50-хъ годовъ попалъ въ острогъ за какое-то противленіе помѣщику. Когда же онъ былъ выпущенъ изъ острога, то, явившись въ свою дер. Ѳедово, началъ дѣятельно пропагандировать скопчество. Отсюда можно заключить, что самъ Филиппъ Ѳедосѣевъ былъ совращенъ въ скопчество и, вѣроятно, оскопленъ въ острогѣ. Подобные примѣры въ исторіи скопчества бывали нерѣдко. Первыми послѣдователями Филиппа были его братья Егоръ и Поликарпъ, изъ которыхъ послѣдній былъ самымъ старшимъ. Вотъ, напр., какъ показывали на судѣ относительно распространенія секты Филиппомъ два свидѣтеля. Показаніе крест. Петра Фадѣева: „секта распространившись лѣтъ 30; Филиппъ Ѳедосѣевъ попалъ въ тюрьму,—и послѣ выхода онъ принесъ эту секту; къ нему присталъ Егоръ Ѳедосѣевъ, затѣмъ Поликарпъ Ѳедоровъ, Ѳедотъ Ѳедоровъ, потомъ и женщины. Сначала ихъ называли *богомолами*“. Показаніе другого свидѣтеля, крест. Якова Бурдина: „Когда Филиппъ вышелъ изъ острога, съ тѣхъ поръ и *началось*; за нимъ Егоръ, потомъ Поликарпъ; молодые за ними,—и образовалась у нихъ *шайка своя*“. Кромѣ Филиппа, видная роль въ первоначальномъ распространеніи скопчества въ той мѣстности приписывается какому-то таинственному выходцу съ Аѳонской горы, который въ качествѣ странника, съ сумою за плечами, явился въ 1863 году. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что болѣе указывали на этого странника сами подсудимые—скопцы съ цѣлію ослабить свою преступность. Такъ, Егоръ Ѳедоровъ говорилъ на судѣ, что этотъ восточный человѣкъ (имени котораго онъ не знаетъ), явившись въ дер. Ѳедово, сталъ убѣждать ихъ оскопиться и указалъ на Свящ. Писаніе, которое повелѣваетъ сдѣлать это. Они убѣдились,—и онъ оскопилъ ихъ: „сначала стариковъ, а потомъ и молодыхъ, которые заявили, что они не хотятъ отстать отъ стариковъ и также хотятъ спасенія“. Въ этомъ представленіи дѣла слышится ложная нотка. Изъ дѣла видно, что оскопленіе производили въ довольно широкихъ размѣрахъ не этотъ какой-то выходецъ съ Аѳонской горы, а сами братья Ѳедосѣевы.—Какъ-бы то ни было, въ началѣ 60-хъ годовъ образовалась въ дер. Ѳедовѣ и сосѣднихъ, по вышеприведенному выраженію одного свидѣтеля, „своя шайка“ скопцовъ. А такъ какъ извѣстно, что ни одна изъ сектъ не отличается такою ревностію къ пропагандизму, какъ секта скопческая (у нея это возведено въ догматъ, и всякій, успѣвшій оскопить 12 человѣкъ, возводится въ чинъ архангельскій), то понятно, что съ теченіемъ времени стали появляться все новыя и новыя жертвы скопческаго фанатизма. Оказывается,

что скопцы вышневолодкаго уѣзда также были неразборчивы въ средствахъ совращенія и соблазна, какъ и другіе послѣдователи этой изувѣрной секты. Они прибѣгали и къ уговорамъ, и къ обольщенію своимъ богатствомъ и довольствомъ, и къ притѣсненію православныхъ, и прямо къ насильственному оскопленію, и, наконецъ, къ нѣкоторымъ совершенно особаго рода средствамъ.— Укажемъ здѣсь на нѣсколько такихъ случаевъ, о которыхъ сдѣлалось извѣстнымъ на судебномъ процессѣ изъ свидѣтельскихъ показаній.—Къ одному изъ видныхъ послѣдователей скопческой секты Павлу Иванову Тулину, крест. дер. Братскаго (?) часто ходила жена сосѣда, крест. Егора Чубашева на посѣдки. Егоръ ее останавливалъ, но она говорила, что Павелъ *вѣры хорошей*. Разъ пришелъ къ Павлу и самъ Егоръ Чубашевъ, и Павелъ началъ увѣщевать его, говоря: „нужно оставить свои грубости, ты ходи ко мнѣ, а я къ тебѣ, оставь говядину ѣсть, вино пить, табакъ курить, удаляйся отъ бабъ своихъ“. На это Чубашевъ отвѣтилъ: „все оставлю, а отъ бабы не могу удалиться, потому... придется отрѣзать“. Что же касается жены Егора, Дарьи Ерофѣевой, то она, можно сказать, была только на одинъ шагъ отъ окончательнаго уклоненія въ секту. По словамъ ея, она часто ходила къ Павлу Тулину, „у котораго былъ разговоръ божественный“. Павелъ совѣтовалъ ей отдаляться отъ мужа, потому что съ мужемъ—грѣхъ, также совѣтовалъ не ѣсть говядины, что вино и пиво—грѣхъ, замужъ выходить—грѣхъ. Эта вѣра понравилась Дарьѣ,—и она уже намѣревалась перейти въ нее, но только не дозволилъ мужъ. Кромѣ Дарьи, и многіе другія женщины показывали на судѣ, что скопцы приглашали ихъ въ свою вѣру: то совѣтовали не ходить замужъ, то уйти „въ пустынь“, то не жить съ мужемъ. Но болѣе подробныя показанія о стараніяхъ скопцовъ совращать православныхъ дали два свидѣтеля: мѣстный волостной старшина и крест. Петръ Ѳадѣевъ. Несомнѣнно, вожакамъ скопческимъ хотѣлось завлечь въ свое общество мѣстное „начальство“, чтобы подъ прикрытіемъ его безпрепятственно отправлять свои радѣнія.—Старшина любилъ читать книги Свящ. Писанія. Но вотъ онъ сталъ нерѣдко слышать отъ скопцовъ, что по книгамъ не спастись, много тамъ неправды: „можно жить безъ книгъ“. Въ 1879 году особенно часто стали приглашать его къ себѣ скопцы,—и изъ нихъ больше всего Иванъ Тарасовъ, который часто говорилъ старшинѣ: „у насъ строго и чисто— не пить, не ѣсть мяса, къ дѣвкамъ не ходить“. Всѣ эти убѣжденія настолько повліяли на старшину, что онъ согласился даже подвергнуться особому чину принятія въ ихъ общество, о чемъ самъ разсказывалъ на судѣ. Разъ, поздно ночью его привели къ дому крест. Ивана Тарасова; домъ былъ во дворѣ. Когда старшина входилъ въ избу, его встрѣтилъ скопецъ—крест. Михаилъ Яковлевъ съ образомъ—складнемъ и свѣчей и сказалъ: „*молись*“,

при чемъ замахалъ бѣлымъ платкомъ. Потомъ онъ-же спрашивалъ старшину: „кого порукой поставишь?“ [1]) Послѣ этого одна изъ присутствовавшихъ женщинъ взяла фотографическую карточку и сказала: *прикладывайся къ Божіей Матери*. Затѣмъ началось радѣніе, о которомъ старшина разсказалъ очень кратко; отмѣтимъ только, что во время радѣнія молились на какую-то женщину.— Не смотря на всѣ старанія скопцовъ, старшина къ сектѣ все-таки не присталъ. Не присталъ къ ней и другой крестьянинъ Петръ Ѳадѣевъ, на совращеніе котораго не мало потратилъ усилій вышеупомянутый нами Павелъ Тулинъ. У Петра съ Павломъ однажды былъ такой разговоръ:

— „Брось трудиться, послѣдуй въ нашу секту; брось водку пить, мясо ѣсть, особенно отъ *закона* отстань“, говорилъ Павелъ Петру.

— „Не могу, отвѣчалъ Петръ; *я еще въ своихъ лѣтахъ*.

— „Есть *средство,* или *дѣло* отстать“, продолжалъ убѣждать Павелъ.

— „Скажи“.

— „Нѣтъ; когда пристанешь къ намъ, скажу“.

Но такъ какъ Петръ Фадѣевъ не присталъ, то Павелъ Тулинъ, какъ человѣкъ богатый, сталъ сильно тѣснить Петра, особенно эти притѣсненія стали тяжелы, когда Павелъ сдѣлался сельскимъ старостой. Это побудило Петра Фадѣева слѣдить за скопцами и потомъ сдѣлать на нихъ доносъ, о чемъ сказано выше[2]). Изъ этого случая уже видно, что скопцы прибѣгали къ притѣсненію православныхъ, какъ къ средству привлеченія въ секту. Но вотъ и еще два показанія свидѣтелей въ томъ же родѣ. Крестьянинъ Яковъ Бурдинъ показывалъ, что скопцы „*весьма стѣсняли* Николая Поликарпова (племянника Ѳедосѣевыхъ и сына скопца Поликарпа), за то, что онъ не хотѣлъ перейти къ нимъ и согласиться на вылегченіе“. „А когда вылегчили, прибавилъ свидѣтель, онъ уже къ нимъ присталъ“. Крестьянинъ деревни Деменца Василій Козловъ показывалъ, что „*стѣсняютъ свои деревенскія скопцы насъ во всякой бездѣлицѣ и стараются произвесть въ свою секту*“. Наконецъ, изъ дѣла сталъ извѣстенъ случай прямаго насилія, учиненнаго скопцами. Такое насиліе было совершено надъ сейчасъ упомянутымъ нами Николаемъ Поликарповымъ. Со словъ самого Поликарпова, одинъ свидѣтель разсказалъ на судѣ объ этомъ слѣдующее. Разъ въ воскресенье послѣ обѣдни Егоръ Ѳе-

---

[1]) Извѣстно, что при переходѣ и пріемѣ въ секту скопцовъ вновь поступающій долженъ указать на какого-нибудь святаго, какъ на поручителя за себя. Больше всего указываютъ на Пресв. Богородицу и Іоанна Крестителя.

[2]) Съ цѣлію доказать, что одинъ изъ послѣдователей секты (Николай Поликарповъ) дѣйствительно оскопленъ, Петръ Ѳадѣевъ съ нѣкоторыми другими крестьянами однажды задержалъ его на улицѣ и велѣлъ снять ему нижнее бѣлье. Тотъ долго не хотѣлъ сдѣлать этого, но былъ принужденъ къ тому. И оказалось, что у него, по словамъ Фадѣева, „*ничего нѣтъ*“.

доровъ Ѳедосѣевъ пригласилъ къ себѣ въ гости племянника Николая, который любилъ выпить. Предъ чаемъ Егоръ поднесъ племяннику двѣ рюмки чего-то краснаго (яко-бы настойки). Тотъ выпилъ и очень скоро заснулъ, „а проснувшись смотритъ и нѣтъ ничего (т. е. половыхъ органовъ): только мокренько“ (буквальное показаніе свидѣтеля). Очевидно, операція оскопленія произведена была надъ соннымъ. Но послѣ того какъ это печальное дѣло совершилось, Николай Поликарповъ волей неволей крѣпко примкнулъ къ сектѣ: „а когда его вылегчили, припомнимъ показаніе другаго свидѣтеля, онъ уже къ нимъ пристalъ“. Дѣйствительно, такимъ несчастнымъ, насильно оскопленнымъ, положительно ничего не остается дѣлать, какъ сдѣлаться послѣдователями ихъ убійцъ, потому что актомъ оскопленія они, такъ сказать, отрѣзываются отъ жизни и обычныхъ житейскихъ радостей и удовольствій: внѣ скопчества для нихъ нѣтъ интересовъ. И на столько они послѣ того примыкаютъ къ сектѣ, что никоимъ образомъ не хотятъ выдать виновниковъ своего несчастія. Такъ, тотъ-же Николай Поликарповъ, который разсказалъ все нами вышеизложенное свидѣтелю, на судѣ не хотѣлъ признать справедливости этого, а напротивъ настойчиво утверждалъ, что оскопленіе онъ совершилъ самъ надъ собою —Наконецъ, очень большое значеніе въ дѣлѣ совращенія православныхъ въ скопчество имѣло и богатство скопцовъ. Многіе свидѣтели на судѣ указывали на это обстоятельство; такъ, одинъ (крестьянинъ Петръ Фадѣевъ) говорилъ, что скопцы соблазняли его тѣмъ, что послѣ перехода въ секту, можно бросить трудиться, другая (крестьянка Анисья Кирбасова) показывала, что одна скопчиха „призывала ее въ вѣру и обѣщала, что она нужды не увидитъ, если перейдетъ *въ вѣру*“, третій (крестьянинъ Степанъ Капустинъ) сообщилъ, что Егоръ Ѳедосѣевъ приглашалъ его вмѣстѣ „*торговать*“, четвертый (Андрей Трофимовъ) признался, что скопцы соблазнили его тѣмъ, что „у нихъ—хорошо, что пророки—люди зажиточные“. И дѣйствительно, какъ сами скопцы, почти по единогласному показанію свидѣтелей, были люди зажиточные, такъ и всѣ переходившіе въ ихъ секту становились также людьми болѣе или менѣе состоятельными. Такъ, напр., относительно Павла Иванова Тулина свидѣтель Егоръ Чубашевъ показывалъ, что „Павелъ Ивановъ жилъ сначала бѣдно, а *теперь* сталъ такъ богатъ, что противъ него, да противъ Ѳедосѣевыхъ и крестьянъ нѣтъ,—это съ тѣхъ поръ, какъ они перестали водку пить, мясо ѣсть;... Павелъ накупилъ себѣ земли, продаетъ сѣно, *(сталъ помѣщикомъ*,—изъ показаній другаго свидѣтеля): намъ, говорятъ, Богъ подаетъ“.—Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ способовъ совращенія, болѣе или менѣе обычныхъ въ сектѣ скопцовъ, въ дѣлѣ о вышневолоцкихъ скопцахъ, мы встрѣтились съ однимъ способомъ совращенія—совершенно необычайнымъ. Такъ какъ на судѣ объ этомъ давала показаніе одна дѣ-

вушка 11 лѣтъ, то показаніе ея было весьма нескладно и запутанно. Но вотъ что можно было понять изъ него. Егору Ѳедорову хотѣлось оскопить одну дѣвушку—подругу свидѣтельницы—Анну Алексѣеву. За это онъ предлагалъ послѣдней „два рубля и ситцу“. Кромѣ того, онъ прибѣгъ къ заигриванію воображенія дѣвушки „какимъ-то богомъ“, „у котораго пять ногъ, пять рукъ, хвостъ, огонь изъ рта, 5 рогъ, съ копытами“. „Бога этого“ Егоръ Ѳедоровъ привезъ изъ Москвы, и онъ стоялъ среди пола и къ нему прикладывались. И дѣйствительно, дѣвушка на столько напугалась этого „бога“, что онъ сталъ казаться ей во время сна, и она вслѣдствіе этого впадала въ безсознательное состояніе[1]). Пріемъ дѣвушки въ секту былъ совершенъ, и при пріемѣ „ей разрѣзали палецъ“ (sic.).

Таковы разнообразные способы совращенія въ скопчество, употреблявшіеся скопцами вышневолоцкаго уѣзда. Ихъ усердіе въ этомъ отношеніи не оставалось безрезультатнымъ; напротивъ изъ дѣла видно, что скопчество развилось тамъ сильно, такъ что, по выраженію одного свидѣтеля, подъ судъ попала только меньшая часть скопцовъ. Успѣхи скопцовъ производили на столько сильное впечатлѣніе на православныхъ, что одному изъ свидѣтелей казалось, по его характерному выраженію, что „если что или что, то они могутъ пол-Россіи, а не то и всю Россію“ (показаніе крестьянина Василія Козлова, изъ дер. Деменца).

Согласившихся перейти въ секту скопцы принимали особымъ обрядомъ. Мы выше имѣли случай привести показаніе о принятіи въ секту волостнаго старшины; но много подробнѣе и интереснѣе сообщилъ объ этомъ на судѣ другой свидѣтель, крестьянинъ Андрей Трофимовъ. Считаемъ очень умѣстнымъ привести здѣсь это показаніе буквально съ небольшими только поясненіями. „Я былъ приглашенъ въ эту секту“, такъ началъ свои показанія Трофимовъ. Неоднократно онъ бесѣдовалъ съ скопцами,—и распрашивалъ,—какая у нихъ вѣра,—и всегда слышалъ отъ нихъ почти одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „вѣра самая истинная: — не пить, не курить, мяснаго не ѣсть“. Результатомъ однихъ-ли этихъ разговоровъ, или и еще чего-нибудь было то, что Андрей Трофимовъ и съ женою согласился перейти въ секту. И вотъ надъ нимъ совершается своего рода „чинопріемъ“. „Привелъ меня, показывалъ Трофимовъ на судѣ, въ домъ Кирилла Леонтьева, Егоръ Богдановъ, и становитъ въ сѣняхъ. Здѣсь сдѣлали мнѣ наставленіе кланяться Дарьѣ Михайловой (скопческая богородица). — Вхожу, горятъ свѣчи. „Зачѣмъ, Андрей, пришелъ?“ спросили меня. „Спасенья искать“. „Хорошее дѣло: нужно поддержать се-

[1]) „Дѣвушка испугалась этого „бога“, показывала свидѣтельница-ребенокъ, затѣмъ богъ этотъ явился у нея въ домѣ и сбросилъ ее съ печки, съ подушки на полъ и вырвалъ изъ подушки пять мѣстъ, а дѣвушка лежала на полу мертвая. А богъ ушелъ за дверь и хлопнулъ дверью“.

бя.... младенцевъ не крестить и на свадьбу не ходить". Привели жену и встрѣтили ее также. Скоро послѣ этого свѣчи погасили и усѣлись по мѣстамъ. Потомъ начали пѣть стихи и пошли въ кружокъ—одна за другой—*по солнцу;* потомъ попѣли сидя. Начали спрашивать: дай какое-нибудь ручательство[1])? Показываютъ портретъ въ рамѣ, надпись: „Пресвятая Богородица". Дальше—больше. Крестились обѣими руками, хлопали въ ладоши. Есть у нихъ какіе-то пророки; одинъ пророкъ что-то постоянно говоритъ, а ты долженъ стоять и молиться на него. Дарья Михайлова въ родѣ богородицы, все сидитъ и подушка подъ ж...й. Мужчины и женщины были въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, а въ рукахъ платки, красныхъ не было. Платки держатъ, полагать надо, *для опотнія·* со всего течетъ Мужчины надѣвали рубашку на голое тѣло, подпоясывались узенькими поясками. Моленіе въ тотъ разъ продолжалось часа три, пока не перепѣли всѣ стихи; когда была самая сильная скачка, то кричали: ай духъ, ой духъ, охъ, охъ.... Было и пророчество; пророчица говорила „съ вывороченными глазами".

Временемъ собраній (радѣній) скопцовъ, были ночи подъ праздники,—и преимущественно (по показанію свидѣтелей)—подъ Введеніе, Рождество Христово, около Троицына дня, Преображенія, на день Михаила Архангела, на Власовъ день; бывали собранія и на маслянницѣ. Обыкновенно, радѣнія происходили въ избахъ, обращенныхъ окнами на дворъ, при чемъ еще окна занавѣшивались. На дворѣ во время радѣній всегда ставились сторожа или „караулъ". До начала дѣла въ 1886 году эти собранія скопцовъ происходили довольно часто — и преимущественно въ деревняхъ; Ѳедовѣ, Береговой, Кочкахъ, Братскомъ, Сергіинѣ и др. Они иногда бывали довольно многочисленны, — собиралось человѣкъ до 40—50. Кромѣ пѣнія стиховъ, радѣній и пророчествъ, о чемъ нами сказано выше, на такихъ собраніяхъ совершалось иногда причащеніе крендельками, потому что одинъ свидѣтель показывалъ, что „присутствующимъ тамъ раздавали крендельки". На православныхъ скопческія радѣнія производили ужасающее впечатлѣніе, такъ что, по показанію одной свидѣтельницы, когда она услыхала разъ, какъ „скопцы скачутъ, хлопаютъ въ ладоши и т. п., то это такъ напугало ее, что она еле ноги удрала, страшно!"

Вотъ въ существенныхъ чертахъ все болѣе важное, что нами вынесено изъ судебнаго процесса о скопцахъ вышневолоцкаго уѣзда, происходившаго въ 1888 г., въ г. Твери, и что своевременно занесено было въ тетрадь. Мы конечно не старались особенно заносить въ свою тетрадь тѣ подробности, изъ

---

[1]) См. примѣчаніе выше.

дѣла, которыя для характеристики секты скопцовъ или вовсе не имѣютъ никакого значенія, или же имѣютъ въ этомъ отношеніи весьма малое значеніе [1]).

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ на судѣ были представлены слѣдующіе предметы:

1) Большой печатный листъ съ заглавіемъ „Два пути".

2) Картина, изображающая Спасителя, входящаго въ домъ (?). Въ виньеткахъ этой картины нарисованы голуби.

3) Три сученыхъ или плетеныхъ пояса.

4) Евангеліе на русскомъ языкѣ, малаго формата, съ нѣкоторыми отмѣтками,—особенно изъ 19 гл. Ев. Матѳея ст. 11—24, (стр. 53).

5) Изображеніе Іоанна Крестителя съ барашкомъ, подпись нѣмецкая: „Kind Iohannes"

6) Платки крапчатые.

7) Изображеніе (картина) Іоанна Крестителя съ сложенными руками въ молитвенномъ настроеніи и съ бѣлымъ барашкомъ. 1863 г.

8) Двѣ тетради съ хлыстовскими и скопческими стихами. Въ первой изъ нихъ, между прочимъ, есть выраженіе: „знать жила я для тѣла, а не Бога и для прихоти своей". Во второй тетради находятся нѣкоторыя выдержки изъ сочиненій І. Златоуста о воздержаніи и цѣломудріи и объясненіе словъ Апостола: *оженившійся печется о женѣ* и т. д. Затѣмъ указываются неудобства ожелившемуся устроять свое спасеніе и восхваляется дѣвство въ самыхъ яркихъ чертахъ: напр „не рабствуйте плотскому вожделѣнію, сохраните дѣвственную красоту. Человѣческая красота смрадомъ и гноемъ изъязвитъ человѣческіе уды". „Дѣвственницы—собесѣдницы Вышняго града".

9) Портретъ женщины въ черномъ платьѣ и бѣломъ чепчикѣ (не Акулины-ли Ивановны, или, что тоже, Елизаветы Петровны?[1]).

10) Длинныя рубахи, употреблявшіяся при радѣніяхъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Цѣна 1 р. 25 к.

АДРЕСЪ: Москва, преподавателю духовной Семинаріи Дмитрію Ив. Скворцову

У того-же автора и по тому-же адресу продаются слѣдующія книги:

1) **ДІОНИСІЙ ЗОБНИНОВСКІЙ,** архимандритъ Троицкаго-Сергіева монастыря (нынѣ Лавры). Историческое изслѣдованіе. Тверь. 1890 г. 444 стр. (Сочиненіе на степень Магистра Богословія) **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

2) **ПАШКОВЦЫ въ Тверской епархіи.** Съ присовокупленіемъ краткаго очерка возникновенія, исторіи и ученія секты пашковцевъ. Тверь 1893 г. **Цѣна 1 руб съ пересылкою.**

3) **ИДЕЯ ПРАВОСЛАВІЯ, какъ созидательная сила русскаго государства, и современныя церковныя братства, какъ охранители этой идеи.** Съ прибавленіемъ отчета о миссіонерскихъ поѣздкахъ преподавателя Семинаріи Дмитрія Скворцова въ г. Ржевъ и с. Кимру. Тверь. 1895 г. **Цѣна съ пересылкою 30 коп.**

Для выписывающихъ на сумму не менѣе 10 рублей **дѣлается уступка 10%.**

---

* 4 И0071959